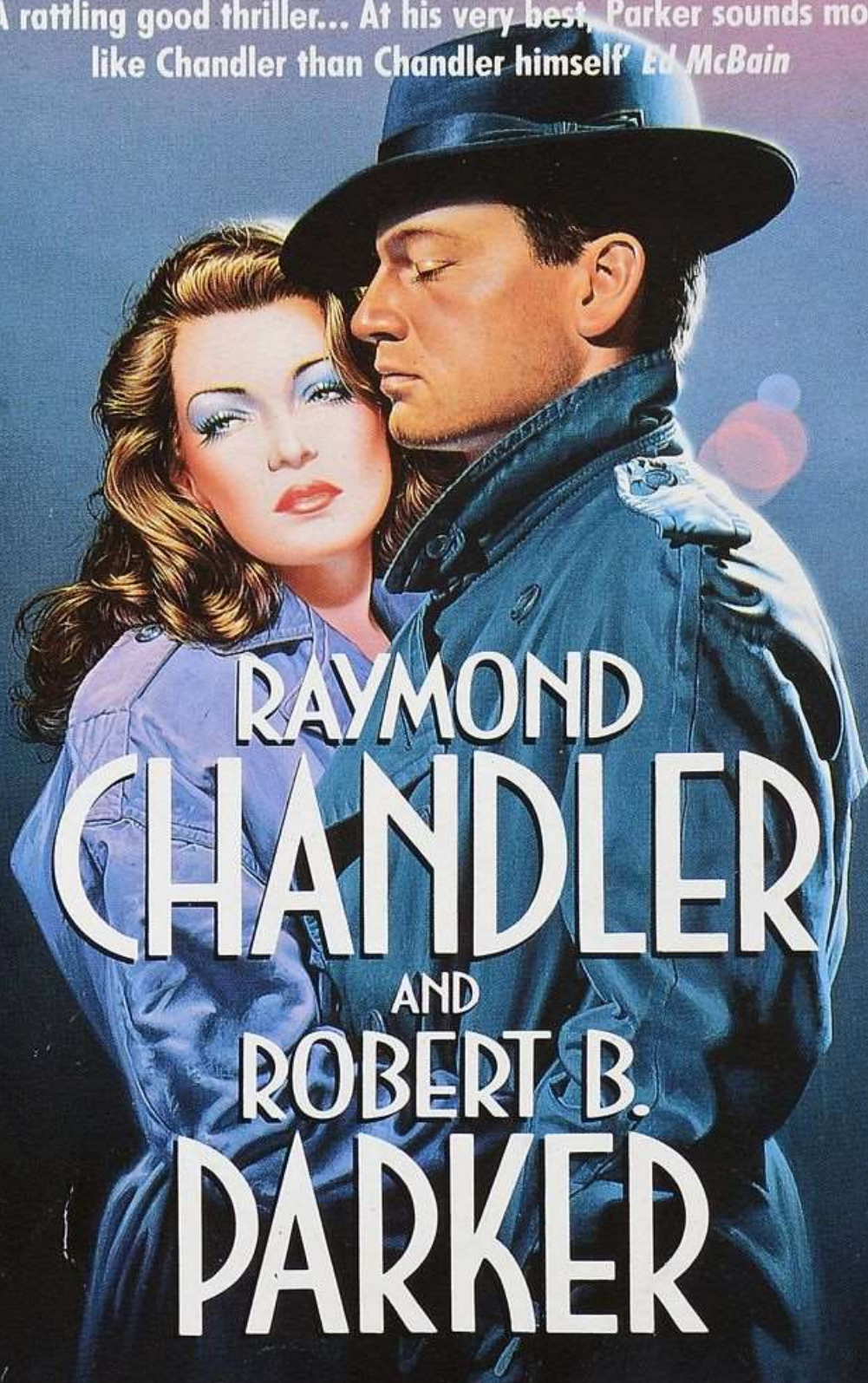

POODLE SPRINGS

'A rattling good thriller... At his very best, Parker sounds more like Chandler than Chandler himself' *Ed McBain*

RAYMOND
CHANDLER
AND
ROBERT B.
PARKER

FUTURA

“Хороший гремучий триллер... в лучших местах Паркер больше похож на Чандлера, чем сам Чандлер”

*Эд Макбейн, американский писатель,
автор цикла детективных произведений «87-ой полицейский участок»*

©1959 Raymond Chandler

©1989 Robert B. Parker

©1989 Ed McBain

©2020 Stanislaw Wepricki, wepricki@gmail.com, перевод с английского

Оглавление

1.....	1
2.....	2
3.....	5
5.....	9
6.....	13
7.....	17
8.....	19
9.....	24
10.....	26
11.....	28
12.....	32
13.....	36
14.....	38
15.....	41
16.....	44
17.....	47
18.....	50
19.....	51
20.....	53
21.....	59
22.....	65
23.....	68
24.....	70
25.....	73
26.....	75
27.....	78
28.....	79
29.....	81
30.....	84
31.....	87
32.....	88
33.....	90
34.....	92

35	93
36	97
37	100
38	101
39	104
40	108
41	109
ФИЛИП МАРЛОУ ВЕРНУЛСЯ И У НЕГО НЕПРИЯТНОСТИ	112

Рэймонд Чандлер

Роберт Б. Паркер

Пудл-Спрингс

1

Линда остановила «флитвуд-кабриолет» прямо перед домом, не разворачиваясь к проезжей части. Она откинулась назад и посмотрела на дом, а потом на меня.

— Это новая часть Спрингс, дорогой. Я сняла дом на сезон. Это немного в сторону Чичи¹, но всё ещё Пудл-Спрингс.

— Бассейн слишком мал, — сказал я. — И трамплина нет.

— Владелец разрешил его установить. Надеюсь, дом тебе понравится, дорогой. Тут две спальни, и в главной — «голливудская» кровать размером с теннисный корт.

— Отлично. Если мы поссоримся, то сможем соблюдать дистанцию.

Ванная была, как-будто, не из этого мира — да и, вообще, непонятно из какого.

В примыкающей гардеробной от стены к стене розовый коврик с ворсом по лодыжку. На трёх стеклянных полочках все косметические средства, о которых вы когда-либо слышали. Унитаз — если вы позволите мне немного спуститься на землю — в отдельной пристройке за дверью и украшен огромной рельефной розой. Из каждой комнаты вид на внутренний дворик или бассейн.

— Жду — не дождусь чтобы принять три-четыре ванны. А потом — в постель.

— Сейчас только одиннадцать утра, — с притворной скромностью отозвалась она.

— Подожду до половины двенадцатого.

— Дорогой, в Акапулько...

— В Акапулько было прекрасно. Но у нас была только та косметика, которую ты привезла с собой, кровать была всего лишь кроватью, а не пастбищем, в бассейне разрешалось плескаться всем подряд, а ванной комнате даже не было коврика.

— Дорогой, ты можешь продолжать вести себя как ублюдок. Давай. Я плачу за это двенадцать сотен в месяц и хочу, чтобы тебе понравилось.

— Я люблю это место. Двенадцать сотен в месяц — это больше, чем я зарабатываю детективом. Это первый раз, когда я попадаю на содержание. Мне одеть саронг и покрасить ногти на ногах?

— Чёрт возьми, Марлоу, я не виновата, что богата. И если у меня есть эти чёртовы деньги, то я их буду тратить. И если ты рядом, то часть обязательно потратится и на тебя. Тебе просто надо с этим смириться.

— Да, дорогая, — я поцеловал её. — Я заведу ручную обезьянку и через некоторое время ты сможешь отличать нас друг от друга.

¹ Чичи — бывший поселок в округе Калаверас, расположенном в северной части Калифорнии. (Здесь и далее примечания переводчика)

– В Пудл-Спрингс нельзя держать обезьяну. Тебе нужен пудель. У меня скоро будет красавец. Чёрный как уголь и очень способный. Его обучали игре на пианино. Возможно, он мог бы играть у нас на «хэммонде»².

– У нас есть «хэммонд»? Это то, без чего я всегда мечтал обойтись.

– Заткнись! Я начинаю думать, что мне следовало бы выйти за графа де Воживара. Он был довольно мил, если не считать, что он пользовался духами.

– А можно мне будет брать пуделя на работу? Я мог бы завести небольшой электроорган, один из тех малюток, на которых можно играть, если у тебя ухо как бутерброд с солониной. Пудель мог бы играть пока клиенты лгут мне. Как зовут пуделя?

– «Инки»³.

– Над кличкой поработал большой мозг.

– Не будь противным, и я тогда тоже не буду – ты же знаешь.

– Ну да, ты не будешь. Вряд ли можно надеяться.

Она сдала «флитвуд» назад и свернула на подъездную дорожку.

– Не обращай внимания на гаражную дверь. Аугустино будет убирать машину, но в этом сухом пустынном климате это вовсе необязательно.

– О да, слуга, дворецкий, повар и утешитель печальных сердец. Славный парень! Он мне нравится. Но кое-что не так. Мы не можем пользоваться только одним «флитвудом». Мне нужна машина добираться до офиса.

– Чёрт бы тебя побрал! Если ты не будешь учтив, я достану свой белый хлыст. У него есть такие специальные стальные вставочки...

– Настоящая американская жена, – сказал я и обошёл машину, чтобы помочь её выйти. Она упала в мои объятия. Пахла она божественно. Я снова поцеловал её. Мужчина, выключавший поливальную машину перед соседним домом ухмыльнулся и помахал рукой.

– Это мистер Томлинсон, – процедила она сквозь зубы. – Он брокер.

– Брокер, кочегар, какая мне разница, – я продолжал её целовать.

Мы были женаты уже три недели и четыре дня.

2

Это был очень красивый дом, если не считать того, что в нём прямо смердило декоратором. Передняя стена представляла собой зеркальное стекло с бабочками внутри. Линда сказала, что его привезли из Японии. Пол в холле был покрыт синим виниловым ковром с золотым геометрическим рисунком. Из холла можно было попасть в кабинет, в котором было много мебели, а также четыре огромных медных подсвечника и самый красивый инкрустированный письменный стол, который я когда-либо видел. Рядом с кабинетом находилась гостевая ванная, которую Линда называла умывальной. Полтора года в Европе научили её говорить по-английски. В ванной для гостей был душ, туалетный столик, над ним зеркало три на четыре дюйма. У стереосистемы были динамики в каждой комнате. Аугустино её тихонько включил. Сам он появился в дверях, улыбаясь и кланяясь. Он был симпатичным парнем, наполовину гавайцем, наполовину японцем. Линда подобрала его, когда мы совершали короткую поездку на Мауи перед тем, как отбыть в Акапулько.

² Орган Хэммонда (англ. Hammond organ) – электромеханический музыкальный инструмент (электрический орган), который был спроектирован и построен Лоуренсом Хаммондом в апреле 1935 года.

³ Inky – чернильный (англ.)

Удивительно, что можно заполучить, если у вас есть восемь или десять миллионов долларов.

Во внутреннем дворике обнаружилась большая пальма с несколькими тропическими кустами, а также некоторое количество грубых камней, собранных в пустыне абсолютно бесплатно, но доставленных клиенту по цене 250 долларов за штуку. В ванной комнате, размеры которой Линда не преувеличивала, была дверь во внутренний дворик, а в этой – дверь к бассейну, во внутренний дворик и во внешний дворик. Ковёр в гостиной был бледно-серым, а орган Хэммонда был вмонтирован в стойку напротив клавиатуры. Это чуть было не сбило меня с толку. Кроме того, в гостиной стояли диваны в тон ковру и контрастирующие с ним мягкие кресла, а в шести футах от стены имелся огромный камин с вытяжкой. Также там имелся китайский сундук, выглядевший очень натурально, а на стене висели три резных китайских дракона. Одна стена была целиком из стекла, другая из кирпичей в тон ковру на высоту около пяти футов, а выше опять стекло. В ванной глубокая ванна и шкафы с раздвижными дверцами, достаточно большие, чтобы вместить всю одежду, которую захотели бы приобрести двенадцать выпускниц колледжа.

На «голливудской» кровати в спальне в полном комфорте могли бы разместиться четыре человека. На полу здесь лежал бледно-голубой ковёр, а при свете ламп, установленных на японских статуэтках, можно было читать перед сном.

Мы прошли в комнату для гостей. Там стояли одинаковые односпальные, не двуспальные, кровати, в примыкавшей ванной было такое же точно зеркало над туалетным столиком и на те же четыреста-пятьсот долларов косметики, духов и, Бог знает, что ещё на трёх стеклянных полках.

Осталась кухня. У входа был бар, стенной шкаф с двадцатью видами стаканов для коктейлей и бокалов для вина, за ним – плита без духовки и жарочного шкафа, отдельно две электрические духовки и электрический жарочный шкаф у другой стены, а также огромный холодильник и морозильная камера. Под стеклянной столешницей стола для завтрака была уложена морская галька, с трёх сторон стояли широкие удобные кресла, с четвёртой – встроенный диван. Я включил вытяжной вентилятор. С широким размахом он работал почти бесшумно.

– Здесь слишком богато для меня, – сказал я. – Давай разведёмся.

– Ах ты, собака! Это ничто по сравнению с тем, когда мы построим свой собственный дом! Да здесь немного безвкусно, но и нельзя сказать, что дом страдает от пустоты.

– А где будет спать пудель, на гостевой кровати или с нами? Он уже определился с цветом пижамы?

– Прекрати!

– Я собираюсь вытереть пыль в своём офисе, без этого я буду чувствовать себя каким-то неполноценным.

– У тебя не будет никакого офиса, тупица. Зачем, по-твоему, я вышла за тебя?

– Тогда пойдём опять в спальню.

– Чёрт бы тебя побрал, а кто распакует вещи?

– Готов поспорить, Тино занимается этим прямо сейчас. Он выглядит человеком, который вполне мог бы этим заняться. Кстати, мне надо спросить его, не возражает ли он, что я зову его Тино.

– Возможно, он и сможет распаковать вещи, но он не знает, что и куда положить. А я очень привередлива.

– Давай подерёмся из-за шкафов, кому какой достанется. Мы могли бы немного побороться, а потом...

– Мы могли бы принять душ, немного поплавать и пообедать пораньше. Я умираю с голоду.

– Устрой себе ранний обед, а я поеду в центр и поищу офис. Должна же быть в Пудл-Спрингс какая-то деловая активность. Здесь крутятся большие деньги, и я мог бы ухватить пару монет.

– Я тебя ненавижу. Не знаю, зачем я вышла за тебя. Но ты был так настойчив.

Я сгрёб её и прижал к себе. Я осмотрел её брови и ресницы, которые были длинными и щекочущими. Я перешёл к её носу и щекам, а затем ко рту. Сначала это был просто рот, потом язык, шныряющий туда-сюда, затем долгий вздох и два человека стали настолько близки, насколько это вообще возможно.

– Я отписала тебе миллион долларов, делай с ним всё, что хочешь, – прошептала она.

– Очень щедро с твоей стороны. Но ты же знаешь, что я к нему не притронусь.

– Что же нам делать, Фил?

– Мы должны это пережить. Это не всегда будет легко, но я не собираюсь становиться мистером Лорингом.

– Мне не изменить тебя?

– Ты действительно хочешь сделать из меня мурлыкающего котёнка?

– Нет. Я вышла за тебя не потому что у меня много денег, а у тебя их почти не было. Я вышла за тебя потому что люблю тебя, а одна из причин, по которым я тебя люблю, в том, что тебе наплевать на всех – иногда даже на меня. Я не хочу сделать из тебя дешёвку, дорогой. Я просто хочу сделать тебя счастливым.

– Я хочу сделать тебя счастливой. Но не знаю, как. У меня недостаточно карт на руках. Я бедняк, у которого богатая жена. Я не знаю, как себя вести. В одном я только уверен, убогая у меня контора или нет, но именно там, я это я. Вот где я буду тем, кто я есть.

Послышался негромкий шорох и в дверях возник Аугустино, кланяясь, с осуждающей улыбкой на своей элегантной физиономии.

– В какое время мадам предпочтёт обедать?

– Могу я называть тебя Тино? – спросил я. – Только потому, что так легче.

– Разумеется, сэр.

– Спасибо. А миссис Марлоу – не мадам. Она миссис Марлоу.

– Мне очень жаль, сэр.

– Не за что извиняться. Некоторым дамам так нравится. Но моя жена носит моё имя. Она с удовольствием пообедает. А мне надо отъехать по делам.

– Очень хорошо, сэр. Я сейчас же приготовлю обед для миссис Марлоу.

– Тино, есть ещё кое-что. Мы с миссис Марлоу очень любим друг друга. Это проявляется по-разному. Но ни один из способов не должен быть тобой замечен.

– Я знаю своё место, сэр.

– Твоё место в том, что ты помогаешь нам жить комфортно. Мы благодарны тебе за это. Возможно, даже больше, чем ты думаешь. Формально ты слуга. На самом деле ты мой друг. По-видимому, в таких вещах существуют определённые правила. Я должен уважать правила так же, как и ты. Но, в глубине души, мы всего лишь парочка обычных парней.

Он лучезарно улыбнулся.

– Думаю, что буду здесь очень счастлив, мистер Марлоу.

Вы бы не смогли сказать, как и когда он исчез. Его просто не стало. Линда перевернулась на спину, приподняла ноги и уставилась на них.

-
- И что мне сказать? Хотела бы знать, чёрт побери! Тебе нравятся мои пальцы на ногах?
- Это самый восхитительный набор пальцев, который я когда-либо видел. И, кажется, он даже полный.
- Отойди от меня, ты, ужас. Мои пальцы восхитительны.
- Я одолжу ненадолго твой «флитвуд»? Завтра я летаю в Лос-Анджелес и заберу свой «олдс».
- Дорогой, неужели так надо? Это не кажется таким необходимым.
- У меня нет другого выхода, – сказал я.

3

«Флитвуд» промырлукал, чтобы я остановился у офиса человека по имени Торсон, вывеска в чьём окне гласила, что, помимо недвижимости, он занимается ещё много чем, разве что только не разведением кроликов.

Это был приятный на вид лысый человек, единственной заботой которого, казалось, было чтобы его трубка не погасла.

– Сейчас трудно найти офис, мистер Марлоу. Если, как я думаю, Вы подыскиваете его на Каньон-драйв, то даже не могу предположить во сколько это Вам обойдётся.

– Мне не нужен офис на Каньон-драйв. Я хочу, чтобы он был на какой-нибудь боковой улочке или на Сиу-авеню. Я не могу себе позволить офис на главной улице.

Я дал ему свою визитную карточку и позволил взглянуть на фотокопию лицензии.

– Ну, не знаю, – с сомнением произнёс он. – Полицейское управление это может не обрадовать. У нас курортный город, и приезжие должны быть довольны. А если Вы занимаетесь делами о разводах, людям это не понравится.

– Я не берусь за дела о разводах, а людям всё равно нравлюсь очень редко. Что касается копов, то я поговорю с ними, и, если они захотят выставить меня из города, то моей жене это не понравится. Она только что сняла одно довольно причудливое место в квартале от нового дома Романова.

Он чуть не упал со стула, но, чёрт побери, разве он не должен был держать себя в руках?

– Вы имеете ввиду дочь Харлана Поттера? Я слышал, что она вышла за кого-то замуж... Нот не всё ли равно, что я думаю? Так я понимаю, это Вы и есть. Я уверен, что мы сможем Вам помочь, мистер Марлоу. Но зачем вам офис на отшибе или на Сиу-авеню? Почему не в районе получше?

– Я плачу из своих собственных денег, а их у меня не так уж и много.

– Но Ваша жена...

– Послушайте, Торсон. Самое большое, что я зарабатываю, это пара тысяч в месяц. Иногда вообще ничего. И я не могу позволить себе роскошный район.

Он раскурил трубку, наверное, девятый раз за наш разговор. И зачем браться её курить, если не знаешь как?

– А Вашей жене это понравится?

– То, что ей нравится или нет, не Ваше дело, Торсон. Так Вы можете что-то предложить или нет? И не пытайтесь меня обмануть. Я тёртый калач. Можешь попытаться меня развести, но у тебя это не получится.

– Ну...

Бодрый молодой человек толкнул дверь и, улыбаясь, вошёл внутрь.

– Я представляю «Пудл-Спрингс Газетт», мистер Марлоу. Как я понимаю...

– Если бы понимал, тебя бы тут не было. – Я встал. – Извините, мистер Торсон, но у Вас под столом слишком много кнопок. Я обращусь в другое место.

Я оттолкнул репортёра и вышел в открытую дверь. Если в Пудл-Спрингс кто-то когда-нибудь и закрывает за собой дверь, то это исключительно нервная реакция. На выходе я столкнулся с крупным румяным мужчиной, который был выше меня на четыре дюйма и тяжелее фунтов на тридцать.

– Я Мэнни Липшульц, – представился он. – А Вы – Филип Марлоу. У меня есть к Вам разговор.

– Я приехал сюда всего пару часов назад, – сказал я. – Я ищу офис. Я не знаю никого по имени Липшульц. Не могли бы Вы дать мне пройти?

– Возможно, у меня для Вас кое-что есть. Новости тут быстро распространяются. Зять Харлана Поттера, да? Звучит очень убедительно.

– Можете выдохнуть.

– Не будьте таким. У меня неприятности. Мне нужен кто-то, кому я могу довериться.

– Когда у меня будет офис, мистер Липшульц, приходите и мы поговорим. А прямо сейчас мне надо заняться важными делами.

– Ну, я могу до этого не дожить, – тихо произнёс он. – Слышали о клубе «Агония». Он принадлежит мне.

Я заглянул в кабинет сеньора Торсона. Казалось, что у него и газетного стервятника уши выросли на целый фут.

– Не сейчас, – сказал я. – Позвоните мне, как я поговорю с законниками.

Я дал ему номер. Липшульц одарил меня усталой улыбкой и отодвинулся в сторону. Я вернулся к «флитвуду» и грациозно протасился на нём к полицейскому участку чуть дальше по улице. Встал на служебной парковке и вошёл внутрь. За стойкой сидела очень привлекательная блондинка в полицейской форме.

– Чёрт побери, – сказал я. – Я думал у всех женщин-полицейских суровые лица. А Вы просто куколка.

– Разные бывают, – спокойно ответила она. – А Вы Филип Марлоу, так ведь? Я видела Ваше фото в лос-анджелесских газетах. Чем мы можем Вам помочь, мистер Марлоу?

– Зашёл зарегистрироваться. Мне поговорить с Вами или с дежурным сержантом? И по каким улицам мне стоит ходить, чтобы меня не окликали со всех сторон?

Она улыбнулась. Зубы у нее были ровные и белые, как снег на вершине горы за Спрингс. Держу пари, она использовала один из девятнадцати видов зубной пасты, которые лучше, новее и эффективнее всех остальных.

– Вам лучше поговорить с сержантом Уайтстоуном. – Она открыла калитку и кивком указала мне на закрытую дверь. Я постучал, открыл дверь и увидел спокойного рыжеволосого мужчину с глазами, какие бывают только у полицейских сержантов. Глазами, которые видели слишком много гадостей и были свидетелями слишком часто произносимой лжи.

– Меня зовут Марлоу. Я частный детектив. Собираюсь открыть здесь офис, если смогу его найти и если вы мне позволите. – Я бросил на стол еще одну карточку и открыл бумажник, чтобы дать ему взглянуть на мою лицензию.

– Разводы?

– Никогда не берусь, сержант.

– Хорошо. Это поможет. Не могу сказать, что я в восторге, но мы могли бы поладить, если ты оставишь полицейскую работу копам.

– Я бы с радостью, но иногда не могу вовремя остановиться.

Он нахмурился. Затем щёлкнул пальцами. Потом крикнул: «Норман!»

Дверь открыла хорошенькая блондинка.

– Кто этот персонаж? – взвыл сержант. – Хотя не говори. Дай угадаю.

– Боюсь, что так, сержант, – скромно ответила она.

– Черт возьми! И так плохо, когда вокруг слоняется частый детектив. Но частный детектив, у которого есть поддержка в пару сотен или триста миллионов долларов – это просто бесчеловечно.

– Меня не поддерживают никакие двести миллионов, сержант. Я сам по себе, и я относительно бедный человек.

– Правда? Мы оба такие, но только я забыл жениться на дочери босса. Понимаешь ли, мы, копы, тупые.

Я сел и закурил сигарету. Блондинка вышла и закрыла за собой дверь.

– Это бесполезно, не так ли? – сказал я. – Я не смогу убедить Вас, что я обычный парень, пытающийся заработать на жизнь. Кстати, Вы знаете кого-нибудь по имени Липшульц? Он ещё владеет клубом.

– Слишком хорошо. Его заведение находится в пустыне, вне нашей юрисдикции. Время от времени окружной прокурор Риверсайда устраивает там облаву. Говорят, Липшульц разрешает играть в своём заведении. Я точно не знаю.

Он провел своей мозолистой рукой по лицу, делая его похожим на лицо человека, который ничего не знает.

– Мы столкнулись с ним у конторы агента по недвижимости по имени Торсон. Сказал, что у него неприятности.

Сержант уставился на меня без всякого выражения.

– Быть в беде – значит быть человеком по имени Липшульц. Держись от него подальше. Некоторые из этих неприятностей могут перейти к тебе.

Я встал.

– Спасибо, сержант. Я просто хотел зарегистрироваться.

– Ты зарегистрировался. Буду с нетерпением ждать того дня, когда ты уедешь.

Я вышел и закрыл за собой дверь. Хорошенькая женщина-полицейский мило улыбнулась мне. Я остановился у стойки и некоторое время молча смотрел на нее.

– Думаю, ни один полицейский никогда не любил частных детективов, – сказал я.

– По-моему, Вы в полном порядке, мистер Марлоу.

– По-моему, Вы выглядите более чем нормально. Моя жена тоже любит меня время от времени.

Она оперлась локтями о стол и сцепила руки под подбородком.

– А чем она занимается в остальное время?

– Она хочет, чтобы у меня было десять миллионов долларов. Тогда мы могли бы позволить себе еще пару «кадиллаков» Флитвуда.

Я очаровательно улыбнулся ей, вышел из полицейского участка и забрался в наш одинокий «флитвуд». А потом отправился к нашим хоромам.

4

В конце главной улицы дорога поворачивает налево. Чтобы добраться до нашего дома, потом надо ехать прямо, там слева нет ничего, кроме холмов, а справа иногда случается

увидеть примыкающую улицу. Пара машин с туристами обогнала меня, спеша увидеть пальмы в национальном парке штата, как будто в Пудл-Спрингс пальмы какие-то другие. Позади меня ехал большой «бьюик-роудмастер». На участке, на котором, казалось, никого кроме нас никого нет, он вдруг прибавил скорость, обогнал меня и резко затормозил передо мной. Интересно, что я сделал не так? Из машины выскочили двое, одетых в по-спортивному, и засеменили к тому месту, где мне пришлось остановиться. В их напряженных руках мелькнули пистолеты. Я положил руку на рычаг переключения передач, чтобы можно было быстро включить первую. Тянуться к перчаточному ящику времени уже не оставалось. Они уже были рядом с «флитвудом».

– Липпи хочет переговорить с тобой, – прорычал гнусавый голос.

Он выглядел как обычная дешёвая шпана. Я не потрудился составить о нём более детальное впечатление. Другой был выше, тоньше, но не приятнее. Но оружие оба держали с небрежностью профессионалов.

– Кто такой Липпи? И уберите нагреватели, у меня ничего нет.

– После того, как он говорил с тобой, ты отправился к копам. Липпи это не нравится.

– Дай угадать, – весело сказал я. – Липпи это, должно быть, мистер Липшульц – владелец или управляющий клуба «Агония», который находится за пределами территории полиции Пудл-Спрингс, а клубе «Агония» творится что-то незаконное. Почему он так хочет видеть меня, что посылает парочку шестёрок?

– По делу, есть одно дело.

– Естественно, я и не думал, что мы настолько близки, что он не может без меня пообедать.

Один из них, который повыше, обошёл «флитвуд» и потянулся к правой дверце. Если что-то и предпринимать, то сейчас. Я вдавил педаль газа в пол. Дешёвый автомобиль тут бы и заглох, но не «флитвуд». Он рванулся и заставил высокого «капюшона» дёрнуться вперёд. «Флитвуд» с силой врезался в заднюю часть «роудмастера». Что произошло с «флитвудом» я не мог видеть, возможно царапина или две на переднем бампере. Ещё до столкновения я рывком открыл перчаточный ящик и выхватил свой «тридцать восьмой», который был со мной в Мексике, не то чтобы мне он был там нужен, но если ты с Линдой, то лучше не рисковать.

Меньший «капюшон» бросился бежать. Другой всё ещё сидел ровно на заднице. Я выскочил из «флитвуда» и выстрелил вверх его головы.

Убегающий остановился как вкопанный футах в шести.

– А теперь послушайте, дорогие мои, – сказал я. – Если Липпи хочет поговорить со мной, то будет довольно затруднительно сделать это, если я буду набит свинцом. Никогда не показывайте оружие, если не готовы пустить его в ход. Я готов. А вы нет.

Высокий угрюмо поднялся на ноги и убрал пистолет. Через мгновение другой поступил также. Они отправились осмотреть свою машину. Я сдал назад, а потом поравнял «флитвуд» с «хэдмастером».

– Так что пока мы не увидимся с Липпи, – сказал я. – Но ему нужен совет по поводу персонала.

– У тебя красивая жена, – злобно сказал маленький «капюшон».

– И любой отброс, который поднимет на неё руку уже наполовину кремирован. Пока, вонючка. Увидимся на кладбище.

Я вернул пистолет «флитвуду» и скрылся из виду. Свернул на нашу улицу, которая, как и все улицы в этом районе, была тупиком между высокими холмами, граничащими с горами. Остановился перед домом и осмотрел переднюю часть «флитвуда». Она была немного

погнута – не так чтобы сильно, но достаточно для такой леди, как Линда, не могла воспользоваться этим автомобилем. Я вошел в дом и застал её в спальне, разглядывающей платья.

– Ты всё бездельничаешь, – сказал я. – Вы ещё даже не переставили мебель.

– Дорогой! – Она бросилась ко мне, как мяч после средней подачи, высокой и закрученной.

– А ты чем занимался?

– Врезался на твоей машине в зад другой. Тебе лучше позвонить и заказать ещё несколько «флитвудов».

– Что, чёрт возьми, произошло? Ты же аккуратный водитель.

– Это я нарочно. Я встретил человека по имени Липшульц, управляющего клубом «Агония», когда выходил из офиса риэлтора. Он хотел со мной поговорить, но я торопился. Так что, он послал пару придурков с пистолетами перехватить меня по дороге домой. Я их отделал.

– Ну, конечно же, дорогой. И абсолютно правильно. А что такое риэлтор?

– Торговец недвижимостью с гвоздикой в петлице. Ты не спросила меня, насколько сильно повреждена твоя машина.

– Перестань называть её моей. Это наша машина. Не думаю, что она повреждена настолько, чтобы можно было это заметить. В любом случае, нам нужен седан на вечер. Ты уже обедал?

– Ты чертовски спокойно относишься к тому, что меня могли застрелить.

– Ну, на самом деле, мои мысли заняты другим. Я боюсь скоро объявится отец и начнёт скупать этот город. Ты же знаешь, как он относится к известности.

– Как же он прав! Уже с полдюжины человек называли меня по имени, включая изысканно красивую блондинку-полицейского.

– Она, наверное, знает дзюдо, – небрежно заметила Линда.

– Послушай, я же не добиваюсь своих женщин насилем.

– Ну, возможно. Но я, как будто, помню, как меня втолкнули в чью-то спальню.

– Да конечно! По-моему, просто кто-то не мог больше сдерживаться!

– Попроси Тино подать тебе обед. А то, боюсь, если мы продолжим, то я забуду, что занималась платьями.

5

В конце концов я нашел офис, как можно ближе к городской свалке, к югу от Рэймон-драйв, в здании над заправочной станцией. Это был обычный двухэтажный псевдоглинобитный дом с вычурными коньковыми столбами, торчащими из него по линии крыши. Вдоль правой стены тянулась наружная лестница, ведущая в комнату с раковиной в углу и дешевым письменным столом, оставшимся от предыдущего жильца, парня, который, возможно, продавал страховку, а возможно, и что-то ещё. Что бы он ни продавал, денег на оплату аренды ему не хватало, и старик, который владел зданием и заправкой, выгнал его месяц назад. Кроме стола, там стояло скрипучее вращающееся кресло, серая металлическая картотека и календарь, на котором была изображена собака, тянущая за низ купальника маленькую девочку.

– Дорогой, это ужасно, – сказала Линда, увидев его.

– Тебе просто надо увидеть кое-кого из моих клиентов, – ответил я.

– Я могла бы попросить кого-нибудь прийти...

– Это то, что я могу себе позволить, – сказал я.

Линда кивнула.

– Ну ладно, я уверена, что всё будет очень хорошо, – сказала она. – А теперь пойдем обедать. Зазвонил телефон. Линда взяла трубку.

– Офис Филипа Марлоу, – сказала она. Потом она прислушалась, сморщила нос и протянула трубку мне. – Должно быть, это клиент, дорогой. Ужасный голос.

Я сказал: «Да» в трубку, и голос, который я уже слышал раньше, произнёс: «Марлоу, это Мэнни Липшульц.»

– Как мило с твоей стороны, – ответил я.

– Ладно, посылать за тобой пару крутых парней было ошибкой. Я совершил ошибку.

Я пропустил это мимо ушей.

– Если ты готов к работе, я бы хотел поговорить.

– Давай, – сказал я.

– Ты можешь подъехать ко мне?

– В клуб «Агония»?

– Да. Знаешь где это?

– Только что он вне юрисдикции Пудл-Спрингс, – сказал я. – Когда?

– Прямо сейчас.

– Я выеду через полчаса, – сказал я и повесил трубку.

Линда смотрела на меня, скрестив руки на груди. Я откинулся на спинку стула, заложил руки за голову и улыбнулся ей. На ней была нелепая маленькая белая шляпка с намеком на вуаль, маленькое белое платье без рукавов и белые туфли на высоком каблуке, носком правой она постукивала по полу.

– Я выеду через полчаса? – спросила она.

– Первый клиент, – сказал я. – Я должен зарабатывать на жизнь.

– А наш обед?

– Позвони Тино, может, он захочет к тебе присоединиться?

– Я не могу пойти на обед со слугой.

Я встал.

– Я подброшу тебя до дома.

Она кивнула, повернулась и вышла из кабинета впереди меня. Когда я высадил ее, она не поцеловала меня на прощание, хотя я обошел машину и открыл ей дверь. Очаровашка Марлоу. Образец вежливости.

Клуб «Агония» находился к северо-востоку от Пудл-Спрингс, сразу за границей округа Риверсайд. Один знаменитый актер задумал построить себе замок в пустыне, а затем судьба перевернулась из-за инцидента с 15-летней девочкой, и замок стал его жертвой. Он был похож на бордель для богатых мексиканцев, сплошь покрытый белой штукатуркой и красной черепицей, с фонтанами во дворе и бугенвиллеями⁴, ползущими вдоль стен. В середине дня здание выглядело слегка потускневшим как перезревшая звезда экрана. На большой круглой подъездной дорожке из щебня не было ни одной машины. Слышалось жужжание кондиционера, находившегося где-то вне поля зрения, как будто за зданием роилась саранча.

⁴ Бугенвиллея – род вечнозеленых растений семейства Никтагиновые. Распространена в Южной Америке.

Я припарковал «олдс» перед подъёмной решеткой в задней части двора и вошел в прохладную темноту главного входа. Две большие резные двери красного дерева были слегка приоткрыты. Я протиснулся через них в неожиданно прохладное помещение. Это было приятно после сильной жары пустыни, но как-то неестественно, как успокаивающее прикосновение бальзамировщика. Два «капюшона», с которыми я познакомился на днях, появились откуда-то справа.

Тот, что повыше, спросил: «Ты вооружен?»

– Конечно, – ответил я, – никогда не знаешь, когда можно будет во что-нибудь пострелять.

Меньший «капюшон» был виден лишь наполовину, он висел в темном дверном проеме справа. Я видел, как свет из главной комнаты отражается от пистолета в его руке.

– Не видел у Липпи пистолет, – сказал высокий.

Я пожал плечами и распахнул пальто, высокий ловко выхватил пистолет из-под моей руки. Он посмотрел на него.

– Двухдюймовый ствол, – сказал он. – Не очень хорош на расстоянии.

– Я работаю только крупным планом, – сказал я.

Высокий шёл впереди через открытое центральное пространство. Там были столы для блэкджека, рулетки и для игры в кости. Вдоль дальней левой стены располагался бар из полированного красного дерева, перед зеркальной стеной которого были искусно расставлены бутылки. Единственный свет падал из ряда высоких узких окон под потолком, которые, вероятно, были спроектированы так, чтобы как можно больше походить на бойницы. С потолка свисали незажженные хрустальные люстры. Маленький «капюшон» шел в пяти шагах позади меня. Я не думал, что он всё ещё держит в руке пистолет, но не хотел, чтобы он подумал, что меня это интересует.

В дальнем конце бара три ступеньки вели на низкую площадку, а оттуда открывалась дверь в большой кабинет Мэнни Липшульца. Он сидел за столом размером с площадку для игры в шаффлборд.

– Марлоу, – сказал он, – присаживайся. Хочешь выпить?

Он встал, обошел буфет розового дерева, взял оттуда графин и наполнил два невысоких толстостенных стакана до половины. Протянул мне один и обошёл вокруг стола.

– Всё в порядке, Леонард, – сказал он высокому «капюшону». – Проваливайте.

Леонард и его маленький приятель бесшумно исчезли в темноте. Я потягивал виски, лучший, чем привык, хотя у моей жены было десять миллионов долларов.

– Рад, что ты смог приехать, Марлоу, – сказал Липшульц.

– Я тоже, – сказал я. – Надо зарабатывать на жизнь.

– Женат на дочери Харлана Поттера?

– Это значит, что ей не нужно зарабатывать на жизнь, – сказал я.

Липшульц кивнул.

– У меня проблема, Марлоу.

Я ждал.

– То, что мы здесь делаем, не совсем законно.

– Догадываюсь, – сказал я.

– Ты когда-нибудь задумывался, почему нас не прикрыли?

– Нет, – ответил я, – но если бы я знал, то решил бы, что у тебя есть поддержка, а поддержка – это такие деньги, которые не заставляют людей протягивать руку за подаванием.

Липшульц улыбнулся.

– Умно, Марлоу. Я знал, что ты умён, ещё до того, как проверить тебя.

– Так для чего же тебе я, если у тебя такие связи?

Липшульц печально покачал головой. У него был толстый нос, хорошо сочетавшийся с красным лицом, и гладкие черные волосы, разделенные пробором посередине и туго зачесанные по обе стороны от его пуленепробиваемой головы.

– Я не могу использовать эту поддержку в этом деле, – сказал он. – Дело в том, что если ты мне не поможешь, то подмога, возможно, сама пришлёт ко мне кого-нибудь, понимаешь?

– Если они это сделают, то ты получишь помощь получше, чем те два йеху⁵, которые работают на тебя.

– Правда твоя, – сказал Липпи. – Трудно заставить людей приехать сюда, я имею в виду, что это не Лос-Анджелес. Не все любят пустыню. Почему я так обрадовался, когда узнал, что ты здесь. Я слышал о тебе, когда ты работал в Голливуде.

– Повезло тебе, – сказал я. – Что ты хочешь мне поручить?

Он протянул мне долговую расписку на 100 000 долларов с подписью *Лес Валентайн* внизу аккуратным, очень мелким почерком. Затем он откинулся на спинку стула, чтобы дать мне возможность всё осознать.

– Я, – сказал Липпи, – взял у парня расписку на сотню тысяч. Должно быть, старею.

– Как же так вышло? – спросил я.

– Он из богатой семьи. И раньше проблем никогда не было.

– И когда мистер Большой, который всем заправляет, проверил бухгалтерские книги, то заметил, что не хватает ста тысяч долларов.

– Его бухгалтер, – сказал Липшульц. – И ко мне пришёл мистер Блэкстоун.

В комнате с кондиционером было холодно, но Липшульц вспотел. Он вытащил из кармана шёлковый носовой платок и вытер им шею.

– Он лично приехал сюда, сел там, где сидишь ты, и сказал мне, что у меня есть тридцать дней, чтобы покрыть убытки, – сказал Липшульц.

– Или?..

– У мистера Блэкстоуна не бывает «или», Марлоу.

– Значит, ты хочешь, чтобы я нашел парня, который почти прикончил тебя.

Липшульц кивнул.

– Я нахожу людей, Липшульц, но не трясусь их.

– Это всё, о чем я тебя прошу, Марлоу. У меня нет ста тысяч. Я не получу их обратно и умру. Ты найдешь мне этого парня. Поговорить с ним.

– А что, если у него их нет? У парней, которые проигрывают по сто штук, обычно деньги не задерживаются, – сказал я.

– Они у него есть. Его жена стоит двадцать-тридцать миллионов.

– Так почему бы не попросить её?

⁵ Йеху – вымышленные отвратительные человекоподобные существа, населяющие страну добродетельных лошадей–гуингнмов и описанные в IV части «Путешествий Гулливера» Джонатана Свифта.

– Я пробовал, но она мне не поверила. Она сказала, что её Лестер не мог так поступить. Я говорю, спроси Лестера, а она говорит, что он сейчас в отъезде, делает фото для какого-то фильма к северу от Лос-Анджелеса.

– А почему ты её не потрянул?

Липшульц покачал головой.

– Она леди, – сказал он.

– А ты джентльмен, – сказал я.

Липшульц пожал плечами.

– Какого черта, – только и сказал он.

Я верил в это так же, как и в то, что надо жить по совести, но, похоже, тут не о чем было спорить.

– Я заплачу десять процентов, если получу деньги обратно, – сказал Липшульц.

– Я беру сотню в день плюс расходы, – ответил я.

Липшульц кивнул. – Слышал, ты был бойскаутом.

– В Сан-Квентине кое-кто из приговоренных к пожизненному думает так же, – сказал я.

Липшульц усмехнулся. – Также слышал, что ты считаешь себя крутым.

– Где мне найти этого парня? – спросил я.

– Валентайн, Лес Валентайн. Живёт с женой где-то в Пудл-Спрингс, рядом с Рэки-Клаб. Хочешь, чтобы я поискал адрес?

– Я опытный сыщик, сам посмотрю в справочнике. Я возьму расписку?

– Конечно, – сказал Липшульц. – У меня есть копии.

Липшульц дал мне 100 долларов в качестве аванса и нажал где-то кнопку, потому что появился Леонард и его alter ego. Леонард вернул мне пистолет, alter ego державшийся достаточно далеко, чтобы я не укусил его, последовал за мной через игровой зал в жаркий яркий дневной свет у входной двери. Они с Леонардом смотрели, как я сажусь в «олдс» и уезжаю, а горячий ветер обдувает меня через открытые окна.

6

Дом Леса Валентайна находился в стороне от Рэки-Клаб-Роуд, на одной из тех извилистых улочек, которые создают впечатление тесного соседства. Через равные промежутки времени здесь росли гигантские кактусы и деревья жакаранды⁶, исключительно для внесения разнообразия в цветовую гамму. Бунгало с широкими крышами располагались вплотную к подъездной аллее, так что сзади ещё было достаточно места для бассейна и внутреннего дворика, которые представляли собой высшее достижение цивилизации в пустыне. Вокруг никого не было видно. Единственным, что нарушало состояние полного покоя, было мягкое движение разбрызгивателей воды. Все, наверное, были внутри, примеряя наряды для вечеринки в Рэки-Клабе в субботу вечером.

Я припарковал «олдс» перед домом и пошел по усыпанной белым камнем дорожке к крыльцу. По обе стороны от двери из испанского дуба были стеклянные круглые панели, которые также сочетались с испанской архитектурой, как шотландский виски. Слуга-японец открыл дверь, взял мою шляпу и провел меня в переднюю гостиную, чтобы я мог присесть, пока он пойдет за мадам.

⁶ Жакаранда (лат. Jacaranda) — род растений семейства Бигнониевые. В большинстве случаев это большие или средней величины вечнозелёные деревья, растущие в основном в тропической и субтропической зоне.

Комната вся целиком была покрыта белой штукатуркой. В одном углу стоял конический оштукатуренный камин на случай, если после захода солнца температура упадет ниже девяноста градусов⁷. Камин был выложен красной мексиканской плиткой. На передней стене висела большая картина маслом, изображавшая зловещего парня в костюме-тройке с большими белыми бровями и ртом человека, который дает людям на чай не более пяти центов. На дальней стене, слева от камина, висела серия фотографий с искусным нижним освещением и необычно позирующими со спины женщинами. Чёрно-белые, вставленные в дорогие рамки, как если бы они были так важны. На мольберте возле двери во внутренний дворик висела большая фотография мужчины и женщины. Ей было лет тридцать пять, она выглядела серьезной, с таким же ртом, как у того злобного старика на картине. Несмотря на лысину, мужчина рядом с ней казался моложе. На фотографии он был в очках без оправы и с улыбкой, которая говорила: «Не обращай на меня внимания».

– Мистер Марлоу?

Я повернулся, чтобы увидеть женщину с фотографии. Она хмуро смотрела на новенькую визитную карточку, из тех, которые для меня только что напечатали. У меня ещё не было офиса, когда я их заказывал, так что они просто сообщали: «Филип Марлоу. Расследования. Пудл Спрингс». На упоминание кастета Линда наложила безусловное вето.

– Да, мэм, – отозвался я.

– Садитесь, пожалуйста, – сказала она. – Вы любовались работами моего мужа?

– Да, мэм. Это Вы и Ваш муж? – я кивнул на фотографию.

– Да, это Лес. Он тогда установил таймер и присоединился ко мне. Он очень умён.

Её тело находилось в явном противоречии с лицом. Лицо со скупым ртом говорило: «Ни черта ты не получишь». Тело же с крепкой грудью и надменными бедрами сообщало: «Можешь взять всё, что захочешь». Я только что женился на ангеле, но и то почувствовал вызов.

– Это мой отец на картине, – сказала она.

Я улыбнулся.

– Если хотите, можете закурить, – сказала она. – Отец этого не одобрял, но Лес курит, и мне нравится запах.

– Спасибо, – сказал я. – Может быть попозже.

Я скрестил ноги.

– Я пытаюсь найти Вашего мужа, миссис Валентайн.

– В самом деле?

– Да, меня нанял человек, который утверждает, что Ваш муж должен ему сто тысяч долларов.

– Это просто смешно.

– Мой работодатель говорит, что Ваш муж влез в карточные долги на 100 000 долларов в его ... э-э ... казино и оставил ему долговую расписку на эту сумму.

– Расписки по долгам за проигрыш в незаконных азартных играх не подлежат принудительному исполнению, – отрезала она.

– Да, мэм. Но это поставило моего клиента в затруднительное положение с его работодателем.

⁷ По Фаренгейту. Немного больше 32 градусов по Цельсию.

– Мистер Марлоу, без всякого сомнения, это представляет для кого-то интерес. Но уж точно это не я или те, кто хорошо знает моего мужа. Мой муж не играет в азартные игры. И он не оставляет людям долговых расписок, он платит за то, что покупает. Ему просто не нужно поступать иначе. Он хорошо зарабатывает, а я – счастливо пользуюсь значительной щедростью моего отца.

– Не могли бы Вы сказать мне, где сейчас ваш муж, мэм? Возможно, если я поговорю с ним, то смогу всё прояснить.

– Лес находится в Сан-Бенедикте с кинокомпанией. Он делает рекламные фотографии. Студии часто нанимают его для таких дел. Он очень опытный и уважаемый фотограф молодых женщин.

Ей также нравились молодые женщины, как корове нравится бифштекс.

– Понятно, – сказал я. – На какую студию он работает?

Миссис Валентайн пожала плечами, как будто этот вопрос никогда её не интересовал.

– Я не слежу за ними, – сказала она.

Когда она не говорила, то держала губы слегка приоткрытыми, а язык беспокойно двигался во рту.

– И уж совершенно точно, я не собираюсь досаждать ему какими-то дикими обвинениями от человека, о котором известно, что он преступник.

– Я не говорил, кто мой работодатель, – сказал я.

– Я знаю, кто это, это мистер Липшульц. Он приходил ко мне, и я дала ему понять, что я думаю об этой его притянутой за уши, сомнительной истории.

Я достал из внутреннего кармана долговую расписку Липпи и показал ей.

Она сердито покачала головой.

– Он и мне это показывал, – сказала она. – Я в это не верю. Это не подпись Леса.

Я встал и подошел к одной из висевших на стене фотографий в вычурной рамке. В нижнем правом углу они были подписаны *Лес Валентайн* тем же безобидным мелким почерком, что и моя долговая расписка. Я держал расписку рядом с фотографией. С минуту я стоял в этой позе, приподняв брови.

Она уставилась на две подписи так, словно никогда не видела ни одной из них. Её язык метался во рту. Она дышала чуть тяжелее, чем раньше.

Она вдруг встала и подошла к белёному дубовому буфету под портретом отца.

– Я выпью, Мистер Марлоу. Не хотите ли присоединиться ко мне?

– Нет, мэм, – ответил я, – но сейчас я, пожалуй, выкурю сигарету.

Я вытряхнул сигарету и вытащил её из пачки. Закурил, набрал полную грудь дыма и медленно выпустил его через нос. Миссис Валентайн налила себе какой-то зеленый ликер и сделала два-три быстрых глотка, прежде чем снова повернуться ко мне.

– Мой муж обожает азартные игры, мистер Марлоу. Я знаю это, и надеялась помешать Вам это узнать.

Я был занят сигаретой, пока она допивала остатки своего зеленого напитка.

– Я была счастлива потворствовать ему в этом... мой отец, наверное, сказал бы, что это слабость. Как я уже сказала, я наслаждаюсь любовью моего отца и его щедростью. Лес – артистичный человек, и, как многие художники, он капризен. Он преисполнен необычными желаниями. Можно было бы сказать, что другие люди, возможно, как и Вы, мирские люди,

не обязательно настолько чувственны. В прошлом я оплачивала его долги и была счастлива внести свой вклад в его творческую реализацию.

Она вернулась к буфету и налила себе еще выпить. Это выглядело так, будто давалось ей легко. Она отпила немного.

– Но это же сто тысяч долларов такому человеку, как Липшульц. – Она покачала головой, как будто не могла продолжить или не видела в этом необходимости. – Мы поговорили, я сказал, что ему пора стать ответственным, стать немного более приземлённым. Откровенно говоря, я надеялась вырвать его из этого ребячества. Я сказала, что ему придется самому ликвидировать этот долг.

Я докурил сигарету и затушил ее в полированной раковине «морского ушка»⁸, стоявшей на крайнем столике посреди окружавшей его пустыни. Я посмотрел на фотографии молодых женщин на стене. Мне было интересно, сколько чувств пришлось испытать Лесу.

– Он работает на выездах? – спросил я.

Желчный самогон, который она пила, начал действовать. Она беспокойно двигала бедрами, стоя у буфета. Её бедра под черными шелковыми брюками были переполняла энергия. На высоких скулах учительского лица виднелись красные пятна.

– Вроде водопроводчика на полставки? Едва ли. У него есть офис в Лос-Анджелесе.

– У вас есть адрес, миссис Валентайн?

– Конечно, нет. Лес приходит и уходит, когда захочет. Наш брак полностью основан на доверии. Мне не надо знать адрес его офиса.

Я пробежала глазами по гламурным фотографиям, висящим на стене. Несколько женщин были знаменитостями, две кинозвезды, одна модель, которая была на обложке журнала *Life*. Все они были подписаны в правом нижнем углу золотыми буквами характерным маленьким почерком.

Миссис Валентайн наблюдала за мной. Ее стакан опять был почти полон.

– Вы думаете, я боюсь этих женщин, мистер Марлоу? Вы думаете, я не смогу удержать его дома?

Она поставила свой бокал на буфет и повернулась вполборота, чтобы я мог видеть ее частично в профиль, провела руками по груди и вниз вдоль тела, разглаживая ткань на бедрах.

– Зоуи...⁹, – прошептал я.

Она уставилась на меня, не меняя позы, и темно-розовый румянец залил ее щеки. Затем она противно-шипуче хихикнула.

– Сто тысяч долларов – это ваши дела, тебя, Леса и этого ужасного мистера Липшульца. Если вы хотите играть в свои детские игры, вперед. Я буду ждать ... – она слегка икнула, – ... результата. – Она опять отхлебнула из стакана.

– Что это за штука? – спросил я. – Пахнет как удобрение.

– До свидания, мистер Марлоу.

Я встал, надел шляпу и вышел. Она все еще позировала с выпяченной грудью. На крыльце стояла большая пальма в горшке. Я посмотрел на неё, когда проходил мимо.

– Может быть, она и тебе даст немного, – предположил я.

⁸ Морские ушки, или галиотисы, абалон — род брюхоногих моллюсков.

⁹ Нет, Марлоу не зовёт сына Дэвида Боуи. Zowie — это неформальное старомодное выражение шока, удивления или изумления, типа «Ваааууу!»

7

Тино был в дверях, когда я пристроил «олдс» рядом с «флитвудом» Линды.

- Миссис Марлоу у бассейна, сэр.
- Спасибо, Тино, как она выглядит?
- Очаровательно, сэр.
- Совершенно верно, Тино.

Тино широко улыбнулся. Я прошел через воображаемую гостиную и вышел во внутренний дворик у бассейна. Линда сидела в бледно-голубом шезлонге, одетая в цельный белый купальник и бледно-голубую широкополую шляпу в тон шезлонгу. На низком белом столике рядом с кушеткой стоял высокий узкий стакан, в котором было что-то с фруктами. Линда оторвалась от книги.

– Дорогой, ты провёл трудный день в переговорах с мистером Липшульцем?

Я снял пиджак и ослабил галстук. Затем сел в бледно-голубое кресло рядом с кушеткой. Линда провела ногтем по складке моих брюк.

– Неужели мой великий детектив так устал за день?

В дверях патио появился Тино.

– Вам что-нибудь принести, сэр?

Я благодарно улыбнулся.

– «Буравчик»¹⁰, – сказал я. – Сделай двойную порцию.

Тино кивнул и исчез.

– Я говорил с Липшульцем, – сказал я. – А также поговорил с миссис Лес Валентайн.

Линда подняла брови. – Маффи Блэкстоун?

– Женщина лет сорока пяти, – сказал я. – Похоже, кто-то приклеил голову школьной учительницы на тело девушки Варга¹¹.

– Это Маффи. Хотя я не уверена, что мне нравится, когда ты начинаешь оценивать чужое тело.

– Это просто моя работа, – ответил я.

– Она дочь Клэйтона Блэкстоуна. Он папин друг, очень богатый. В сорок лет она впервые вышла замуж за ничтожество. Весь Спрингс был в полном смятении.

– Что ты знаешь о Лесе?

– Очень мало. Ни денег, ни каких-либо талантов. Предполагается, что он женился на ней из-за денег. Клэйтон Блэкстоун, пожалуй, богаче папы.

– Господи, – сказал я.

– Он кажется довольно скучным маленьким человечком, – сказала Линда.

– Да, – сказал я. – Вероятно, у него где-то есть захудалый офис над гаражом.

– О, дорогой, – сказала Линда. – Не будь таким убудком.

¹⁰ «Буравчик» – коктейль, обычно состоящий из двух частей джина (или водки) и одной части сока лайма.

¹¹ Девушки Варга – рисунки девушек (pin-ups) времен Второй мировой войны художника Альберто Варгаса.

Появился Тино с большим квадратным стаканом на приземистой ножке. Он осторожно снял его с подноса и положил на салфетку у моего локтя. Посмотрел на стакан Линды, заметил, что тот почти полон, и молча удалился.

– А чем занимается Клэйтон Блэкстоун? – спросил я.

– Он богат, – ответила она. – Это его основное занятие.

– Как твой папа, – сказал я.

Линда лучезарно улыбнулась. Я отхлебнул немного «буравчика». Он был чистым и холодным, и скользил по пересохшим внутренностям, как свежий дождь.

– Трудно заработать столько денег, – сказал я, – не запачкав при этом руки.

– Папа никогда этого не говорил.

– Держу пари, что нет.

– Почему ты так говоришь? Зачем ты разговаривал с Маффи Блэкстоун?

– Валентайн.

– Маффи Валентайн.

Я сделал ещё глоток «буравчика». Бассейн блестел голубым и был всё ещё рядом.

– Её муж должен Липпи сотню штук.

– Должен?

– Липпи взял с него расписку. Миссис Валентайн всегда выручала его раньше. Но не в этот раз. Говорит, что он должен повзрослеть и сам расплатиться.

– Что ж, с её стороны это правильно. Я уверена, что он был ужасным испытанием.

– Похоже, она и сама не очень старается, – заметил я.

– Да, наверное, – согласилась Линда. Красивая морщинка появилась на мгновение между ее бровями. Я наклонился и поцеловал ее. – Она одинока всё это время и очень любила папу, и вообще... она тоже слишком много пьет.

– В любом случае. Парень, на которого работает Липпи, недоволен тем, что тот встрял на сотню штук и сказал Липпи, что у него есть тридцать дней, чтобы вернуть долг. Липпи не может найти Леса. Миссис Валентайн говорит, что он работает на съемочной площадке. Липпи говорит, что если он не получит долг, его босс пришлёт к нему пару крутых парней. Поэтому Липпи нанял меня, чтобы я нашёл Леса и уговорил его отдать Липпи сто тысяч.

– Ну, если кто-то и может это сделать, то только ты. Вспомни, как тебе удалось уговорить меня раздеться, – сказала Линда.

– Насколько я помню, у меня и шанса такого не было, – ответил я. Я посмотрел на бассейн.

– Ты когда-нибудь...?

– В бассейне? – спросила Линда. – Дорогой, ты просто чудовище. Кроме того, что насчет Тино?

– Меня не волнует, что Тино когда-либо делал в бассейне, – сказал я.

Каждый из нас выпил ещё немного своего напитка. Пустынный вечер уже остывал, и звуки пустыни начали стихать. Я слушал их некоторое время, глядя на изгибы ног Линды. Линда тоже прислушивалась.

– Забавная штука, – сказал я через некоторое время, – большой босс, парень, который собирается поджарить Липпи... Его зовут Блэкстоун.

– Клэйтон Блэкстоун?

– Даже не знаю. Возможно, другой Блэкстоун.

– О, я уверена, – сказала Линда.

Вскоре вошел Тино с двумя бокалами на подносе. Он забрал пустые стаканы и исчез так же бесшумно, как и появился. Когда он не служил тебе, он как будто и не существовал. Высоко в небе медленно кружил степной ястреб, оседлав поток воздуха, его распростертые крылья были почти неподвижны.

– Зачем ты это делаешь, дорогой? Работешь на этого Липшульца?

– Это моя профессия, – ответил я.

– Даже если тебе не нужны деньги?

Я вздохнул. – Тебе не нужны деньги. А мне нужны. У меня нет никаких накоплений.

– Но такой человек, как Липшулец?

– В моем деле не всегда можно найти хорошо воспитанных людей из высшего общества, которые имеют хорошие манеры и живут в безопасных районах, – ответил я. – В моей работе Липшулец намного выше среднего уровня.

– Тогда почему бы не заняться чем-то другим? – спросила Линда.

– Мне нравится моя работа, – сказал я.

– Я думаю пап мог бы...

Я прервал ее: – Конечно, мог бы, и я мог бы купить серый фланелевый костюм и стать зятем босса, но я слишком стар, чтобы быть зятем босса.

Линда отвела взгляд.

– Послушайте, – сказал я, – миссис Марлоу. Я просто болван. Есть вещи, которые я умею делать. Я могу стрелять, могу держать свое слово, могу заходить в темные переулки. Поэтому я так и делаю. Я нахожу работу, которая соответствует тому, что я умею, и тому, кто я есть. Мэнни Липшулец в беде, он может заплатить, он не нанимает меня, чтобы сделать что-то незаконное или даже аморальное. Он в беде, и ему нужна помощь, а это мое занятие, и у него есть деньги, которые мне нужны. Вы будете счастливы, если я возьму деньги миссис Валентайн, чтобы помочь её валлийскому мужу расплатиться с долгами?

– Я бы предпочла, чтобы мы перестали об этом говорить и пошли ужинать, а потом удалились в нашу комнату и... – она пожала плечами так, что, чтобы это не означало, я этого не понял.

– Вы очень требовательны, миссис Марлоу.

– Да, – сказала она, – это так.

Мы вошли в дом и оставили стаканы на прежнем месте. Какого черта. Тино их заберет. Не хотелось, чтобы он заскучал.

8

В телефонном справочнике Лос-Анджелеса значилось 55 Валентайнов. Один из них был Лестер, а ещё один – Лесли. Лестер жил в Энсино и был руководителем подразделения Пасифик Белл; у Лесли был дом на Хоуп-стрит цветочный магазин. Я позвонил в справочную. У них не было никаких-либо других кроме перечисленных Лесов Валентайнов.

У меня больше не было офиса в Лос-Анджелесе. Пришлось звонить из телефонной будки на углу Кауэнги и Голливудского бульвара напротив старого офиса. Я позвонила в местное модельное агентство и в торговую палату в Сан-Бенедикте. Они оба были вежливы со мной, что является в Лос-Анджелесе показателем выше среднего.

Стоял январь, и в Лос-Анджелесе было прохладно, самые высокие вершины гор Сан-Габриэль были покрыты снегом. В Голливуде притворялись, что это зима, и дефилировали

по бульварам в мехах, а продюсеры носили свитера в ромбик под твидовыми пиджаками по пути на обед к Муссо и Фрэнку. Быстро, жёстко и по делу.

Я сел в «олдс», проехал квартал на юг до Сансет и затем направился на запад.

Модельное агентство «Тритон» располагалось во внутреннем дворе рядом с бульваром Уэствуд, к северу от Олимпика. Центр двора был усыпан белой галькой, разделенной на квадраты досками красного дерева. В каждом квадрате по центру двора гуськом росли маленькие пальмы. В комплексе было около десяти коммерческих заведений, магазин редких книг, магазин мексиканских ювелирных изделий, магазин кожи, адвокат. Я шел вдоль низкого крыльца с балдахином, на которое выходили входные двери пока не добрался до «Тритона». Я позвонил в маленький медный колокольчик и открыл дверь. Это был роскошный, устланный ковром серебристый кабинет. Стены и потолок выкрашены серебряной краской, стойка администратора отделана серебристым пластиком, а за стойкой сидит блондинка с длинными бедрами в безупречных нейлоновых чулках. На ней было алое платье из какого-то свободного вязаного материала, и, когда я вошел, она в очередной раз наносила на губы алый цвет. Пока я стоял перед ее столом, она внимательно изучала полученный результат.

– Yippee I oh chi yea¹², – сказал я.

Она сделала последний штрих, закрыла зеркальце и посмотрела на меня.

– Да, ковбой?

– Я легко возбуждаюсь, – сказал я.

– Как мило с твоей стороны.

– А ещё я женат.

– Как мило с твоей стороны.

– Спасибо. Меня зовут Марлоу. Я звонил по поводу одной из ваших моделей, Сондры Ли?

– А, детектив. – Она посмотрела на меня так, как рыба смотрит на червяка. – Ну, у тебя определенно для этого есть все задатки, – сказала она.

– Вы не подскажете, как мне связаться с мисс Ли? – спросил я.

– Конечно, – сказала блондинка. – Я ей звонила. Она сказала, что ты можешь навестить её дома.

Блондинка протянула мне листок бумаги с адресом.

– Это недалеко от Беверли-Глен, – сказала блондинка. – Около вершины.

Я поблагодарил ее и повернулся, чтобы уйти.

– Если брак всё-таки не сложится... – сказала она.

Я повернулся, отсалютовал ей в знак приветствия большим и указательным пальцами и вышел.

Я добрался до Беверли Глен через Уилшир. К северу от Сансет дорога начала подниматься. Листва плотно прижималась к ней, и холмы поднимались по обеим сторонам, ожидая первого сильного дождя, который смоет дома, стоявшие по бокам от дороги. Дом Сондры Ли должен был появиться одним из первых. Его задняя часть опиралась на две 15-футовые колонны Лалли¹³, которые стояли на бетонных опорах в склоне холма. Подъездная дорожка обогнула дом и замкнулась, образовав перед ним круг. Двора не было, но участок перед

¹² Ничего не значащий набор слов.

¹³ Колонна Лалли – это круглая или квадратная тонкостенная стальная колонна, ориентированная вертикально для обеспечения поддержки длинных горизонтальных балок.

домом был полон цветущих кустарников, и колибри танцевали и кружились над ними, когда я остановила машину у входной двери.

На мой звонок ответила мексиканка. Мисс Ли была в солярии. Я проследовал за ней через чересчур перестроенное бунгало в стеклянную пристройку, прислоненную к фасаду дома. Дверь в одном из концов открывалась в бассейн. Сейчас она была закрыта от укусов голливудской зимы, и мисс Ли полулежала в помещении, на обтянутой кожей кушетке, одетая в очень маленький черный купальник из двух частей и загорая в лучах послеполуденного солнца, которое просачивалось сквозь стеклянную крышу. В дальнем конце, ближе всего к дому, находился бар, а рядом стояли два парусиновых стула.

Женщина на диване была на стольких обложках журналов, что мне показалось, будто я её знаю. Волосы у нее были черные как смоль, глаза тоже черные, а кожа бледная даже после загара. Она выглядела так, будто ты можешь навсегда исчезнуть в одном из её вдохов.

– Мисс Ли, – сказал я, – Я Филип Марлоу.

– Конечно, мистер Марлоу. Я ждала Вас. Не хотите ли выпить?

Я сказал, что хочу.

Она медленно улыбнулась и кивнула в сторону бара.

– Пожалуйста, угощайтесь, мне действительно нужно ещё пятнадцать минут позагорать, – сказала она. У нее была манера растягивать каждое слово так, что она говорила очень медленно, и вы были вынуждены цепляться за её слова. В баре я налил себе виски, добавил лёд из серебряного ведёрка и стал смотреть, как капельки влаги стекают по стеклу в теплой комнате.

Я взял свой стакан и сел на один из парусиновых стульев так, чтобы она могла меня видеть. Я старался не смотреть на неё.

– Я видел вчера Вашу фотографию, висящую в коридоре дома одного человека, – сказал я.

– Он фотограф, и Вы позировали ему.

– Да? А как его зовут? – спросила она.

– Валентайн, – сказал я. – Лес Валентайн.

Она потянулась к столу рядом с собой и сделала большой глоток из стакана, наполовину наполненного чем-то похожим на воду, но, скорее всего, это была не вода.

– Валентайн, – сказала она. – А как его имя?

– Лес, он так подписал фотографию, золотыми буквами, в правом нижнем углу.

– Лес, – повторила она. Затем медленно покачала головой и отхлебнула ещё немного из своего стакана.

– Я не знаю никакого Леса, – затем сказала она.

– Вас так часто фотографируют, – сказал я. – Наверное, трудно всех запомнить.

Она покачала головой и снова уткнулась в стакан. Когда она снова подняла голову, то сказала: «Я позволяла лишь нескольким людям фотографировать себя. Я бы знала, если бы кто-нибудь ещё меня фотографировал.»

Она слегка подвинулась, как будто синхронно с медленным скольжением Солнца по западному небу, её почти неподвижное тело впитывало всё, что оно могло получить от него, как какая-то великолепная ящерица. Она осушила свой бокал и протянула его мне.

– Будь добр, – сказала она, – освежи его.

Я взял его и отправился к бару.

– Графин из граненого стекла, в дальнем правом углу, – сказала она.

Я взял его, вынул пробку и налил ей почти полный стакан. Осторожно понюхал, пока наливал. Водка. Неудивительно, что она разговаривает так медленно. Я поставил графин на место и принёс ей напиток.

— Тогда зачем парню по имени Лес Валентайн Ваша фотография, которую он подписал? — спросил я.

— Потому что он хочет, чтобы люди думали, что это он фотографировал меня, но это не так.

— Потому что Вы знамениты, — сказал я.

Она неплохо справлялась со своим вновь наполненным стаканом.

— Конечно. Это заставляет людей думать, что ты важная птица. Но это не так. Если бы он был настолько важным, я бы его знала.

— А он Вас, — сказал я.

Она улыбнулась мне так, словно мы знали секрет вечного здоровья.

— Держу пари, у тебя крепкие мускулы, — сказала она.

— Не лучше, чем у Бронко Нагурски¹⁴, — сказал я.

— Как ты думаешь, я красивая? — спросила она.

Я молча кивнул. Она отпила еще немного, поставила стакан и улыбнулась мне.

— Я тоже считаю тебя красивой, — сказала она. — Но ты же не всё видел. — Она резко повернулась, заложила руки за спину и расстегнула бретельку лифчика, затем перевернулась, выгнулась дугой и с той же быстрой грациозностью выскользнула из бикини. Затем она снова откинулась на спинку шезлонга и улыбнулась мне, её бледное загорелое тело было обнажено, как у саламандры.

— Превосходно! — отметил я.

Она продолжала улыбаться и протянула ко мне руки.

— Я уже рассказывал Вам о миссис Марлоу? — спросил я.

Её улыбка стала ещё шире.

— Ты женат. — Она пожала плечами. — Я замужем. — Она снова поманила меня руками.

Я вынул сигарету, сунул ее в рот и оставил висеть незажженной.

— Послушайте, миссис Ли ... — начал я.

— Миссис Рикардо, — сказала она. — Ли — моя девичья фамилия. Так что можешь называть меня мисс Ли или миссис Рикардо. Но не миссис Ли.

— Отлично, — сказал я. — Вы очень привлекательны, а я нормальный мужчина, и то, что я вижу Вас голой, производит обычный для этой ситуации эффект. Но обычно я предпочитаю проводить немного больше времени, узнавая женщин, с которыми собираюсь переспать, а поскольку я женат и всё такое, то сплю только со своей женой.

Я вынул изо рта незажженную сигарету и покатал её между пальцами. Мы оба посмотрели на неё.

— Что я часто и делаю, — сказал я.

На крайнем столике рядом с ее кушеткой стояла толстая круглая настольная зажигалка из серебра и свиной кожи. Я протянул руку и взял её. Я сунул сигарету обратно в рот и закурил. Когда я поднял голову, то в дверях увидел высокого мужчину с очень сильным носом. Я медленно выдохнул дым.

¹⁴ Бронислав «Бронко» Нагурски (1908 — 1990) — игрок в американский футбол на позиции защитника, а также профессиональный рестлер.

– Какого чёрта? – сказал большой парень. У него были высокие плечи, черные волосы, гладко зачесанные ото лба назад, и жесткие тёмные глаза, мерцавшие по обе стороны острого носа.

– Томми, – сказала Сондра Ли, даже не взглянув на него. Она утонченно глотнула своей водки. – Мистер Марлоу восхищался моей красотой.

– Я вижу, – сказал Томми.

– Мистер Марлоу, это мой муж, Томми Рикардо.

Я вежливо кивнул.

– Ладно, приятель, – сказал Рикардо. – Убирайся, и побыстрее.

Сидя в шезлонге, Сондра Ли хихикнула и слегка пошевелилась.

– Ради бога, Сонни, прикройся, – сказал Рикардо и снова взглянул на меня. Я всё ещё сидел, рассматривая свою сигарету.

– Я уже сказал тебе, приятель, убирайся. Я не собираюсь это опять повторять.

– Конечно, – сказал я. – Ты же крепче мешка с ковровыми гвоздями. Она часто так делает?

– Она буйная, – сказал он. – Она часто это делает. Вставай!

Он сделал два шага в мою сторону, и его правая рука выскользнула из кармана клетчатой спортивной куртки «мадрас». У него был медный кастет.

– Значит ли это, что мы помолвлены? – спросил я.

Он сделал еще один шаг, и я вскочил как раз вовремя, чтобы убрать подбородок с пути сверкнувших костяшек пальцев. Я шагнул под его правую руку, которая была вытянута мимо меня, просунул левую руку под его левую руку и провёл двойной нельсон с захватом.

– Меня зовут Марлоу, – сказал я. – Я частный детектив и пришел сюда, чтобы расспросить Вашу жену об абсолютно постороннем деле, с этим никак не связанным.

Рикардо тяжело дышал. Но он не сопротивлялся. Он знал, что я его поймал, и просто ждал.

– Не связанным с чем?.. – спросил он сдавленным голосом.

– Это никак не связано с тем, что она напилась и сняла с себя одежду.

– Ах ты сукин сын, – выдохнул он.

– Снимать её было не моей идеей. Она выглядит хорошо, но у меня есть жена, которая выглядит лучше, и когда Вы появились, я как раз сказал ей об этом.

Сидя в шезлонге, Ли всё ещё хихикала. Теперь в этом хихиканье слышалось настоящее возбуждение. Я оглянулся. Она всё ещё была обнажена.

– Миссис Рикардо, Вы что-нибудь знаете о парне по имени Лес Валентайн? – спросил я.

Она медленно покачала головой. Ее глаза были широко раскрыты, а зрачки сильно расширены. Может быть, в графине было что-то еще помимо водки.

– Ладно, – сказал я. Я наклонил Рикардо чуть больше вперёд, не расцепляя рук. Потом я упёрся коленом ему в зад и отпустил, толкнув коленом. Он прошёл вперёд, спотыкаясь, на три или четыре шага, и к тому времени, когда ему удалось восстановить равновесие, я уже вышел из солярия и проходил гостиную. У меня не было оружия. Я и не предполагал, что он понадобится на вершине Беверли-Глен. Он не преследовал меня, и вскоре я уже выскочил из дверей и в своём «олдсе» направился вниз по склону, а её хихиканье все ещё звучало у меня в ушах.

Было пять часов, и мимо меня проносился поток машин, возвращавшихся в долину из Лос-Анджелеса. Начали зажигаться огни в домах, создавая своего рода рождественскую иллюминацию на тёмных холмах. Дом Сондры Ли, вероятно, выглядит ранним вечером так

же красиво, как и все остальные сейчас, когда сгущается темнота. Здесь определённо что-то знали. При правильном освещении всегда можно сделать так, что всё-что угодно будет хорошо выглядеть.

9

Трехчасовая поездка до Пудл-Спрингс была мне не по силам, так что я съел бифштекс в забегаловке на Ла-Сьенега и устроился на ночь в ловушке для тараканов на Голливудском бульваре, где кровать вибрировала в течение минуты, если бросить в щель четвертак. Обслуживания в номерах не было, но клерк сказал, что может продать мне за доллар полпинты ржаного виски.

Его я немного и выпил, разговаривая по телефону с Линдой. Потом я заснул, и мне приснилась пещера с полуоткрытой дверью с поперечными балками, а из темноты доносилось бесконечно повторяющееся хихиканье.

Утром я принял душ, побрился, съел яичницу с тостами у Шваба и выпил три чашки кофе. Набил трубку, разжёл её сел в «олдс» и поехал через Лорел-Каньон. В Вентуре повернул на 101-ое и направился на запад через горы Санта-Моника, а затем на север вдоль побережья.

Сан-Бенедикт выглядит именно так, как по мнению туристов выглядит вся Калифорния. Он полон белых оштукатуренных домов и красных черепичных крыш. Тихий океан ровно катится вдоль своего берега, на котором пальмы степенно растут в длинном аккуратном парке.

Торговая палата находилась в группе зданий испанского типа, реализовавших чьё-то видение гасиенды, примерно в двух кварталах вверх по склону от океана. Лысый парень, сидевший в офисе, был в подвязках и подтяжках и курил ядовитую сигару, которая явно не стоила потраченных на нее пяти центов.

– Меня зовут Марлоу, – сказал я. – Я вчера звонил и спрашивал, не снимает ли здесь кинокомпания?

Лысый вынул сигару изо рта и произнёс: «Да, я сам зарегистрировал этот звонок. Прямо здесь.» – Он с гордостью посмотрел на раскрытую книгу. – «НДН Пикчерз» снимает что-то под названием «Тёмное приключение». Я же сказал тебе.»

– Да, сэр, – ответил я. – Не могли бы Вы сказать мне, где они сегодня?

– Совершенно верно, приятель. Мы заставляем их сообщать о своих планах на каждый день, чтобы мы могли увести людей подальше от съёмочной площадке или наоборот к ней, в зависимости от того, что они хотят.

– Умно, – сказал я.

– А тебе что надо? – спросил он.

– На съёмочную площадку.

– Сегодня у них стрельба. – Он сверился с пачкой бумаг на своем столе. Все бумаги были скреплены вместе большой металлической пружинной скрепкой. Лысый облизал большой палец. – Они сегодня снимают ... – он пролистал несколько бумаг, затем снова облизал большой палец, подошел к размноженному на мимеографе¹⁵ листу и некоторое время изучал его. – Стрельба на углу Секвойи и Эсмеральды. На спортивной площадке.

Он посмотрел на меня с широкой дружелюбной улыбкой, переложил сигару из одного угла рта в другой. Его зубы вокруг сигары, когда он улыбался, были желтыми.

¹⁵ Мимеограф (или ротатор) – машина трафаретной печати, предназначенная для оперативного создания копий малыми и средними тиражами.

– Вниз по склону, налево вдоль водоёма, около шести кварталов, их нельзя не заметить. Чёртовы грузовики, трейлеры и всё такое.

Я поблагодарил его, вышел, спустился с холма, повернул налево и поехал вдоль водоёма. Он был прав. Их нельзя было пропустить.

Я припарковался за грузовиком, полным электрооборудования, и вошел внутрь. Каждый раз, когда я шёл туда, где снимался фильм, я поражался тому, насколько легко было туда проникнуть. Никто не спрашивал, кто я такой. Никто не велел мне убираться с дороги. Никто не предлагал мне кинопроб. Я остановил у грузовика с продуктами парня. Он был без рубашки, и его загорелый живот свисал над шортами.

– Кто здесь главный? – спросил я.

– Чертовски хороший вопрос, – сказал он. – Вы со студии?

– Нет, я просто ищу одного человека. С кем мне поговорить о персонале?

Толстяк пожал плечами.

– Продюсер – Джо Кинг, – сказал он.

– Где мне его найти? – спросил я.

– В последний раз, когда я его видел, он внизу, у камер, разговаривал с менеджером по производству. – Толстяк держал в каждой руке по бумажному стаканчику с кофе и показал животом в сторону камер.

– Видишь все эти огни? – спросил он.

Я пошёл туда, куда он велел, пробираясь через путаницу кабелей, огибая осветительные стенды и генераторы. Команда, вероятно, прибыла с утренней росой, потому что земля была грязной, и трава была вмята в грязь оборудованием и людьми, устанавливающими его. Фильмы создавали беспорядок еще до того, как их начинали снимать.

Несколько человек стояли у камер, пока главный оператор возился с освещением.

– Кто из вас Джо Кинг? – спросил я.

Высокий молодой парень повернулся ко мне. Казалось вместо суставов у него шарниры, а сам он казался олицетворением спокойствия. Он носил очки в роговой оправе, рукава его белой рубашки были закатаны выше локтей.

– Я Джо, – представился он.

Я показал ему фотографию своей калифорнийской лицензии в целлулоидном держателе бумажника.

– Меня зовут Марлоу, – сказал я. – Ищу фотографа по имени Лес Валентайн.

Кинг внимательно изучил лицензию, потом поднял на меня глаза, дружелюбные, как олдермен на пикнике.

– Не могу сказать, что знаю его, – ответил Кинг.

– Меня заставили поверить, что он был здесь, на задании, делал снимки...

Кинг покачал головой. – Нет, у нас есть постоянный фотограф, который делает для нас эту работу. Его зовут Гас Джонсон. Я не знаю никакого Леса Валя ... неважно.

– Если бы он был здесь, Вы бы знали об этом?

– Конечно.

– Спасибо, – сказал я.

– Оставайся, посмотри на стрельбу. Наша звезда Элайна Сент-Кир.

– У меня в машине есть фотография Теды Бары¹⁶. Я полюбуюсь ею на обратном пути.

Кинг пожал плечами и повернулся к камере, а я направился к своей машине.

Пока я ехал обратно по побережью, я думал о нескольких вещах. Самым важным было то, что Лес Валентайн не был тем, за кого его выдавала жена. Или кем он себя называл. У него не было офиса в Лос-Анджелесе, он не фотографировал Сондру Ли. Он не фотографировал для фильма, который снимали в Сан-Бенедикте. После двух дней погони по его следам я знал меньше, чем в самом начале.

10

Я уже неделю наблюдал за домом Маффи Валентайн, сидя в машине с включенным кондиционером и работающим на холостом ходу двигателем, вырабатывающим в цилиндрах углекислый газ. Каждое утро Маффи выходила из дома в легком плаще, накинутом поверх лиловых колготок, и отправлялась в спортивный зал. Через две минуты слуга-японец выходил из дома с двумя игрушечными пуделями, которые тявкали и рвались с поводка, сворачивал на подъездную дорожку и скрывался за поворотом. Каждый день он возвращался с ними примерно через пять минут после того, как его хозяйка возвращалась с тренировки.

На четвёртый день я проследовал за ним за поворот и увидел, как он вошел в парадную дверь другого дома, с пуделями и всем остальным. Он оставался там в течение 45 минут, и когда вышел, я мельком увидел японскую горничную, закрывающую за ним дверь. Примерно через двадцать минут женщина с платиновыми волосами и в розовых колготках подъехала на серебристом «мерседесе» и вошла в дом. Даже издали я видел, как блестят ее бриллианты.

Я тщательно обдумал все это, и в следующий понедельник, когда Маффи и её соседка были в спортивном зале, а слуга играл в Японского Песочника со своей соотечественницей, я отправился к Маффи домой.

У меня был планшет, который я раздобыл в центре города, на нём желтый блокнот и карандаш за ухом. Как правило, этого достаточно, чтобы попасть в спальню президента, не вызывая никаких подозрений, но, чтобы быть более уверенным, я ещё ношу на поясе рулетку. Рулетка в сочетании с планшетом помогут вам войти, пока Президент и Первая Леди будут предаваться плотским утехам. Я припарковался перед домом Валентайнов, прошёл по дорожке с уверенностью человека с карманами, полными денег, и измерил входную дверь, проверяя, какой там замок. Это был «балджер». Я повесил рулетку обратно на пояс, достал коллекцию отмычек, которые собирал годами, и со второй попытки открыл входную дверь. Я вернул отмычки на место, проверил петли и замок, сделал еще один замер, который в основном был рассчитан на публику, и вошёл. Не было слышно ни звука. Если и была тревога, то беззвучная. Если появятся копы, то я разберусь с этим потом. Я крутой парень из Лос-Анджелеса, так чего же мне было бояться закона в Пудл-Спрингс? Я посмотрел на часы. У меня было около пятидесяти минут.

В передней гостиной не было ничего, чего бы я уже не видел, столовая была просто столовой, и не было места, где можно было бы спрятать что-нибудь интересное. На кухне тоже. Я прошёл по длинному коридору, пересекавшему заднее крыло дома, и нашёл спальню. Я понял, что это их спальня, потому что в шкафу висело несколько мужских костюмов, но всё остальное принадлежало ей. Огромная розовая кровать с балдахином, толстым розовым пуховым одеялом и что-то около двадцати пяти бело-розовых подушек. Вдоль стены, параллельно кровати, стоял длинный туалетный столик. Он был сделан из какого-то светлого дерева, неокрашенного, но покрытого чем-то, что придавало ему блеск. Там были флаконы духов, тюбики губной помады и румян, тушь для ресниц, тени для век,

¹⁶ Теда Бара – голливудская актриса 1915–1919 годов

крем от морщин, крем для рук и, возможно, тридцать других предметов, которые я не узнал, хотя видел некоторые из них в ванной Линды. Занавески были розовыми и развевались по полу, как будто декоратор специально сделал их на пять футов длиннее. Стены были белыми, а по обе стороны от очень большого комода стояли два шкафа. Двери стенного шкафа были розовыми, покрытыми побелкой, что придавало им несколько старомодный вид. По обе стороны кровати стояли ночные столики с очень большими лампами из чеканной меди. Розовые шторы. Ни в одном из ночных столиков не было ящика.

Единственные ящики в комнате были в бюро. В верхнем ящике лежало женское белье, похожее на клубок из пастельного шелка. В дальнем углу под клубком лежал электрический вибратор и тубик с «K-Y Jelly»¹⁷. Я чуть не покраснел, даже если принять во внимание, что я был огрубевшим детективом из большого города. Во втором ящике лежали блузки, в третьем – чулки и перчатки. В четвертом лежали свитера. В нижнем ящике лежали мужские рубашки, носки, нижнее белье. Ничего особенного. На комоде стояла розово-белая полосатая коробка размером с коробку из-под сигар и еще одна, такая же, размером с ящик пива. В маленькой лежала пара золотых и бирюзовых запонок, такая же застежка для галстука и золотая булавка для воротничка. Там же лежали чековая книжка, машинка для стрижки ногтей и маленькая бутылочка с глазными каплями. Я сунул чековую книжку в карман. Большая коробка была полна драгоценностей. Два гардероба были заполнены женскими платьями, плюс около шести мужских костюмов, или пиджаков и широких брюк, аккуратно подобранных и висящих вместе. На дверце шкафа находилась вешалка для галстуков, на которой висело около дюжины шелковых галстуков самых разных цветов. В глубине левого шкафа, за платьями, лежало несколько пенистых и немного комичных прозрачных ночных рубашек, черные кружева, белая паутинка, в представлении юной девушки очень сексуальных.

Дальше по коридору располагались две гостевые комнаты и две ванные. Комнаты для гостей и одна из ванных комнат выглядели совершенно пустыми. Я взглянул на часы. Время вышло. Я спустился по лестнице, закрыл за собой входную дверь, убедился, что она заперта, прошелся по дорожке, сел в свой «олдс» и уже ехал на предельной скорости, когда миновал Маффи, едва видневшуюся из-за приборной доски своего огромного чёрного «крайслера», выезжавшего из-за поворота в противоположном направлении. Она не обратила на меня никакого внимания, поскольку всё её внимание занимало управление «крайслером».

В моём офисе над заправочной станцией не было кондиционера. Когда я открыл дверь, мне показалось, что я оказался в печи для пиццы. Но пахло здесь не так хорошо. Я оставил дверь открытой, вошёл и включил вентилятор, который привез из Лос-Анджелеса, когда закрывал свой офис в здании Кауэнги. От горячего воздуха на моем лице выступил пот, когда я сидел за столом и просматривал чековую книжку. Небольшая добыча для преступления, наказуемого от одного до пяти в Соледаде.

Чековая книжка принадлежала Валентайну, а не была совместной, просто Лестер А. Валентайн и адрес, отпечатанный на чеках. Судя по книжке текущий баланс составлял 7754,66 доллара. Я просмотрел записи на корешках чеков. Последняя датировалась предыдущим 8 ноября. Там были записи о фотографическом оборудовании, на кое-какую мужскую одежду, довольно большое количество на выдачу наличных, взносы в Рэки-Клуб, ежемесячный счёт от Мелвина из отеля в курортном центре Пудл-Спрингс, а также оплата парковочного талона, выписанного в Лос-Анджелесе. Это была единственная вещь в чековой книжке, которая не связывала Валентайна с Пудл Спрингс. Я решил, что это ключ к разгадке. Переписал номер чека и номер талона, положил чековую книжку в свой стол, запер ящик и достал бутылку скотча, которую держал в своем столе на случай, если

¹⁷ «K-Y Jelly» – это водорастворимый лубрикант на водной основе, наиболее часто используемый в качестве смазки для полового акта или мастурбации.

меня укусит какой-нибудь аризонский ядозуб. Налил себе немного виски, отхлебнул и задумался почему парень исчезает и оставляет после себя чековую книжку с балансом более семи с половиной штук.

Допил свой стакан и налил ещё. В поле зрения не было никаких ядозубов, но кто знает наверняка?

11

У нас был наш приём в этот зимний сезон, а точнее, у Линды. Я старался держаться в стороне. И потерпел неудачу. В 5:30, когда прибыли первые гости, я уже был там в белом пиджаке, который Линда любила, а я нет. Когда появились гости, Линда вела себя так, как будто они были более желанны, чем прохладный душ в августе. Я точно знал, что она презирает по крайней мере каждого третьего. Моё же среднее значение было выше, и оно росло по мере того, как проходил вечер.

Было, наверное, человек двести. Тино работал в баре, красивый в смокинге, который сидел на нём так хорошо, как только смокинг может сидеть на слуге-азиатке. Приглашённые официанты двигались среди толпы подобно балетным плясунам, неся серебряные подносы с шампанским и разнообразными закусками. Я стоял, облокотившись на стойку бара, и потягивал виски.

— Так ты и есть новый муженёк, — обратилась ко мне женщина.

— Я бы предпочёл «настоящий сердцеед», — ответил я.

— Ну, конечно, — сказала женщина. — Меня зовут Мауси Фэрчайлд. Линда и я знаем друг друга почти всю жизнь, насколько это возможно для пары очень молодых женщин.

Первое, что я заметил, что от неё пахнет вымытыми дождём цветами, а второе, что её бледно-фиолетовое шелковое платье льнет к ней, как кожа к винограду. Её волосы были светлее, чем Господь изначально предполагал, а кожа была темной и равномерно загорелой, что заставляло её идеальные зубы казаться ещё белее, когда она улыбалась. Её губы были окрашены в тот же цвет, что и платье, а нижняя губа была довольно полной и выглядела так, словно её специально покусывали.

— Хочешь чего-нибудь, кроме шипучего виноградного сока? — спросил я.

— О, да ты просто прелесть. Да, я выпью водку с мартини со льдом и лимоном, — сказала она.

— Хорошо взболтанную.

Я посмотрел на Тино. Он уже смешивал напиток. Тино был парнем, который зря времени не теряет.

— Будь добр, — сказала Мауси, — сделай двойную порцию.

Тино улыбнулся так, словно никогда ещё не получал такого удовольствия, и добавил в шейкер еще водки.

— У тебя найдётся сигарета? — спросила она.

Я достал пачку и вытряхнул одну.

— Боже мой, — сказала она. — «Кэмэл»? Если я закурю, то могу упасть в обморок.

Она взяла сигарету и наклонилась ко мне, пока я держал для неё спичку. Прикурив, она наклонилась ко мне и втянула дым, глядя на меня полуприкрытыми глазами, в то время как дым плыл между нами.

— Прекрасно, — сказал я. — Я сам часами тренирую этот взгляд у зеркала и, кажется, всё равно не смог понять, что он означает.

— Ублюдок, — сказала она и выпрямилась. — Если я упаду в обморок, ты сделаешь мне искусственное дыхание?

-
- Нет, – ответил я и угостил себя одной из своих сигарет.
- Ну, – сказала Мауси, – ты совсем другой. Ты знал первого мужа Линды?
- Да.
- Скучный человек. Он воспринимал себя невыразимо серьезно. Ты принимаешь себя всерьез?
- По четвергам, – ответил я, – когда иду на педикюр.
- Мауси улыбнулась и сделала большой глоток мартини. Она протянула левую руку и сжала моё предплечье.
- Боже мой, – сказала она, – разве у нас нет бицепсов?
- Я пропустил это мимо ушей. Все ответы, которые я мог придумать, звучали немного глупо, включая «да» и «нет».
- Детективам приходится драться, мистер Марлоу? – спросила она.
- Иногда, – ответил я. – Обычно мы ставим преступника на место хорошо продуманной фразой.
- У тебя есть пистолет?
- Я отрицательно покачал головой.
- Я же не знал, что ты будешь здесь, – сказал я.
- Подожёл морщинистый субъект с короткими седыми волосами и положил руку ей на локоть. Когда она повернулась к нему, в её улыбке не было ни тепла, ни света.
- Мистер Марлоу, – сказала она, – это мой муж, Мортон Фэрчайлд.
- Мортон кивнул мне без всякого интереса.
- Очень приятно, – сказал он и повел жену прочь от бара к танцполу.
- Не думаю, что я понравился этому человеку, – сказал я Тино.
- Не в этом дело, мистер Марлоу, – сказал Тино. – Я думаю, что он не хочет, чтобы его жена была одновременно рядом и с мужчиной, и с баром.
- А ты ведь ничего не упускаешь, правда, Тино?
- Нет, мистер Марлоу, только то, что мне нужно.
- Появилась Линда с гостем.
- Дорогой, – сказала она, – я бы хотела познакомить тебя с Кордом Хэвоком. Корд, это мой муж, Филип Марлоу.
- Ей-богу, Марлоу, я рад с вами познакомиться, – сказал Хэвок. Он протянул большую квадратную руку. Я крепко пожал её. Я прекрасно знал, кто он такой. Я видел его в трёх или четырёх плохих фильмах. Это был реальный красавчик, шесть футов ростом, ровные черты лица, сильная челюсть, бледно-голубые широко расставленные глаза. Зубы у него были совершенно ровные. Его одежда сидела на нём так же, как смокинг на Тино.
- Я чертовски рад, Марлоу, что эта малышка наконец-то нашла себе подходящего парня. Она разбила моё сердце, как и многим другим, но, чёрт возьми, я рад видеть её счастливой. Я ободряюще улыбнулся ему. Пока я улыбался, он протянул свой стакан Тино, даже не взглянув на него, и тот наполнил его бурбоном. Хэвок проглотил добрую треть одним глотком.
- Новая картина Корда выходит на следующей неделе, – сказала Линда.
- Гангстерский фильм, – сказал Хэвок и сделал еще один глоток виски. – Наверное, Вам бы показался слишком скучным, Марлоу.
-

– Еще бы, – сказал я. – Обычно в это время дня я душу аллигатора.

Хэвок откинул голову назад и громко рассмеялся. Затем он допил свой напиток.

– Молодец, Фил. – Он протянул свой уже пустой стакан, и Тино снова его наполнил. – Можешь поблагодарить меня, парень. Всё то время, пока она не встретила тебя, я присматривал за ней. – Он снова рассмеялся, тем же движением головы, что и раньше.

– Корд, ты же знаешь, что не присматривал за мной, – сказала Линда. – Ты пытался затащить меня в постель.

Корд уткнулся лицом в свой стакан. Потом поднял голову, слегка подтолкнул меня локтем и сказал: «Разве можно меня в этом винить, Фил?»

С этими словами он обвёл взглядом комнату. Он не был парнем, который хотел бы упустить свой шанс. Прежде чем я успел сказать, виню ли я его, он заметил кого-то.

– Эй, Мэнни! – крикнул он и помчался через столовую навстречу маленькому лысому парню с жутким загаром, в расстегнутой рубашке и аккуратно распахнутом воротничке поверх лацканов кремово-клетчатой верблюжьей куртки.

– Должно быть, было трудно, – сказал я Линде, – не завалиться с ним в стог.

– В основном, – сказала Линда, – когда он падает в стог, то теряет сознание.

Она наклонилась и легонько поцеловала меня в губы.

– Прямо на людях? – спросил я.

– Я хочу, чтобы все здесь знали, кто кому принадлежит, – сказала она.

– Главное, что мы с тобой знаем, – сказал я.

Она улыбнулась и погладила меня по щеке. – Мы знаем, дорогой, правда?

Я кивнул, и она поспешила навстречу новому гостю, словно тот воскрес из мертвых. Мауси Фэрчайлд, казалось, на мгновение оторвалась от мужа и пронеслась мимо меня с высоким темноволосым парнем в хорошем костюме. Она остановилась, заказала у Тино ещё один martini и сказала: «Познакомься с этим счастливицом», обращаясь к темноволосому парню в хорошем костюме.

– Мистер Марлоу, – обратилась она ко мне, – это мистер Стил.

Стил протянул руку. Его глаза были спокойны и пусты, лицо выглядело здоровым и гладким. Он был человеком, который выглядел так, как будто мог двигаться быстро, и вам тоже лучше двигаться быстро. Мы пожали друг другу руки. Муж Мауси подошел и увёл её.

– Когда-то парень по имени Стил, Арни Стил, занимался рэкетом в Сан-Берду и Риверсайде.

– Правда? – спросил Стил. – Понимаю, ты частный коп.

– Когда не раздаю канапе, – сказал я, – и не привожу всё в порядок после партий в бридж.

– Хорошая сделка, – сказал Стил, – жениться на таких деньгах.

– Замечательная, – ответил я. – Я слышал, что этот Стил вышел из рэкета года четыре или пять назад. Прикупил себе дом где-то в пустыне.

– Знал ведь, когда выходить, да? – сказал Стил.

– Угу, – сказал я.

К Стилу подошел маленький лысый человечек с глубоким загаром и в расстегнутой рубашке.

– Арни, – сказал он, – извини, но я хочу тебя кое с кем познакомить. Корд Хэвок, кинозвезда, самая большая звезда страны в этом году. Мы подумываем о том, чтобы организовать кое-что, что может тебя заинтересовать.

Стил молча кивнул, когда хорек плечом отодвинул меня от его. Уходя, Стил взглянул на меня поверх головы хорька.

– Расслабься, Шу-Флай¹⁸, – сказал он.

Я молча кивнул. Тино подошёл ко мне и освежил мой напиток очаровательно экономным движением. Когда я отвернулся от бара, то нос к носу столкнулся с какой-то блондинкой в безумном декольте, которая была пьянее двух козлов. Глаза у нее были очень большие и очень синие.

– Вы снимаетесь в кино, мистер Марлоу?

– Я как-то не смог приехать, – сказал я. – Так они послали за лошастью.

– Кто-то сказал, что ты был на съёмках, – сказала она. Её «С» были как будто раскисшими. Она наклонилась ко мне, и её поддерживающий бюстгальтер на косточках врезался мне в грудную клетку.

– А я снимаюсь в кино, – сказала она.

– Я так и знал, – ответил я.

– Я актриса. – «С» давались ей всё труднее. – Я занимаюсь многими пиратскими делами. Я играю девиц. Ну, ты понимаешь? Я ношу платья с вырезом и часто наклоняюсь перед камерой. Режиссёр говорит мне, что так ты должна погружаться в образ, Черри. Как будто все обо мне всё знают.

– Теперь я и тоже, – сказал я. Она наклонилась ко мне, но не из страсти, а для поддержки.

– Ты пришла с кем-то? – спросил я.

– Конечно, меня привел мистер Стил. Я никогда не бывала в таком шикарном доме, как этот, разве что мистер Стил или кто-нибудь другой приводили меня.

– О, держу пари, ты много где бываешь, – сказал я.

Она улыбнулась мне, икнула и начала сползать на пол. Я подхватил ее под мышки и поставил на ноги, обхватил левой рукой за спину, а правой – под колени и поднял на руки, когда силы покинули её и она обмякла.

Тино вышел из-за стойки.

– Сэр?

– Скажи мистеру Стилу, что я хочу его видеть, Тино.

Тино кивнул и скользнул через комнату, пробираясь сквозь толпу без видимых усилий, ни на кого не натыкаясь. Я видел, как он заговорил со Стилом, который обернулся и посмотрел на меня. Его лицо не изменилось, но он кивнул, посмотрел на входную дверь и кивнул в мою сторону.

Томный блондин с длинными волосами отошел от стены, к которой прислонился, и подошел ко мне.

– Я возьму ее, – сказал он.

– Она никакая, – сказал я. – Сможешь с ней справиться?

Он ухмыльнулся и развёл руки. Я передал ему её, и он неторопливо вышел через парадную дверь в темноту. Минуты через две минуты он вернулся.

– В машине, – сказал он, – на заднем сиденье, с её стороны. Положишь её на спину, она захрапит.

¹⁸ Намёк на песню «Shoo, Fly, Don't Bother Me!» (англ. «Кыш, муха, не приставай ко мне!»)

– Спасибо, – сказал я. Он кивнул и вернулся на свой пост у входной двери. Стил больше не смотрел ни на него, ни на меня.

– С леди всё в порядке, мистер Марлоу?

– Спит в машине, Тино.

– Возможно, леди повезло больше, чем Вам, сэр.

– Подумай о волнении, которого ей так не хватает, – сказал я.

– Да, сэр, – ответил Тино.

12

Я отправился в путь рано, еще до того, как жара стала невыносимой, направляясь на запад, в Лос-Анджелес. Марлоу – разъездной детектив. Работает в Лос-Анджелесе, живёт в Пудл-Спрингс. Проводит двадцать часов в день в дороге.

В такую рань пустыня была пуста, если не считать перекасти-поля, кактусов и редких ястребов, которые парили в воздухе, высматривая, где бы позавтракать. Я проехал мимо заведения, где подавали коктейли с финиками. Трудно представить было себе там своё первое свидание. Моей единственной компанией в Лос-Анджелесе были большие десятиколёсные грузовики, которые проносились мимо, обдавая потоком воздуха, на уклонах и преграждали путь на подъемах, когда им приходилось притормаживать.

Когда я добрался до Лос-Анджелеса, небо было высоким и ярким, я съехал с автострады на Спринг-стрит и припарковался. Внутри здания муниципалитета, рядом с канцелярией городского секретаря, под большой центральной лестницей была маленькая комнатка. На грязной стеклянной двери чёрными буквами было написано: «ОФИС ПАРКОВОЧНОЙ СЛУЖБЫ». Я вошёл. В передней части помещения располагался длинный прилавок, за перилами – три пожилые женщины-клерка, справа за перилами – три маленькие кабинки для посетителей. В каждую была своя очередь. Я встал в очередь. Она медленно продвигалась, старики в поношенной одежде оплачивали штрафы за парковку почтовыми переводами, крутые парни в кричащих костюмах платили наличными и старались выглядеть так, будто это всего лишь мелкая неприятность, заставившая сделать перерыв в череде важных совещаний. Администратор, обслуживавшая мою очередь, была очень толстой, так что, казалось, что её голова, покоилась прямо на плечах, а подбородок сливался с грудью. Ее волосы были белыми с ярко выраженным синим оттенком, и она слегка хрипела, когда очень медленно обрабатывала талоны.

Когда я подошёл к ней, она спросила: «Предъявите талон. Наличные? Чек? Денежный перевод?»

Я улыбнулся ей, как человек, собирающийся сделать предложение руки и сердца.

– Может быть, Вы сможете мне помочь? – спросил я.

Она не подняла глаз. – Нет, если Вы не предъявите свой талон.

Я пододвинул ей через стойку листок бумаги. Н нём я написал номер лос-анджелесского парковочного талона Леса Валентайна.

– Не могли бы Вы сказать мне, где произошло это нарушение? – спросил я.

– Если у вас есть жалоба или Вы хотите оспорить штраф, встаньте за ограждение и ждите судебного пристава.

– Я не собираюсь жаловаться, – сказал я. – Я пытаюсь найти адрес, по которому был выписан этот талон. Я пытаюсь найти пропавшего человека.

В очереди позади меня люди начали перешептываться.

Женщина подняла на меня глаза. У неё были маленькие глазки и маленький крючковатый нос, как клюв у цыплёнка.

– Вы хотите оплатить талон или нет? – спросила она. – Там люди ждут.

– Вот так, – сказал я, – всего два варианта?

– Ты пытаешься быть умным со мной, Бастер¹⁹? – сказала она.

– Чёрт возьми, конечно, нет, – сказал я. – Это было бы пустой тратой времени.

Я развернулся, протиснулся сквозь толпу и вышел за дверь. В углу возле входной двери располагался ряд телефонов-автоматов. Я взял трубку, положил монету и позвонил в офис парковочной службы. Ответил пожилой женский голос.

– Алло, – сказал я. – Это Марлоу, подразделение шерифа в Энсино. Мне нужен адрес с парковочного талона.

– Мы сейчас заняты, – сказал пожилой женский голос. – Отправьте запрос на бланке заявки.

– Послушай, сестрёнка, – прорычал я, – ты думаешь, что разговариваешь с каким-нибудь хлыщём из Фресно? Это полицейское расследование, так что приподними свою самую широкую часть и найди мне адрес.

На другом конце провода послышался резкий вздох, а затем голос спросил: «Какой номер талона?»

Я прочитал ей номер и сказал: «Хубба-Хубба²⁰, сестренка. Я не могу жать целый день.»

На несколько минут в трубке воцарилась тишина, а потом она снова подключилась, но, как будто, откуда-то издалека.

– Нарушение произошло напротив дома 1254 по Западной Авеню, – произнесла она. – И должна сказать, что мне не нравятся Ваши манеры.

Я ответил: «Почему бы тебе не поцеловать моржа, сестренка?» и повесил трубку.

Вестерн-Авеню, 1254, находится в западной части квартала, между бульварами Голливуд и Сансет, рядом со стойкой тако. Это было трехэтажное здание, вроде тех, что построили сразу после войны, когда ещё не знали, что Голливуд превратится в помойку, и думали, что находятся авангарде современной архитектуры. Оно было квадратным и переполненным стеклом, которое следовало бы вымыть. Облицовка была сделана из какого-то матового алюминия в виде больших квадратов, так что помещение выглядело как уродливая хлебница, испытывающая нелёгкие времена. На первом этаже, за зеркальным окном, располагалась контора по продаже недвижимости и страхованию. Старик, похожий на брата дамы из конторы парковочной службы, сидел в одной рубашке, склонившись над старомодным гроссбухом. Рыжеволосая женщина, которая лет через десять будет похожа на сестру той же дамы, сидела за своим столом и красила ногти.

Вестибюль находился слева от конторы по продаже недвижимости, а вдоль левой стены вверх шла лестница. Лифта не было. На стене рядом с дверью в контору недвижимости висело справочное табло, из тех чёрных войлочных шуток с прорезями, куда вставляются белые буквы. Закрывавшее его стекло было покрыто пятнами от мух и слоем многолетнего смога. Никакого Леса Валентайна в списке не было. Из десяти жильцов на трёх этажах был один фотограф.

¹⁹ Бастер Китон, настоящее имя Джозеф Фрэнк Китон (1895 — 1966) — американский комедийный актёр и режиссёр, один из величайших комиков немого кино.

²⁰ Выражение признательности или игривая фраза, используемая, чтобы проявить к кому-то романтический интерес.

Ларри Виктор, говорилось о нём, *Фотопортреты*. Те же инициалы, подумал я. А почему бы и нет?

Я поднялся на два пролета. В доме пахло так, словно на лестничных клетках жили кошки. Офис Ларри Виктора находился на третьем этаже, в задней части здания. Сквозь стекляшки на его двери пробивался слабый свет. Он походил на белый дневной, как будто напротив было окно или люк в крыше. Надпись гласила: «*Ларри Виктор. Фотограф. Реклама. Производство*». Портреты – это специальность. Я постучал – ответа не последовало. Я подергал ручку – заперто. У меня с собой не было моей коллекции отмычек, но я носил во внутреннем кармане инструмент, который я однажды забрал у парня, специализировавшегося по чердакам и сейфам. Он был похож на один из тех зубоврачебных инструментов, которыми пользуются для чистки зубов. Только у моего игольчатый носик был длиннее. Я просунул носик внутрь косяка и повернул его так, чтобы он надавил на язычок замка. Замок был пружинного типа и потому легко открылся. Я оказался внутри. Закрыл за собой дверь и огляделся.

Это место походило на офис, в котором я провёл половину своей жизни. Старый письменный стол с откидной крышкой, шаткое вращающееся кресло с потертой подушкой на сиденье, дубовый шкаф для хранения документов, у одной стены большой лист белой бумаги, приклеенный скотчем, пара фотоаппаратов на треногах и несколько ламп, установленных перед ним. Я посмотрел на камеры. На одном штативе стоял «Роллейфлекс», на другом – «Кэнон 35 мм». Дневной свет проникал в комнату через грязное окно в крыше с переплётом из проволоочной сетки. На столе стоял телефон и ониковый прибор, ручка с карандашом.

Я обошел стол и сел на вращающийся стул. Конечно, это не обязательно должно было быть это здание. Машина могла быть припаркована здесь, и Валентайн мог отправиться на Голливудский бульвар в поисках кинозвезд. Или на сам Сансет в поисках приключений. Или он мог бы поймать такси до Бейкерсфилда, где у него было примерно столько же шансов и на то, и на другое.

Тем не менее, машина была замечена снаружи этого здания, и здесь был фотограф с теми же инициалами. Я провёл инвентаризацию содержимого стола. Сверху была фотография симпатичной черноволосой женщины лет 25 с большими темными глазами. Ящики были забиты в основном счетами, многие из которых не были оплачены, включая ещё три штрафных талона. В среднем ящике лежала большая карта улиц Лос-Анджелеса, в нижнем левом ящике – телефонные справочники Лос-Анджелеса, в нижнем правом – бутылка дешевого шотландского виски, в которой оставалось не более пяти унций. Я встал и подошел к дубовой картотеке. В верхнем ящике лежали страховой полис, неоткрытая бутылка такого же самого виски, пачка бумажных стаканчиков и большой конверт из плотной бумаги с маленькой металлической застежкой наверху. Я открыл конверт. В ней был набор из глянцевых снимков 8 x 10 дюймов обнаженных женщин, проделывающих различные фокусы, некоторые из них довольно старые. Два других ящика были пусты.

Я отнес большой конверт к письменному столу, снова сел и стал более внимательно рассматривать содержимое. То, что там было, было порнографией довольно хорошего качества, некоторые снимки, возможно, были сняты перед тем очень белым бумажным фоном, который находился справа от меня. Прошло довольно много времени с тех пор, как фотографии совокупляющихся людей стимулировали мое либидо, а эти ничем особым не выделялись. Даже если бы они и возбуждали, то их было настолько много, что их избыток задушил бы похоть именно своим немалым количеством.

В дополнение к тому, что они было использовано довольно хорошее освещение и очень удачный фокус, на фотографиях были в целом представлены привлекательные модели. Актрисы, без сомнения, приезжают в Голливуд, чтобы вскоре стать звездами, или хотя бы

подающими надежды, ожидающими нужной роли. Мужчины на снимках были реквизитом для женщин, неясным, обычно безликим, не более заметным, чем лампа на заднем плане или голая металлическая ножка кушетки, на которой происходило действие.

Я перебирал фотографии и вдруг остановился. На одной, выглядящая моложе, но такая же обнаженная, как и несколько дней назад, стояла Сондра Ли, позируя одна, вызывая, с той же улыбкой пустых глаз. Я вытащил этот снимок из пачки, свернул в трубочку, стянул резинкой и сунул во внутренний карман пальто. Просмотрел остальные фотографии, не встретив больше никого из знакомых, встал и положил папку обратно в ящик. Я вернулся, сел на вращающееся кресло, задрал ноги и немного подумал. Совпадения накапливались, фотограф, те же инициалы, фотография Сондры Ли.

Пока я размышлял над всем этим, послышалось как ключ царапнул по замку, затем вошел в замочную скважину. Спрятаться было негде. Поэтому я продолжал сидеть, задрав ноги. Ключ повернулся, дверь открылась, и вошел парень, похожий на финалиста конкурса «Мистер Южная Калифорния». У него были длинные светлые волосы, зачесанные назад. У него было загорелое лицо, он был худощав, среднего роста, среднего телосложения. Он был одет в кремовый спортивный пиджак, белые брюки и черную рубашку с большим воротником, который спадал на лацканы.

Увидев меня, он остановился, откинул голову на дюйм, поднял брови и уставился на меня.

– Не смущайся, – сказал я. – Я – это не ты.

– Я это вижу, парень, – сказал он, – но кто ты такой, черт возьми?

– Ты первый, – сказал я.

– Сначала я? Это мой офис.

– Ага, – сказал я. – Ты, должно быть, Ларри Виктор.

– Да, а кто же ещё? – сказал он. – Но я не знаю тебя. И почему ты сидишь в моем кресле, и как ты сюда попал.

– Похоже на детский стишок, так? – сказал я.

Виктор все еще стоял у открытой двери на случай, если ему придется бежать.

– Ты собираешься мне рассказать? – спросил он.

– Меня зовут Марлоу, – сказал я. – Я ищу парня по имени Лес Валентайн.

– Ты полицейский?

– Нет, – ответил я. – Я познакомился с Валентайном за покером, у меня было две пары. У него был флэш. Он взял у меня расписку на пять сотен и дал мне этот адрес.

– А дверь? – спросил Виктор. – Полагаю, она была открыта?

– Да, – сказал я, – именно так оно и было.

Виктор кивнул. – Не возражаете, если я сяду за свой стол, Марлоу?

Я встал, отошел в сторону, и он сел.

– Пожалуй, я выпью, – сказал Виктор. – Присоединишься?

– Конечно, – ответил я.

Он достал из ящика стола дешевый скотч и плеснул немного в пару бумажных стаканчиков. Я сделал глоток. На вкус это было то, что можно было принять за чесотку. Виктор выпил свой и налил еще на пару дюймов стаканчик. Затем он откинулся на спинку кресла и постарался не подавать вида. Стараясь выглядеть непринужденно, он украдкой бросил взгляд на картотеку. Затем он снова посмотрел на меня.

– Забавная штука, – сказал Виктор. – Я знаю Леса Валентайна.

– Поразительно, – сказал я.

– На самом деле не так уж и удивительно. Мы работаем в одной области. Оба много делаем для кино, рекламы и тому подобное. Для высокой моды тоже.

Я оглядел кабинет.

– Эй, – сказал он, – зачем тратить деньги на всякие модные штучки, понимаешь? У тебя есть то, что надо, и тебе не нужны все эти зубочистки и глянцевые штучки, ну понимаешь, вся эта голливудская пыль в глаза.

– Я вижу, что ты точно на это время не тратишь, – сказал я.

Я выплюнул еще немного его виски себе в рот. Если уж я собираюсь его пить, то, по крайней мере, могу попытаться предотвратить кариес пока я здесь. У Виктора, похоже, с этим не было никаких проблем. Он наливал себе уже третью порцию. Возможно, он крепче, чем выглядит.

– Итак, я знаю Леса, как уже и сказал. Хороший фотограф.

– А где он сейчас? – спросил я.

– Я слышал, что он уехал из страны, – сказал Виктор.

Я поверил в это так же, как и в то, что пью «Чивас Регал»²¹.

– Какая-то работа для правительства. В Китай, кажется.

Он откинулся назад и наслаждался своим напитком, просто веселый парень, проводящий время, выпивая с парнем, который вломился в его офис. Он был таким же искренним, как улыбка старлетки.

– Ты знаешь модель по имени Сондра Ли? – спросил я.

– Сонни? Конечно, любой фотограф знает Сонни. Она лучшая модель на побережье.

– Ты когда-нибудь её фотографировал?

– Нет, сам я никогда не имел такого удовольствия. Я имею в виду, что ко мне обращались, но ты же знаешь, как это бывает, Марлоу. У тебя есть обязательства, у неё есть обязательства. У нас не было возможности поработать вместе.

– Даже раньше, когда она была моложе? – спросил я. Я понятия не имел, куда иду. Я просто хотел, чтобы это продолжалось. Что-то могло всплыть на поверхность.

Он покачал головой.

– Когда она была молода, приятель, я не занимался этим бизнесом. Сонни не студентка, ты же понимаешь.

Я кивнул и сделал ещё один маленький глоток скотча, как бы незаметно подкрадываясь к нему сбоку. Но у него всё ещё оставался гнилостный привкус.

– А что насчёт Мэнни Липшульца? – спросил я.

Если это имя т значило что-то для него, то он никак этого не показал. Лишь слегка поджал губы и уставился в угол комнаты. Затем он покачал головой.

– Нет, не знаю Мэнни Липшульца, – сказал он. – Шикарное имя, правда?

Я согласился, что шикарное. Мы все были шикарными. Он и я были особенно шикарны, просто пара шикарных парней, сидящих рядом и лгущих друг другу в этот приятный день.

²¹ Сорт дорогого виски

Я вышел на Вестерн-авеню, сел в машину и стал ждать. Пока я ждал, я пытался понять, чем же я занимаюсь. Я знал, что придётся следить за парнем, который не был тем человеком, которого я искал, но у которого была фотография Сондры Ли и офис в здании, у которого парень, которого я искал, получил штрафной талон. Не было никаких причин заняться ним, кроме того, что он совершил ошибку. Если ты приходишь в свой офис и находишь там незнакомого парня, то ты не усаживаешься с ним выпить. Ты начинаешь бить во все колокола.

Примерно через двадцать минут после того, как я уселся и стал ждать, Виктор вышел из своего офиса и направился пешком вниз по Вестерн-стрит. Я подождал, пока он дойдет до угла, и когда он повернул направо на Сансет, я вышел из «олдса» и поспешил за ним, сбавив скорость до небрежной ходьбы, вполне подходящей для прогулки по Сансет. Я перешел на южную сторону Сансет и направился на запад. Виктор был на другой стороне улицы, ярдах в пятидесяти впереди. Походка у него была вороватая, но скорее всего он всегда так ходил. Он даже не оглянулся. На полпути вниз в следующем квартале он нырнул в бар под названием «Рино». Я позволил ему устроиться, а потом сам проскользнул в кабинку у входа. Официантка сердито посмотрела на меня, один парень в кабинке на четверых.

— Я защитник «Южной Калифорнии», — сказал я. — Мои товарищи по команде вскоре ко мне присоединятся.

— Здесь все такие забавные, — ответила она. — Выпьешь что-нибудь?

Я заказал «буравчик» со льдом и медленно потягивал его, позволяя ему подавить вкус смертоносного виски Виктора. Виктор сидел в баре на табурете, сгорбившись над рюмкой чего-то, что, судя по его любимому скотчу, по вкусу могло походить на старый ёршик для чистки труб.

Рядом с Виктором на барном стуле боком, скрестив ноги и наклонившись к нему, сидела блондинка в очень короткой юбке. У неё были зеленые тени для век и очень яркая красная помада, а ее зелено-красная майка слегка задиралась сзади над юбкой, когда она наклонялась вперед. Кроме нас в баре была ещё стареющая рыжеволосая женщина с большой грудью, обтянутой белым свитером с блестками, который был порван на рукаве. Она пила «манхэттен», и пока я наблюдал, бармен принес ей ещё один и указал на Ларри Виктора. Она взяла его, кивнула Виктору в знак благодарности и целиком в него погрузилась.

Ларри слегка отсалютовал ей в ответ, коснувшись лба двумя пальцами, и повернулся к блондинке.

Этого требовала блондинка. Я не мог её слышать, но по интенсивности движений и скорости, с которой двигались её губы, было ясно, что она была чертовски зла. Виктор продолжал качать головой и что-то бормотал ей в ответ.

Внутри «Рено» была фальшивая сучковатая сосна, на стене висело несколько пар длинных рогов, а по всей комнате в рамках были развешаны старые гравюры Фредерика Ремингтона. Внутри бара было не очень светло, а яркое солнце Южной Калифорнии снаружи делало обстановку еще более тусклой. Было прохладно, и, вероятно, было бы тихо, если бы рыжая не продолжала скармливать монеты музыкальному автомату. Иногда прохладный бар в жаркий полдень очень удобное место.

Блондинка достала из сумочки что-то похожее на фотографию и протянула Виктору. Тот достал из нагрудного кармана своего бесформенного спортивного пиджака очки без оправы и надел их, чтобы взглянуть на неё. Рассмотрев, он быстро прикрыл ее ладонью и неловко оглядел комнату. Затем он сунул фотографию обратно блондинке, снял очки и убрал их. Блондинка взяла фотографию и положила её обратно в сумочку. Весь этот разговор, вероятно, длился не более двадцати секунд, но этого было достаточно, чтобы, когда он осматривал бар в очках без оправы, я понял, что меня беспокоит. За исключением волос, он

был похож на фотографию, которую я видел у Леса Валентайна. А причёску можно было изменить.

Виктор резко встал, швырнул десятку на стойку и вышел из бара, как человек, навсегда оставляющий жену. Блондинка продолжала сидеть, глядя ему вслед. Я встал и отправился за Виктором, стараясь не попадаться блондинке на глаза. Это могло оказаться абсолютно ненужным.

Он был уже на полпути к углу Вестерн, когда я вышел из бара. К тому времени, как он тронул машину с тротуара возле своего офиса, я уже сидел в своем «олдсе» с работающим на холостом ходу мотором. Он двигался на запад по Сансет, пока не выехал на автостраду, а потом свернул на юг, к Венецианскому бульвару. Была середина яркого дня, и движение не было интенсивным. Я старался держать две-три машины между собой и Виктором и время от времени менял полосу движения. Он не ожидал, что за ним будут следить, и мысли его были заняты другим. Я мог бы следить за ним на «чёртовом колесе».

Я доехал за ним до пляжа. Когда он въехал на узкую стоянку позади прибрежного бунгало, я проехал мимо и припарковался под оливковым деревом между двумя мусорными бочками под вывеской «Частная парковка», что бы это не значило. Я прошел обратно к пляжному бунгало, позади ряда дощатых домиков, каждый из которых был подпёрт сзади машиной. Когда-то кто-то посадил вдоль этой дороги оливковые деревья вдоль этой дороги, там и сям, и где соленый ветер не убил их, они выросли чахлыми и уродливыми, усеивая землю недозрелыми черными оливками, похожими на человеческие экскременты. Резкий запах их листьев смешивался с запахами моря и готовящейся пищи, а ещё – с густым, временами усиливающимся, временами ослабевающим, запахом разлагающегося мусора из переполненных мусорных баков, которые делили с машинами крошечное пространство позади домов.

Сзади дома Виктора, на маленькой цементной дорожке, которая шла вокруг дома к входной двери, находился почтовый ящик. Надпись на нем гласила: «Ларри и Анджела Виктор». Я прошел дальше, двумя домами ниже, и пересёк еще одну узкую бетонную дорожку с сорняками, пробившимися сквозь песок под ней. Перед домами была пляжная аллея, потом пляж, а потом огромный Тихий океан, медленно вползающий на побережье.

Двумя домами ниже Ларри Виктор сидел в шезлонге на веранде, положив ноги на перила. Рядом с ним сидела черноволосая молодая женщина с большими тёмными глазами с фотографии на его столе. На ней было какое-то свободное гавайское платье и маленькие белые туфли на высоком каблуке, она позволила соскользнуть платью до середины бедер, когда сидела, положив ноги рядом с Виктором. Они пили мексиканское пиво из бутылки и держались за руки. Это была своего рода идиллическая картина из жизни, которую страховые компании используют, когда пытаются убедить вас, что страхование жизни сделает её безопаснее. Я стоял на полпути за грядкой гигантских гераней, на углу пляжного домика двумя дверями ниже, и наблюдал.

Марлоу Всевидящий всё видит и всё замечает. Девушка наклонилась и поцеловала Виктора, поцелуй затянулся и стал крепче. Когда поцелуй и последовавшая за ним борьба закончились, Виктор машинально поднял руку и поправил волосы. Я улыбнулся. Есть! Лес Валентайн в парике.

14

Я вернулся в Спрингс как раз к позднему ужину, который Тино приготовил для меня на кухне. Линда была в Рэки-Клуб и не вернулась домой, пока я не доел последний салат, который Тино настоял подать после еды.

– Тут так принято, мистер Марлоу, – сказал Тино. – В Спрингс все так делают.

– Все, кроме меня, Тино, – ответил я. – Я ем салат перед едой.

Тино покачал головой. – Миссис Марлоу сказала, что мы никогда не будем воспитывать вас, мистер Марлоу.

– Я настолько цивилизован, насколько это возможно, – сказал я.

– Вы в полном порядке, мистер Марлоу.

В этот момент вошла Линда.

– Хорошо, дорогой, – сказала она, – увидеть тебя, вернувшимся домой после тяжелого рабочего дня. Очень приятно.

Она подошла и легонько поцеловала меня. Я почувствовал запах алкоголя в ее дыхании.

– Может быть, Вы тоже поужинаете, миссис Марлоу?

– Нет, Тино, пожалуйста, большой стакан виски с содовой со льдом.

Линда села напротив меня. Тино принёс ей напиток.

– Дорогой, сегодня произошло что-нибудь хорошее?

– Я нашел Леса Валентайна, – сказал я.

– Это тебя так волнует. Я уверена, что это компенсирует наше отсутствие на ужине в клубе с Мауси и Мортонем.

– Отлично, – сказал я. – Мирна Лой²² не смогла бы продеklamировать это лучше.

– Не будь грубым, дорогой. Ты ведь меня подставил, знаешь ли.

– Я знаю, – сказал я. – И я сожалею, что мне пришлось это сделать. Но меня сирена на коктейль не зазывает.

– И я знала это, когда выходила за тебя замуж, – сказала Линда.

Для меня в этом уже не было ничего особенного. И я всё пропустил мимо ушей.

– Было бы здорово, дорогой, если бы иногда мне казалось, что ты уклоняешься от работы, чтобы побыть со мной.

– Это единственный способ быть с тобой, – сказал я. – У твоего старика около ста миллионов долларов. Если я начну увивать от своей работы, чтобы быть с тобой, очень скоро стану лежать и выщипывать себе брови.

– Ну и дурак же ты, – сказала Линда.

– Возможно, – сказал я.

Линда снова уткнулась носом в свой бокал.

– Ты не хочешь быть со мной? – спросила она.

– Чёрт побери, в том-то и дело. Конечно, я хочу быть с тобой. Я бы хотел проводить всё свое время с тобой в постели, пить коктейли у бассейна, помогать тебе сортировать белье. И если я поддамся этому, то кто я? Ты могла бы купить мне маленький ошейник с драгоценными камнями, и мы бы отправились на прогулку.

Линда встала и отвернулась от меня, держа в руке недопитый стакан. Она сделала два шага к двери, остановилась и швырнула стакан в раковину. Промахнулась, стакан ударился о шкаф, разбился и брызги разлетелись по ковру. Она повернулась и рухнула мне на колени, прижавшись губами к моим губам.

– Ты ублюдок, – сказала она, прижавшись своим открытым ртом к моему. – Ты неисправимый ублюдок.

²² Мирна Лой (англ. Мyрна Лоу, урождённая Мирна Адель Уильямс, 2 августа 1905 — 14 декабря 1993) — американская актриса 1930–х годов.

Я взял ее на руки и направился в спальню. Деньги имели свои преимущества. Тино всё уберет.

Утром у Линды разболелась голова, и мы лежали в постели, пили апельсиновый сок и кофе в ожидании, пока боль утихнет.

– Слишком много виски, – сказал я.

– Конечно, нет, – ответила Линда. – Я иду на тихую вечеринку, выпиваю пару коктейлей и возвращаюсь домой сонная, и... ну, я, конечно, почти не спала.

– Это заметно, – сказал я.

Тино тихонько постучал в дверь спальни и вошел с подносом для завтрака.

Она довольно быстро закончила.

– Ах, но миссис Марлоу, – сказал Тино с улыбкой. – Думаю, мистер Марлоу съест свою порцию и большую часть вашей.

Тино поставил поднос на мою сторону кровати и вышел. Я принялся за работу, чтобы доказать его правоту.

– Как ты можешь, скотина, – сказала Линда.

– Нагрузки, – сказал я. – Здоровые нагрузки всю ночь. Я проголодался.

Не глядя, Линда нащупала половинку тоста и откусила маленький кусочек. Тщательно его прожевала. Затем осторожно откинулась на подушку, чтобы передохнуть.

– Вчера вечером ты сказал, что нашёл мужа Маффи Блэкстоун, тихо произнесла Линда, не открывая глаз.

– Да, – сказал я. – Он живет у пляжа в Венеции под именем Ларри Виктор. И у него фотостудия в Голливуде.

– Я уверена, что мистер Липшульц будет очень гордиться тобой, дорогой.

– Если я ему скажу.

– А почему бы и нет? – спросила Линда.

Я смотрел на её профиль, на то, как пульсировала тонкая жилка на опущенных веках.

– Кажется, там живет некая миссис Виктор.

Линда повернула голову на подушке так, чтобы оказаться лицом ко мне, и медленно открыла оба глаза.

– Существует ли на самом деле, – спросила она. – тот маленький, робкий водяной жучок?

– В Лос-Анджелесе он носит на голове коврик и не носит очков. Обычный жеребец.

– Коврик?

– Парик, длинные светлые волосы, зачесанные назад, – сказал я. – Одевается, как агент старлетки из фильма класса «Б».

Я потянулся к прикроватному столику и достал свернутую фотографию Сондры Ли. Я протянул её Линде.

– Он специализируется на таких снимках, – сказал я.

Линда посмотрела на фотографию и быстро положила её на колени изображением вниз.

– О, – сказала Линда. Затем она осторожно перевернула фотографию и снова посмотрела на неё. Её брови сошлись в самой очаровательной гримасе, которую я когда-либо видел. Она снова посмотрела на фотографию.

– У нее ужасно маленькая грудь, – сказала Линда, – и маленький пузик.

– Ну, вряд ли это можно назвать пузиком, – ответил я.

– Мужчинам нравятся такие фотографии?

– Некоторым – да, – сказал я.

Она посмотрела на меня и молча откинула одеяло.

– Мне нравится реальность, – сказал я.

Она медленно кивнула головой, словно удовлетворенная ответом, и снова накрылась одеялом.

– Муж Маффи делает такие снимки?

– Сотнями, – ответил я.

– Как ты их нашёл их? – спросила Линда.

– Я ограбил его офис, – сказал я. – Только никому не говори.

Она сморщила нос.

– И ты должен этим заниматься? – спросила она.

Я ничего не ответил. Она положила руку мне на плечо.

– Да, – сказала она, – конечно, должен. Это я так...

– Да, – сказал я. – Всё так.

На мгновение мы замолчали. Линда ещё раз взглянула фотографию.

– Так почему бы тебе не сказать мистеру Липшульцу?

– Даже не знаю. Просто он и другая жена ... я проследил его до дома. Она была так ему рада... – я пожал плечами.

– Ну, а как же Маффи? – спросила Линда.

– Да, – сказал я.

– О, – сказала Линда.

Она ещё раз взглянула на фотографию. Затем она положила её на ночной столик, повернулась ко мне и замерла. Перевернулась на спину, протянула руку и перевернула фотографию лицом вниз, затем снова повернулась ко мне.

– Мне стало намного лучше, – произнесла она.

15

Я начинал чувствовать себя шариком от настольного бильярда, мотаясь взад и вперед между Пудл-Спрингс и Лос-Анджелесом. На этот раз, я проехал через долину и въехал на Кауэнгу. Голливудский бульвар выглядел так же, как и обычно по утрам, как проститутка без макияжа.

Я припарковался на Голливуд рядом с Уилтон и пешком вернулся на Вестерн. У меня в кармане лежала фотография Сондры Ли. Настало время поговорить с Ларри/Лесом.

Когда я вошел, старый толстяк все еще сидел за своим столом в конторе недвижимости. Лестница все еще пахла старой сыростью и прокисшими жизнями, когда я поднимался вверх. Дверь кабинета Виктора была не заперта, и я вошёл. Его там не было, но было кое-что другое.

Она сидела в его вращающемся кресле, откинувшись на спинку, запрокинув голову и свесив руки. В середине лба у нее была маленькая дырочка, а плоть вокруг нее слегка припухла и обесцветилась. Крови я не видел, но чувствовал её запах. Вероятно, она высохла чёрным пятном позади неё. Рот её был открыт, а застывшие губы изогнуты в резкой улыбке, такие я раньше видел слишком часто.

Я почувствовала, как мой желудок сжался. Вместе с запахом засохшей крови я ещё ощущал затаенный запах кордита. Я закрыл за собой дверь кабинета, подошёл поближе и заглянул в лицо мертвой женщины. Я видел его раньше, но мне потребовалась минута, чтобы понять, где именно. Это была та самая блондинка, которая ругалась с Ларри Виктором в кафе «Рено». Я коснулся её щеки. Кожа была холодной. Я пошевелил одну из ее рук. Она была жесткой. На полу за ее креслом виднелась лужа засохшей крови.

Я знал, что мне в конце концов придется сделать, но сначала подошел к шкафу с документами и открыл его. Фотографии исчезли. Я осмотрел остальную часть офиса. Казалось, больше ничего не пропало. Я снова посмотрел на мертвое лицо блондинки. Глубоко вздохнув, набрал номер полиции.

Первыми прибыли два помощника шерифа из участка Западного Голливуда на Сан-Висенте. Они вошли с обычным настороженным выражением лица за обычными солнцезащитными очками. Один из них опустился на колени, чтобы осмотреть тело, другой заговорил со мной.

– Ты ничего не трогал? – спросил он.

Его голос был жестким.

– Телефон, – сказал я.

– Как это произошло? – голос, который звучал так, что было бы лучше, чтобы у меня нашлась веская причина.

– Чтобы позвонить вам, – ответил я.

Он кивнул. Другой тоже встал.

– Мертва уже давно, – сказал он.

Первый хмыкнул.

– Что тебя сюда привело? – спросил он у меня.

– Я частный детектив, – ответил я. – Пришёл сюда, чтобы повидать Ларри Виктора.

– Частный детектив? Как насчет этого, Гарри? Нам повезло? Мы получаем вызов, а тут – частный детектив.

– Повезло, – откликнулся Гарри.

– Зачем вы пришли к Виктору? – спросил первый полицейский.

– По делу, над которым я работаю, – ответил я.

– У тебя есть удостоверение личности?

– Конечно, – сказал я. Я достал бумажник и показал ему. Адрес на моей лицензии все еще был моим старым лос-анджелесским.

– А что за дело? – спросил Гарри.

Я отрицательно покачал головой.

– Это бессмысленно, – сказал я. – Мне придётся пройти через это у детективов. Зачем заставлять меня проходить через это дважды?

– Ты пройдёшь через это столько раз, сколько мы сочтем нужным, Шу-Флай, – сказал первый полицейский. – Что это за дело, которым ты занимаешься?

– Сейчас здесь нет ничего, что указывало бы на то, что моё дело имеет какое-то отношение к вашему. Если это так, то мне придется сказать тебе. Но не сейчас.

– Слушай, умник, – сказал первый полицейский. – Не тебе решать, что связано с нашим делом. А нам.

– Вам? – спросил я. – Вы, ребята, просто няньки. Как только появится убойный отдел, вы окажетесь снаружи с чёрно-белым журналом учёта нарушений оплаты парковки в руках.

– Ладно, болтун, – сказал Гарри, – руки за спину.

В этот момент, покуривая одну из своих игрушечных сигар, вошёл Берни Олс, выглядел он как человек, который хорошо позавтракал и получил удовольствие после физических упражнений. Он был главным следователем окружного прокурора.

– Опять раздражаешь ребят из патрульной машины, Марлоу? – спросил он.

Двое помощников шерифа не то чтобы встали по стойке смирно, но заметно выпрямились. Гарри остановился, наполовину сняв наручники с пояса.

– Олс, – представился Берни. – Офис окружного прокурора.

– Да, сэр, лейтенант, мы знаем, – сказал первый полицейский.

Берни улыбнулся безо всякого умысла и кивнул в сторону двери.

– Теперь это наше дело, – сказал он, и оба помощника вышли из кабинета. Олс подошёл и посмотрел на мертвую женщину. Это был среднего роста парень со светлыми волосами и жесткими белыми бровями. У него были ровные белые зубы и очень спокойные светло-голубые глаза. Он говорил приятным, умным голосом полицейского, который всегда был слишком небрежным, чтобы доверять ему. С ним были еще двое сотрудников из округа, оба в штатском. Они вообще не обращали на меня внимания.

– В упор, – сказал Олс, глядя на тело, – мелкий калибр, более крупный проделал бы большую дыру, чем мы имеем.

– Медэксперт будет здесь через минуту, лейтенант, – сказал один из окружных служащих.

Олс рассеянно кивнул.

– Знаешь её? – он спросил он меня.

– Нет, – ответил я.

Олс поднял голову и пристально посмотрел на меня.

– Ты будешь милым? – спросил он.

– Пока нет, – ответил я.

Он снова кивнул. Появился медэксперт, невысокий толстый парень в костюме и жилете, с большой сигарой, зажатой в правом углу рта. Двое лаборантов вошли следом за ним и принялись снимать отпечатки пальцев.

– Пошли, – сказал мне Олс, и мы вышли в тесный коридор.

– Расскажи мне свою историю, – попросил Олс. Он втянул в себя немного сигарного дыма и тихо выпустил его в полутемный коридор.

– Розыск пропавшего человека из Спрингс, – сказал я. – След вёл сюда. Я разговаривал с парнем в офисе, он сказал, что не может мне помочь. Сказал, что знает моего парня, но тот куда-то уехал и не скоро вернется. Я ушёл, ещё немного порыскал, не нашел ничего, что могло бы мне помочь и вернулся сюда, чтобы ещё раз поговорить с этим парнем. Дверь была открыта. Я вошёл и обнаружил её.

– Того парня зовут Ларри Виктор? – спросил Олс.

– Так написано на двери, – сказал я.

– Ты знаешь, где он сейчас?

– Нет, – ответил я.

– Можешь что-нибудь добавить, что могло бы нам помочь? – спросил Олс.

– Нет.

– Полагаю, если я спрошу тебя, как зовут клиента, ты мне не скажешь, – сказал Олс.

– Мой парень, Берни, не станет рассказывать копам, на кого он работает, если ему это не нужно, – сказал я.

– А кто решает, должен ли он это делать? – спросил Олс.

Я пожал плечами.

– Мы всё уладим, – сказал я.

– Конечно, уладим, – ответил Олс.

Он вынул изо рта игрушечную сигару и некоторое время молча рассматривал её, потом бросил на пол и раздавил ногой.

– Оставайся на связи, – сказал Олс, повернулся и пошёл обратно в кабинет. Я с минуту смотрел ему вслед, но не увидел там места для себя. Поэтому я ушел.

16

Я ехал по бульвару Санта-Моника с запада на Вестерн, не снимая ноги с педали газа. Копам не потребуется много времени, чтобы выяснить, где живет Ларри Виктор, а потом кто-нибудь съездит туда и заберёт его. Я хотел попасть туда первым, хотя и не знал точно почему. Я добрался до пляжа в Венеции за 25 минут, и моя правая нога немного дрожала, когда я наконец снял ее с педали газа и вылез из «олдса» позади дома Виктора на побережье. Патрульных машин не было видно. Я обошел пляжный домик, вошел в патио и постучал в раздвижную стеклянную дверь. Темноволосая молодая женщина, которую я раньше видела с Виктором, подошла к двери и слегка приоткрыла ее.

– Да?

– Марлоу, – сказал я. – Мне нужно срочно увидеться с Ларри Виктором.

Она улыбнулась и открыла дверь пошире.

– Входите, мистер Марлоу, – сказала она. – Ларри готовит напитки на кухне. Не присоединитесь?

– Через минуту нам всем понадобится выпить, – сказал я. – Скажите Ларри, что это срочно.

Пока я говорил, Виктор вышел из кухни с кувшином и двумя стаканами. Он посмотрел на меня.

– Какого черта тебе надо? – спросил он.

– У меня нет времени на объяснения, – сказал я. – Тебе придется поверить мне на слово. В твоём офисе лежит мертвая женщина, Виктор, и копы уже в пути.

Глаза Анджелы расширились. Виктор сказал: «Мертвая женщина?»

– Давай, садись в мою машину. Анджела, скажите копам, что Вы не знаете, где он.

Все замерли на месте. Я взял Виктора за руку.

– Либо я, либо долгая ночь в центре, – сказал я. – Анджела, возьми стакан и выпей. Мы ещё вернемся.

Я потянул Виктора за собой, и мы вышли через парадную дверь.

– Ларри, – крикнула нам вслед Анджела, – позвони мне.

– Избавься от этих двух стаканов, – сказал я. Потом я посадил Виктора в машину, и мы покатали по Линкольн-авеню на Венецианский бульвар, направляясь на восток.

– Что это за чертовщина, Марлоу? – спросил Виктор.

Я предложил ему сигарету. Он взял ее и прикурил от зажигалки на приборной доске. Автомобиль наполнился запахом, который сигареты издают только тогда, когда их зажигают от прикуривателя.

Он сделал глубокий вдох и выпустил дым двумя струйками через ноздри.

– Ладно, – сказал он, – что происходит?

Я всё рассказал ему.

– Я её не убивал, – сказал Виктор. – Я даже не знаю, что она делала в моём кабинете.

– Но ты же её знал, – сказал я.

– Черт возьми, что ты говоришь?

– Это та блондинка, с которой ты недавно ругался в баре «Рено», – сказал я.

Виктор пристально посмотрел на меня. Его рот открылся и закрылся, как у тропической рыбы.

– Как ты... – сказал он и заткнулся.

– Я следил за тобой, – сказал я.

– Следил за мной?

– Постарайся не повторять за мной. Я проследил за тобой до «Рено», а потом до дома. Анджела – твоя жена?

– Да, – ответил он.

– А Мюриэл Валентайн – тоже твоя жена?

– Мюриэл Валентайн?

– Я же просил тебя не делать этого, – сказал я.

– Кто такая Мюриэл Валентайн?

– Жена Леса Валентайна, – сказал я. – Я видел его фотографию в её доме. Если ты наденешь очки и снимешь парик, то будешь выглядеть точно так же, как он.

Он помолчал, посасывая сигарету. На её конце начал формироваться длинный красный уголек, как бывает, когда несколько человек курят одну сигарету по кругу. Он покачал головой, открыл окно моей машины и выбросил горящего бекаса на тротуар. Когда мы отъезжали от него, несколько искр разлетелись в стороны. Я чувствовал на себе его пристальный взгляд.

– Так в чём дело? – спросил он.

Его голос был тяжёлым.

– Мне называть тебя Ларри или Лес? – спросил я.

Он не ответил.

– Ты официально женат на Анджеле?

Он опять не ответил.

– Это, конечно, приятно, – сказал я, – разговаривать сам с собой. Никаких умных замечаний, никакой лжи, только успокаивающий звук своих собственных вопросов.

Я достал из внутреннего кармана фотографию Сондры Ли, снял резинку и развернул её одной рукой, пока другой вёл машину. По сравнению с операцией на головном мозге это было совсем не сложно.

– Я полагаю, ты снял это, когда она только начинала, – сказал я. Я протянул ему фотографию. Он взял её, всё ещё молча.

– Господи Иисусе, Марлоу.

– Так расскажи мне обо всем, – попросил я.

Он снова произнёс: «Господи Иисусе.»

– Всё разваливается, – сказал я. – Из-за убийства. Ты всё это создал и аккуратно построил, а потом происходит убийство, и всё разваливается.

– Что же мне теперь делать? – спросил Ларри.

– Ты расскажешь мне всё, что происходит, – сказал я. – Может быть, я смогу что-нибудь придумать.

– Копы знают обо мне? – спросил он.

– Не от меня, – сказал я. – Когда я уходил, у них был только труп в твоём кабинете. Это я обнаружил тело.

Теперь мы направлялись на север, на Сепульведу.

– Ты?

– Застывший-На-Минуту Марлоу, – ответил я. – Я пришел туда, чтобы поговорить с тобой о том, каково быть Ларри Виктором и Лесом Валентайном. Здесь я буду звать тебя Ларри. Дверь была открыта, она была там. В твоём кресле. Кто-то выстрелил в неё с близкого расстояния из малокалиберного пистолета.

– И вы взяли эту фотографию из моей картотеки?

– Нет, я взял её в прошлый раз, когда был там. На этот раз твоя картотека была пуста.

– Никаких фотографий?

– Никаких фотографий, – сказал я.

– Есть еще сигарета? – спросил он.

Я протянул ему пачку. Справа располагался супермаркет «Вон». На стоянке было полно универсалов, женщин и тележек для покупок. Я съехал с Сепульведы и припарковался среди них.

Виктор закурил сигарету. Он вернул мне пачку, и я положил ее на приборную доску.

– В чём твой интерес, Марлоу? Ты шантажист?

Я отрицательно покачал головой.

– Частный сыск, – сказал я. – Меня наняли, чтобы найти тебя.

– Кто? Мюриэль?

– Липшульц, – ответил я.

Его глаза расширились. – Липпи?

Я молча кивнул.

– Из-за расписок?

– Угу.

– Я пытался получить свой кусок, – сказал он.

Я промолчал.

– Ты узнал очень много и очень быстро.

– Я любопытный парень, – сказал я. – Твой кусок тебе нужен, чтобы выбраться из Спрингс?

Да. Спрингс, Мюриэл, её старик – всё это.

– Ты женился на Анджеле?

– Да.

– До или после Мюриэл?

– До.

– Мило, – сказал я. – Дай угадаю, ты где-то встретил Мюриэл, может, когда фотографировал...

– Да.

– Конечно, – сказал я. – И ей ты понравился, а ты вдруг увидел большое буррито, после того как всю жизнь танцевал за десять центов. Анджела знает, что ты женился на Мюриэл?

– Нет, она думает, что я уезжаю на съемки.

– Итак, ты собирался запустить руку в трастовый фонд Мюриэл, – сказал я, – а когда у тебя было бы достаточно денег, ты бы вернулся в Лос-Анджелес и исчез вместе с Анджелой.

– Что-то вроде того, – сказал он.

– За исключением того, что ты не смог добраться до денег.

Он покачал головой.

– Ни доллара, – сказал он, – ни цента.

– И тогда, ты попытался получить своё в клубе «Агония», но выяснилось, что казино обыграть довольно затруднительно.

– Я много играю. У меня всё в порядке. Думаю, игра была подстроена.

– Конечно, – сказал я. – Иначе ты бы выиграл всё казино. Я знаю, так бы и было. Они не играют против таких простофиль, как ты, больше пятидесяти-ста раз в день.

– Я много выиграл.

– Сколько? Столько же, сколько проиграл?

Он не ответил. Отвернувшись от меня, смотрел на покупателей еды на стоянке, размышляя о том, что купить на ужин – тушёное мясо или бараньи отбивные. Не размышляя о трупе в своём офисе. Наконец он заговорил, не глядя на меня.

– Так почему ты ничего не сказал копам?

– А что мне за дело? – спросил я.

– Разве ты не законопослушный гражданин?

– В разумных пределах, – ответил я.

– Так почему ты им не сказал? Как вышло, что ты примчался сюда из Голливуда раньше копов?

– Я романтик, – ответил я.

– Что?

– Я видел вас с Анджелой вместе прошлым вечером. Ты выглядел счастливым.

Он пристально посмотрел на меня.

– Отвратительный ты человек, Марлоу, – сказал он.

– Но по сходной цене, – добавил я.

17

Солнце сдвинулось на запад к пляжу и опустилось так низко, так что тени на стоянке стали длинными и расплывчатыми. Толпа покупателей уже поредела, домохозяйки отправились по домам, чтобы приготовить ужин и поставить его на стол, прежде чем муженёк прикончит свой третий «манхэттен». Первый ручеёк пригородного потока начала замедляться на Сепульведе, направляясь на север к западному Лос-Анджелесу и Долине. Виктор обосновался в моих сигаретах, как козёл в клевере. Я вынул трубку из кармана пальто, набил её, правильно её раскурил и откинулся на спинку сиденья, прислонившись к двери.

-
- Я её не убивал, – сказал Виктор.
- Конечно, скажи, что ты этого не делал. Скажи, что ты хитрый ублюдок, двоеженец, азартный игрок, порнограф и жиголо, но скажи, что передо мной не сидит убийца. Расскажи мне, как она оказалась в твоём офисе за твоим столом с пулевым отверстием во лбу?
- Это довольно грубо, Марлоу.
- Конечно, но не настолько, когда ты окажешься в руках правосудия, в задней комнате, где копы сидят, положив ноги на перила.
- Если они найдут меня, – сказал он.
- Найти тебя? Бедняга, я нашёл тебя через три дня по неоплаченному штрафу за парковку. Думаешь, копы не найдут подозреваемого номер один в деле об убийстве? Ты думаешь, я был единственным, кто видел, как ты спорил с той блондинкой в «Рено»? Та как её звали?
- Даже не знаю. Лола, Лола Что-то-там. Я её почти не знал.
- О чем вы спорили?
- Она была пьяна.
- О чем вы спорили?
- Одно время я с ней встречался, – сказал Виктор.
- Ага, и не знаешь ее фамилии.
- Он пожал плечами.
- Ты же знаешь, как это бывает, Марлоу.
- Нет, – ответил я. – Я не знаю.
- Ты встречаешься с цыпочками, спишь с ними, и вдруг они начинают думать, что всё гораздо серьезнее.
- Но не настолько серьезно, чтобы назвать тебе свою фамилию, – сказал я.
- Ну, я полагаю, она говорила, но, эй, я не могу же помнить каждое имя? – Он начал приходить в себя, страх немного отступал назад, в тень. О боже, и я собирался ему помочь.
- Вспоминай, приятель, или я отвезу тебя прямо в центр.
- Господи Иисусе, – повторил он. Страх вернулся. – Не делай этого. Я помню, её звали...
- Он сделал вид, что напряженно вспоминает.
- Её звали Фэйтфул, Лола Фэйтфул. Но не кажется, что она немного изменила своё настоящее имя.
- Лола Фэйтфул, – сказал я.
- Да, возможно, это сценическое имя, но именно так она значилась в справочнике, когда я встречался с ней. Честное слово.
- И она злилась, потому что ты её бросил.
- Да, – сказал Виктор, – верно. Она была чертовски зла, Марлоу.
- Как давно женат на Анджеле?
- Три года и, э-э, семь месяцев.
- Ты расстался с Лолой до этого?
- Конечно, черт возьми, за кого ты меня принимаешь?
- Об этом я даже и думать не хочу.
- Да, – сказал Виктор, – я расстался с Лолой задолго до того, как мы поженились. Как только я начал встречаться с Анджелой, я её бросил.
-

– Угу, – сказал я. – Значит, четыре года назад ты бросил Лолу Фэйтфул, а несколько дней назад она наконец-то собралась с силами и устроила скандал в баре?

– Она до сих пор меня любит, Марлоу, это не моя вина.

Я слегка затянулся трубкой и, прищурившись, посмотрел на него сквозь дым. – Я слышал, что моряки рассказывают филиппинским барменшам истории куда складнее.

– Ну, если ты мне не веришь, тогда какого черта ты сидишь здесь со мной?

– Две причины, может быть, три, – сказал я. – Во-первых, ты не из таких. Ты жулик, вор, парень, который всегда немного мошенничает; но я не думаю, что в тебе есть стержень, без которого нельзя убить человека.

– Ты когда-нибудь убивал, крутой парень? – спросил Виктор.

– Во-вторых, – сказал я, – почему ты убил её в своём офисе, оставил там и даже не запер дверь? Стоило бы уж сразу позвать копов и признаться.

– Да, – сказал он. – Я не настолько глуп.

– Посмотрим, – сказал я.

– Ты сказал, может быть, по трём причинам, – сказал Виктор. – А какая ещё?

Он выудил последнюю сигарету из моей пачки, скомкал её и выбросил в боковое окно. Затем он нажал на прикуриватель и стал ждать, пока он нагреется.

– Как я уже сказал, я романтик.

Виктор повернулся ко мне.

– Я не убивал её, Марлоу. ты должен верить.

– А мне и не надо, – сказал я. – На данный момент это моя рабочая гипотеза. У тебя есть где спрятаться?

– Как насчет твоего дома? – спросил Виктор.

– У меня нет места, – сказал я.

– Да, но мне много не надо.

– Всё занято, – сказал я, – моей женой и мной. Тебя не приглашали.

– Господи, Марлоу, но мне некуда идти, а копы никогда не догадаются.

– Они знают о Мюриэл? – спросил я.

– Нет, Господи, о ней никто не знает.

– Отправляйся к ней, – сказал я.

– К Мюриэл?

– А почему бы и нет? Она думает, что, она твоя жена. Так что это и твой дом.

Он покачал головой.

– Это её дом, – сказал он. – Её и старика.

– Ты предпочитаешь провести ночь в камере, подпирая спиной стену?

Виктор молчал. Сигарета, зажатая между двумя его пальцами, практически дотлела до конца. Он осторожно сделал еще одну затяжку, стараясь не обжечь губы.

– А как я туда доберусь? – спросил он.

– Я отвезу тебя.

– До самого Пудл-Спрингс?

– Я там живу, – сказал я. – Мне по пути.

-
- Вы живёте в Спрингс?– спросил Виктор.
 - Конечно, – сказал я. – Посмотри на мою нижнюю челюсть.
 - Марлоу, – сказал он. – Господи, так это ты женился на дочери Харлана Поттера?
 - Это она вышла за меня замуж, – ответил я.
 - Ради Бога, так ты живешь прямо через дорогу от меня!
 - Мир тесен, – ответил я.

18

Большую часть пути мы ехали молча. Примерно каждые пятнадцать минут Виктор говорил, что хотел бы выкурить сигарету.

- Расскажи мне об отце Мюриэл, – попросил я, когда мы проезжали мимо бейкерсфилдского шоссе.
- О Клэйтоне Блэкстоуне? – я услышал, как Виктор втянул воздух и выпустил его через нос.
- Да.

Солнце уже зашло, и дорога прорезала пустую пустыню, словно тонкая лента в свете фар.

- Богатый, – сказал Виктор.

Я ждал, пока шоссе извивалось под нами в неподвижной темноте.

- Богатый и подлый, – сказал Виктор.
- Вот так ты и разбогаеешь, – сказал я.
- Он зарабатывал деньги по-разному, – сказал Виктор, – и не всегда законно.

Я подождал еще немного.

- Чаще незаконно, – сказал Виктор. – Но он занимался этим давно, а теперь он из высшего класса, а его дочь – принцесса.
- Это большая суровая страна, – сказал я. – Такое случается сплошь и рядом.
- Да, но не со мной.
- Сам напросился, – сказал я, просто чтобы что-то сказать.

– Блэкстоун зарабатывал деньги азартными играми на кораблях у побережья, за пределами трехмильной зоны, – сказал Виктор. – Тогда там можно было делать всё, что захочешь. Карты, кости, рулетка, проститутки, комнаты для свиданий. Можно было купить девушек, выпивку, марихуану, кокаин, и это было в те дни, когда старшеклассники об этом и не слыхали.

- Конечно, – сказал я, – я ведь подобрал тебя в водном такси на пирсе в Бэй-Сити.
- Теперь он владеет банками, гостиницами, клубами и ресторанами, но изначально деньги пришли именно оттуда. У него ещё остались связи с тех пор.
- Крутые парни? – спросил я.
- Такие, что сначала выбьют тебе зубы, а потом пристрелят потому что не смогут понять, что ты говоришь.
- Он связан с клубом «Агония»? – спросил я.

- Нет, этим заправляет Липпи.

– Липпи говорит, что его босс – парень по фамилии Блэкстоун, и что Блэкстоун – это очень большое число в его бухгалтерии.

- Господи, – сказал Виктор, – я этого не знал. – Он потёр оба глаза тыльной стороной ладони.
 - Ну, старина Клейтон не будет меня убивать, пока я женат на его дочери.
-

– Если только не узнает, что ты тоже уже был женат на Анджеле.

– Господи Иисусе, Марлоу.

Из темноты показался поворот на Пудл-Спрингс. Я свернул в глубокую черноту пустынной дороги. Время от времени в каньонах вспыхивали проблески света, когда кто-нибудь вгрызался в покрытый шлаком склон Арройо и сидел на корточках, делая то, что обычно делают пустынные скваттеры. Я чувствовал себя в миллионе миль отовсюду, не ближе к цивилизации, чем звезды, которые холодно мерцали надо мной. Совсем один в темноте, слушая жалобные причитания слабого мужчины, который старался быть слишком милым.

– Как ты ладишь с Блэкстоуном? – спросил я.

– Ты не ладишь с таким парнем, как Блэкстоун, – сказал Виктор. – Он тебя либо терпит, либо нет. Меня он терпит, потому что я принадлежу его маленькой Маффи.

Я услышала горечь, которая окрасила его слова, как вкус недозрелого апельсина.

– Вот как, с моей точки зрения, обстоят дела, – сказал я. – Липпи ищет тебя, потому что ты ему должен. Копы ищут тебя, потому что ты мог убить Лолу Фэйтфул. Блэкстоун терпит тебя, но если он узнает об Анджеле, то может немного проветрить твой череп.

– Да, – сказал Виктор. Его руки были сложены перед грудью, и он смотрел на свои большие пальцы. – Я не боюсь за себя, Марлоу. Но нам надо защитить Анджелу.

– Я так скажу, – сказал я. – Зная тебя, могу заявить, что твоя жизнь – это долгая непрерывная череда самопожертвований и заботы о других.

– Клянусь Богом, Марлоу. Я люблю эту девушку. Может быть, единственное, что я когда-либо любил. Парни, наверное, рассмеялись бы, услышав, что я говорю что-то вроде этого, но я бы сдался сегодня, если бы это помогло ей. Но я не могу, потому что если Блэкстоун узнает обо мне и Анджеле, то он убьет и её.

– Ну, если ты сможешь обуздать свою страсть к самопожертвованию, – сказал я, – держать рот на замке, и спрятаться у своей жены в Пудл-Спрингс, пока я не разберусь во всем этом...

Я замолчал. Сам я не закончил фразу. Он тоже. Мы молчали, пока я не высадил его перед домом Мюриэл. Он снял свой парик, положил его в перчаточный ящик и устало зашагал по дорожке. Когда он подошел к двери, я увидел, что его плечи распрямились. Я тронул «олдс» с места и поехал к нашему с Линдой дому.

19

– Клэйтон Блэкстоун – очень достойный человек, – сказала Линда. – Я не верю всему тому, что рассказал тебе муж Маффи.

Мы завтракали у бассейна уже довольно жарким пустынным утром. В воздухе витали ароматы бугенвиллей и пение птиц, которые собирались утром, пока ещё не стало слишком жарко.

– Это юридический вопрос, является ли он её мужем, – сказал я. – Думаю, что первый брак исключает последующие.

Я отхлебнул кофе, обжаренные зёрна гавайских сортов, которые Тино привёз с собой. – С другой стороны, я не в курсе положений закона о многожёнстве.

– Клэйтон Блэкстоун – папин друг, – сказала Линда. Она была одета во что-то бледно-голубое и шёлковое, что закрывало её исключительно так, чтобы не нарушать закон, но не более.

– Не знаю, откуда у папы деньги, – сказал я, – но если у тебя их достаточно, то часть должна быть грязной.

– Ты считаешь моего отца нечестным?

– Все не так просто, – сказал я.

– Ну, а ты как думаешь?

– Я думаю, что он, в своё время, позволил себе немного нечестности.

– Ооооо... – сказала Линда.

Подошел Тино и забрал пустые стаканы из-под сока.

– Очевидно, Лес, или Ларри, или как он там себя называет, – заядлый игрок. Очевидно, что он охотник за приданным. Очевидно, что он нечестен. Почему ты его защищаешь? Почему бы просто не сдать его полиции? – спросила Линда. – Сообщи мистеру Липшульцу, где он находится, и проведи со мной несколько вечеров, попивая «буравчик», держась за руки, и, мгм... да всё, что угодно.

– Он тоже этого не понимает, – сказал я.

– Лес? Думаю, что он бы и не смог, червяк, что за человек может вляпаться в такую историю?

– Глаза Линды горели от отвращения.

– У него зависимость, – ответил я.

– Наркотики?

– Рисковать. Он, вероятно, заядлый игрок, и ему приходится всё превращать в азартную игру.

– С какой стати мужчине это делать? Почему так можно зависеть от азартных игр?

– Это не азартная игра, – сказал я. – Риск, опасность проиграть – вот что заставляет сердце биться.

– Он любит проигрывать? – спросила Линда. Сердитый блеск исчез из её глаз, и она слегка нахмурилась, так что между ее идеальными бровями появилась горизонтальная красивая маленькая линия. Она наклонилась ко мне на шезлонге, придерживая свой маленький голубой лоскуток у горла, чтобы сохранить видимость приличия и, дополнительно, не дать мне потерять над собой контроль.

– Нет, но ему нравится ощущение того, что он может проиграть, – сказал я. – Это его возбуждает.

– Значит, именно поэтому он играет в азартные игры, завёл двух жён, снимает порнографию и, возможно, кого-то убил?

– Всё вышло из-под контроля, – сказал я. – Опасность стала очень велика. Теперь он не получает от этого никакого удовольствия. Теперь он напуган. И я не думаю, что это он убил женщину у себя в офисе.

Линда откинулась на спинку шезлонга и слегка прикусила нижнюю губу, искоса глядя на меня.

– Ты задумалась, – сказал я.

– Ммм.

– Ты прекрасна, когда думаешь, – сказал я.

– Ты очень хорошо понимаешь этого человека, – сказала Линда.

– Я детектив, леди. И встречал много людей, попавших в беду.

– Может быть, ты немного похож на него. Может быть, тебе нравится твоя работа, потому что она опасна.

– Как Ларри Виктор? То есть получаю ли я острые ощущения от опасности?

– Должна же быть какая-то причина, – сказала Линда, – почему тебе не остаться дома и помочь мне потратить десять миллионов долларов.

– Может быть, мне на шею прикрепят небольшое золотое колечко, – сказал я, – и ты сможешь носить меня на браслете.

– Ты действительно невозможен, не так ли? – спросила Линда. – К счастью, я нахожу тебя восхитительным.

– Я знаю, – сказал я.

20

В Голливуде дул ветер Санта-Ана, и он сдул с Каталины весь смог. Небо было голубым, как василёк, температура понизилась до семидесяти²³²³ градусов, когда я припарковался на Сансет и отправился на Вестерн в бар «Рено». Было уже за полдень, и большинство проституток ушли обедать. На северо-востоке, за долиной Пасадены, виднелись снежные вершины гор Сан-Габриэль.

Я зашел в «Рино», пахло там так, словно гриль давно не чистили. Я подошел к бару и устроился за стойкой. На другом её конце сидели два парня в клетчатых костюмах, склонившись над блокнотом, а в кабинке, где я сидел на днях, седовласый парень в черной рубашке западного фасона угощал выпивкой суровую старую женщину с едва заметными светлыми волосами.

На ней были ярко-синие очки-арлекины, украшенные стразами. Зубы у старика были настолько ровными и безупречными, какие бывают только у витринных образцов.

Больше в баре никого не было. Бармен скользнул вдоль стойки, так будто у него было больше свободного времени, чем у кого бы то ни было. Это был высокий тощий парень с лысой головой. Пряди черных волос были аккуратно к ней приклеены, чтобы всё могло выглядеть ещё хуже. У него были желтые зубы и цвет лица, как у человека, который выбирается наружу только ночью.

– Что будешь, приятель? – спросил он.

– Ржаной, – ответил я. – Чистый.

Он вытащил бутылку из витрины позади себя и налил мне порцию «Олд Оверхолт», пробил чек и положил его на стойку передо мной.

– Лола Фэйтфул часто сюда заходит? – спросил я.

Бармен пожал плечами и двинулся дальше вдоль стойки. Я достал из кармана двадцатидолларовую купюру, сложил ее пополам и поставил перед собой на стойку бара, как маленькую зеленую палатку. Бармен двинулся обратно к ней.

– Я думал, ты захочешь открыть кредит, – сказал он.

– Обязательно, – ответил я.

Он посмотрел на двадцатку и облизнул губы языком цвета сырой устрицы.

– Лола Фэйтфул часто сюда заходит? – повторил я вопрос.

– О, Лола, конечно, я сразу тебя не понял. Чёрт, Лола заходит сюда постоянно. Господи, конечно. Она заходит сюда.

Он оскалил свои большие желтые, как у старой лошади, зубы. Он не отводил взгляд от двадцатки. Я приподнял её и, держа на кончиках пальцев, стал её разглядывать.

– Что можешь рассказать о ней?

– Она заказывает «манхэттен», – ответил он.

– Что-нибудь ещё?

– По-моему, она когда-то была танцовщицей.

– Что ещё?

²³ Около двадцати градусов по Цельсию.

– Да ничего, – сказал он. – Это всё, что я знаю.

Я молча кивнул.

– Знаешь парня по имени Ларри Виктор? – спросил я.

– Не-а, – ответил бармен. Его глаза следили за движением двадцатки. – Я знаю только нескольких завсегдатаев. Большинство здесь не такие. – Он на мгновение перестал смотреть на двадцатку и обвёл взглядом комнату.

– Чёрт побери, – сказал он, – а ты бы стал здесь завсегдатаем?

– Лес Валентайн? – спросил я. Он покачал головой.

Я выпустил двадцатку из пальцев и подвинул её к нему через стойку. Он взял её длинными пальцами, ловко сложил и засунул в кармашек для часов своих коричневых поплиновых штанов. Затем он взял бутылку ржаного виски и наполнил мой стакан.

– За счёт заведения, – сказал он.

Я кивнул, и он вернулся на место и начал протирать стаканы полотенцем, которое лучше подошло бы совсем для других целей.

Я продолжал чего-то ждать.

Двое парней в клетчатых костюмах сложили свои записные книжки и отправились сколачивать состояние. Старик в кабине слишком хорошо справлялся со своей подружкой. Она уже напилась и лапала его. В бар вошел мексиканский парнишка лет десяти.

– Почистить, мистер? – спросил он.

– Нет, спасибо, – сказал я.

– Привет, Чико, – сказал бармен. – Сколько раз тебе повторять, вон!

Он начал обходить стойку.

– Картинки? – спросил меня малыш.

Я отрицательно покачал головой.

– Может быть, марихуана? Кокаин?

Бармен выбрался из-за стойки и замахнулся на парня полотенцем.

– Давай, малыш, прогуляйся.

Я достал из кармана доллар и протянул его пацану.

– Вот, – сказал я. – Спасибо, что спросил.

Пацан взял купюру и бросился к двери.

– Если ты будешь продолжать приходить сюда, малыш, то, чёрт возьми, попадешь в колонию для несовершеннолетних.

Бармен вернулся за стойку, качая головой.

– Мексикашки, – пробормотал он.

Я отхлебнул ржаного виски. Бармен порезал несколько лаймов и лимонов и положил их в большую банку.

Пожилая пара в кабине выпила еще по стаканчику. Теперь её голова лежала у него на плече, глаза были полузакрыты, рот приоткрыт. Над мокрым пятном, где стоял мой стакан, медленно кружила муха. Она лениво опустилась рядом, её полупрозрачные крылья стали нечёткими, затем она приземлилась, попробовала немного и потёрла передние лапы в знак признательности. Я сделал ещё глоток.

В бар вошла рыжеволосая женщина, огляделась, увидела меня, подошла к стойке и села через два стула от меня. Это была та самая женщина, которая играла на музыкальном автомате во время спора Лолы с Виктором.

– Белого вина, Вилли, – сказала она.

Бармен достал из холодильника под стойкой большой кувшин вина, налил немного в стакан и поставил перед ней на салфетку. Затем поставил кувшин в раковину, полную льда, поскольку так ему было удобнее, пробил чек на кассе и положил его рядом с ней на стойку. Она взяла бокал с вином, посмотрела на него, а потом осторожно выпила, наверное, с половину бокала. Поставила стакан на стойку, не отпуская его ножки, и посмотрела на бармена.

– Ах, Вилли, – сказала она. – тебе ведь можно доверять, правда?

– Конечно, Вэл.

Она улыбнулась, достала длинную тонкую коричневую сигарету, заглянула в сумочку, затем повернулась ко мне с сигаретой во рту, зажатой двумя пальцами.

– Огонька не найдётся? – сказала она.

Я достал из кармана кухонную спичку и с первой же попытки зажёл её ногтем большого пальца. Я крепко держал спичку, пока она наклонялась вперед, пытаясь попасть в пламя кончиком сигареты. Она глубоко вдохнула, медленно выпустила дым и выпрямилась.

Её волосы были рыжими, ярче, чем когда-либо создавал Господь, и, возможно, это была версия их первоначального оттенка. У неё было мягкое лицо, на котором морщинки в уголках рта с годами превратились в глубокие складки. На ней была вся косметика, какая только могла быть, а, может быть, и еще кое-что, о чём никто не догадывался. У нее были накладные ресницы и зеленые тени для век, рот был шире из-за губ с нанесёнными толстыми мазками помады. На шее, там, где макияж не доходил до воротника блузки, виднелась тонкая складка, а мягкая плоть под подбородком сливалась с линией подбородка. На ней была белая блузка с оборчатым воротником и черная юбка выше колен. Ногти у нее были очень длинные и острые, покрашенные в такой же резкий красный цвет, как и у помады. Два больших золотых обруча свисали с ее ушей. Даже в полутьме бара я мог разглядеть тонкие вертикальные линии на ее верхней губе и перекрестие тонких морщинок вокруг глаз.

– Вино, сигареты и хороший мужчина, – сказала она. – Всё, что можно потребовать от жизни.

Она допила остатки вина и кивком головы велела бармену налить еще.

– С первыми двумя абсолютно согласен, – сказал я.

– Тебе не нужен хороший мужчина? – Она рассмеялась хриплым, хриплым, мужественным смехом, который закончился хрипом.

– А, наверное, не мужчина, – прохрипела она, подавляя смех. Она слегка кашлянула и отпила немного вина. Я ободряюще улыбнулся.

– Хотела бы я сказать то же самое, – сказала она. – Легко достать вино и сигареты. Чертовски трудно найти хорошего мужчину.

Она снова закашлялась, отпила немного вина, взяла маленькую бумажную салфетку, которую принесли с вином, и промокнула ею губы.

– И видит Бог, я перепробовал их немало.

Ее вино кончилось. Она взглянула на бармена, но тот смотрел на пожилую пару в кабинке.

– Вилли, – сказал я, – леди нужно налить еще. Запиши это на мой счет.

Вилли молча налил вино из кувшина. Записал на мой счет.

– Спасибо, – сказала она. – Ты кажешься мне слишком милым парнем, чтобы торчать здесь.

– Я собирался сказать то же самое о тебе, – ответил я.

– Конечно, – сказала она. – Значит, ты собирался снимать меня в кино, не так ли?

– Если бы я работал в кино несколько лет назад, – сказал я. Я увидел свое отражение в зеркале. У него был невинный маслянистый вид койота, собирающегося украсть цыпленка.

– Ты выглядишь так, как парень, который может сделать всё, что захочет.

– Я был тут на днях и видел тебя, – сказал я. – тут ругались. Мужчина и женщина кричали друг на друга, а ты играла на музыкальном автомате.

Вэл отпила немного вина. Её сигарета дотлела в пепельнице, превратившись в окурок, курить который уже невозможно. Она достала из сумочки ещё одну, и а я приготовил ещё одну спичку. Марлоу-придворный. Из меня вышел бы отличный прислужник.

– Да, – сказала она, – Лола и Ларри. Они расставались? Ты же знаешь, что думаю насчёт мужчин.

– О чем они спорили? – спросил я. Она выпила немного вина. Она пила его так, словно в Энсино видели Четырех Всадников Апокалипсиса.

Вэл театрально пожала плечами. Всё в ней было наиграно, как в женщине, исполняющей какую-то роль.

– Как тебя зовут, милый?

– Марлоу, – сказал я.

– Ты когда-нибудь был влюблен, Марлоу?

– Прямо сейчас, – ответил я.

– Ну, подожди, пока всё не испортится, – сказала она. Я кивнул Вилли, и он наполнил ее бокал вином.

– Когда всё это портится, это как гнилые розы. Начинает вонять.

– Лола и Ларри? – спросил я.

– Да, какое-то время, некоторое время тому назад. – Она покачала головой медленным, показным движением. – Но он бросил её.

– А из-за чего они ссорились? – спросил я.

– У неё на него было кое-что, – сказала Вэл. – Я думаю, она собиралась поquitаться.

Она выпила.

– Отвергнутая женщина, – тяжело произнесла она. – Мы были созданы для любви. Мы можем стать довольно опасными, когда она проходит.

Она снова выпила. Немного вина потекло из уголка ее рта. Она снова промокнула его бумажной салфеткой.

– У неё на него что-то было, – сказал я.

– Конечно, – ответила Вэл. – И она собиралась заставить его заплатить.

– А что у неё было? – спросил я.

– Чёрт возьми, Марлоу, я не знаю. Всегда что-нибудь есть. Вероятно, если поискать, всегда что-то найдётся. – Она снова засмеялась своим хриплым смехом, показывая на меня бокалом вина.

– Прозит, – сказала она и снова засмеялась. Ободок её бокала был испачкан ее губной помадой.

– Ларри ты тоже знаешь, – сказал я.

Она кивнула и порылась в сумочке, вынимая оттуда вещи. Пудреница, губная помада, смятая салфетка, жевательная резинка, чётки, пилочка для ногтей.

– У тебя есть четвертаки, Марлоу?

Я сунул Вилли пятёрку.

– Четвертаки, – сказал я.

Он отсчитал и выложил четвертаки пятью аккуратными стопками по четыре передо мной на стойку.

– А ты джентльмен, – сказала Вэл, сгребла всю кучу и отправилась к музыкальному автомату. Через минуту она вернулась и устроилась на стуле, когда раздался первый вопль песни в стиле «кантри» о женщине, которая любила мужчину, а он сделал ей плохо. Музыкальное сопровождение.

– О чём ты меня спрашивал? – спросила Вэл.

– Ты хорошо знала Ларри? – осторожно спросил я. С пьяницами следует обращаться очень осторожно. Это как с переполненным стаканом; наклони в любую сторону, всё разольётся и ничего не останется. Я знал, что такое пьяницы. Я провел полжизни, разговаривая с пьяницами в таких барах, как этот. Кого ты видел, что слышал? Выпей еще. Конечно, за мой счет, Марлоу – большой транжира, лучший друг пьяниц, пей, алкоголик. Ты так одинок, а я твой приятель.

– Конечно, я знаю Ларри. Все знают Ларри. Человек с фотоаппаратом. Человек с фотографиями.

Она допила вино. Вилли налил ещё. Он был не из тех, что упустит свой шанс, старина Вилли. Ей нужна была ещё сигарета. Я достал из её пачки на стойке, прикурил и протянул ей. Возможно, из меня не вышел бы хороший слуга. Может быть, из меня вышел бы хороший жиголо. Может быть, но мне не хотелось об этом думать. Возможно, это было слишком близко к правде.

– Знаешь, я ведь позировала Ларри.

– В это поверить легко поверить, – сказал я.

Вэл кивнула и уставилась на меня. – Ещё недавно я всё еще хорошо выглядела раздетой.

– И в это легко поверить, – сказал я.

– Да, так и было.

– А Ларри обычно фотографирует раздетых женщин?

– Конечно, – ответила Вэл. – Ларри видел больше обнаженных женщин, чем мой гинеколог.

Она была чертовски довольна, что сказала это, засмеялась и хрипела, пока не закашлялась, и мне пришлось стукнуть её по спине, чтобы заставить перестать.

– Мудрый старый доктор Ларри, – выдохнула она. – Раньше я торговал этой дрянью на бульваре, когда её было трудно достать. Теперь, я думаю, он торгует оптом. Точно не знаю. Кому теперь нужны грязные картинки? Ну, ты понимаешь?

– Теперь они есть чуть ли не в каждом газетном киоске, – сказал я. – Он занимался какой-нибудь легальной фотографией? Ну там, может мода?

Вэл подавила отрыжку и машинально поднесла кончики пальцев к губам.

– Извини, – весело сказала она. Музыкальный автомат застонал еще одну грустную деревенскую балладу. Пожилая пара в кабинке встала и, спотыкаясь, вышла, обняв друг друга за талию, её левая рука была в его заднем кармане, голова на его плече. Вэл всё еще улыбалась мне.

– Он когда-нибудь занимался модой? – спросил я.

– Кто?

– Ларри.

– Аааа, мода. – Она замолчала. Я ждал ответа. Для пьяниц время течёт по-другому.

– Нееет, – сказала Вэл наконец. – Он ничем подобным не занимался. Он говорил, что занимался, но я никогда не видела и не знала кого-нибудь, кого он фотографировал.

«Фотографировал» далось ей с трудом.

– А где жила Лола? – спросил я.

– Лола?

– Да.

– А что с ней?

– Где она жила?

– Кенмор, – сказала Вэл. – Кенмор, 222, чуть ниже Франклин.

– У неё были в последнее время неприятности?

– Нет, Лола, с ней всё было в порядке. Каждый месяц приходили чеки с алиментами. А мне, чтобы получить своё, надо идти в суд. Я в суде провожу времени больше, чем судья, чёрт возьми.

– И никто на неё не злился? Или что-нибудь в этом роде?

Вэл усмехнулась. Ее помада расплылась от частых прикосновений к ободку бокала.

– Иисус, Ларри, – ответила Лола.

– Это из-за того, из-за чего они поссорились?

– Угу.

Вэл выпила ещё вина. Часть стекла по подбородку. Она не обратила на это внимания. Теперь она тихо подпевала печальной музыке.

– Хочешь потанцевать? – спросил она. – Раньше я танцевала, как лебедь.

– Они хорошо танцуют, – сказал я.

– Если не хочешь, – сказала она, – то ты не обязан.

Она слегка покачивалась в такт музыке.

– Ну пока медленная музыка, – сказал я.

Я встал и протянул к ней руки. Она соскользнула с табурета, немного покачнувшись, сосредоточилась и вплотную приблизилась ко мне. Её духов было достаточно, чтобы остановить нападающего носорога, и это явно не было содержимым одного маленького хрустального флакончика. Она вложила свою левую руку в мою правую, а свою правую легонько положила мне на левое плечо, и мы двинулись по пустому бару под унылую музыку «кантри».

– Здесь не танцуют, – сказал Вилли из-за стойки. Но он произнёс это так неубедительно, что никто из нас не обратил на него никакого внимания. В баре было темно, и большая часть света отражалась от зеркала бара и яркого ряда бутылок перед ним. Мы танцевали между столиками и вдоль кабинок, приближаясь к фасаду, где сквозь грязные окна пробивался слабый солнечный свет. Вдобавок к запаху старой стряпни в воздухе стоял свежий, обманчивый запах спиртного. Вэл положила голову мне на плечо, пока мы медленно кружились по комнате, и запела песню, под которую мы танцевали. Она знала текст песни. Наверное, она знала тексты всех печальных песен, точно так же, как знала, сколько

четырёхунциевых бокалов белого вина можно наполнить из полугаллонового кувшина. Музыка смолкла. Четвертаки, которые она положила, были израсходованы, но мы все равно танцевали, и её голова лежала у меня на плече. Она пропела ещё немного, а потом затихла, и единственными звуками были только шарканье наших ног в пустом баре. Вэл тихо заплакала, не убирая головы с моего плеча. Я ничего не сказал. Снаружи, на Сансет, кто-то переключал мощность в машине с двойным выхлопом, и только рычащие изменения высоты тона пронизывали наше молчание. Я осторожно протанцевал с Вэл мимо стола и четырёх стульев, и в этот момент она внезапно обмякла на мне.

Я расставил ноги, согнул колени, обхватил её обеими руками и потащил к кабинке. Она обвисла, как переваренная лапша, её ноги были широко расставлены и волочились. Я наклонился, затащил её в кабинку и устроил с тем же достоинством, с которым она отрубилась. Вилли молча наблюдал за происходящим за-за стойки бара.

– Не надо мне помогать, – сказал я. – Она весит не больше двухдверного «бьюика». Я справлюсь.

– Пьяные, они такие тяжёлые, – сказал Вилли.

Я достал ещё двадцатку; в бумажнике их становилось всё меньше. Подошёл к бару и отдал её Вилли.

– Когда она придёт в себя, – сказал я, – посади её в такси.

– Когда она придёт в себя, – ответил Вилли, – ей захочется выпить ещё галлон белого вина, пока она снова не отрубится.

– Ладно, – сказал я. – Тогда позволь ей сделать это, когда она придет в себя.

– Ты тратишь ужасно много денег на старую шлюху-алкашку, – сказал Вилли.

– У меня богатая жена, – ответил я.

Я расплатился по счету последней двадцаткой и вышел на жаркое, жёсткое и недоброе солнце.

21

Дом 222 был слева, когда вы подъезжаете к Кенмор со стороны Франклин. Он стоял на небольшой лужайке, его входная дверь едва виднелась из-под нависшей над крыльцом крыши. Это было одно из тех уютных прохладных бунгало с большими верандами, которые обычно строили примерно в то время, когда Лос-Анджелес был просто расползшимся удобным местом с большим количеством солнечного света и совсем без смога. По вечерам на таких крылечках, люди пили чай со льдом и смотрели, как соседи поливают свои лужайки длинными струями из шлангов. Засыпали обычно с открытой входной дверью, а сетка запиралась на простой крючок. Здесь часто слушали радио, а иногда по воскресеньям отправлялись на пикник на одном из междугородных поездов. Я припарковался за углом на Франклин-стрит и вернулся обратно пешком.

Лужайка перед домом превратилась в ад. Трава была так высока, что уже осыпалась семенами. Дом нуждался в покраске, а дверная обшивка в нескольких местах оторвалась от входной двери и свернулась как воротничок на старой рубашке. Входная дверь была заперта, но рама рассохлась так, что войти мне не составило большого труда. Я уперся плечом в косяк, ладонью в дверь, нажал на них в разные стороны и оказался внутри.

Здесь пахло так, как пахнет в местах, которые были заперты и оставлены пустыми в течение некоторого времени. Справа, за аркой, находилась гостиная. Там стояла кушетка с пружинным матрасом, с вязанным покрывалом на ней, сложенным так, как будто кто-то из-под неё только что вылез. Напротив стоял большой старый телевизор на ножках. Сверху стояла квадратная аптекарская банка, полная маленьких разноцветных леденцов, завернутых в целлофан. Тонкий синий ковер навахо на полу был местами протёрт, а

кофейный столик из гнутого бамбука придвинут к изголовью дивана. Там было несколько журналов о кино, журнал о настоящей любви и пепельница, полная окурков от сигарет с фильтром. Послеполуденный свет, просачиваясь сквозь пыльные муслиновые занавески, подсвечивал в воздухе пылинки.

Всё это могли бы обнаружить копы. Они могли бы уже всё осмотреть как это они обычно делают, и всё, что могло бы хоть какое-то значение уже было сложено на складе в коробках с бирками. Тем не менее, они не знали всего, что знал я, и я надеялся, что смогу найти что-нибудь, что сможет мне помочь. В гостиной этого не было. Я перешёл на кухню. Уже стемнело. Я включил свет. Если бы полицейские следили за домом, они бы заметили, как я вошел, и уже были бы здесь. Соседи же просто подумают, что я просто ещё один полицейский.

В холодильнике на блюде лежали полбуханки хлеба и развернутая пачка масла. В морозилке обнаружилась бутылка водки. На кухонном столе на стеклянном блюде желтели три или четыре кусочка лайма, а в буфете стояла банка растворимого кофе. На краю раковины лежал сморщенный кусок мыла для рук. Вот и все. Ни муки, ни соли, ни мяса, ни картошки. Только хлеб с маслом, водка и растворимый кофе. Лаймы, вероятно, были на случай цинги. Я заглянул за холодильник, под раковину и в пустые шкафы. Вынул из раковины ситечко и, насколько мог, заглянул в сливное отверстие. Проверил духовку, осмотрел линолеум по краям, чтобы проверить, не было ли чего-нибудь под ним. Раздвинул оконные шторы, придвинул стул, забрался наверх и заглянул внутрь стеклянного шара, освещенного кухонной лампой.

Именно тут позади меня раздался голос: «Так и замри, мореход.»

В наплечной кобуре у меня был пистолет, но с таким же успехом он мог лежать в багажнике моей машины, и это заставило меня застыть на стуле с поднятыми руками. Так я и стоял.

– А теперь положи руки на голову и слезь оттуда, – сказал голос. Это был мягкий голос без акцента, но что-то иностранное в нём всё-таки было.

Мне удалось удержать руки на голове и слезть со стула, не вывихнув коленную чашечку.

– Повернись, – сказал голос. В этой мягкости не было ничего нежного, это была мягкость змеиного шипения. Я обернулся.

Их было двое. Один из них был парень с калифорнийского пляжа, загорелый, мускулистый, с мозгами, достаточными лишь для того, чтобы понять правила игры в «блэкджек»²⁴. На нём были белые брюки и пёстрая рубашка, а в руке он держал автоматический «кольт» сорок пятого калибра, из тех, что раньше состояли на вооружении в армии. Он держал его небрежно, зажатый в наполовину повёрнутой ладони, казалось специально ни на что не нацеленным, но вообще-то направленным на меня. Другой парень был ниже ростом и стройнее. Он был одет в чёрный костюм, чёрную рубашку и узкий чёрный галстук, и его движения были очень грациозны. Даже просто стоя на месте, он был напоминал танцора. У него были густые черные усы и длинные черные волосы, зачесанные назад. В его тёмных глазах не отражалось никаких эмоций. Голос принадлежал ему.

– Итак, мореход, почему бы тебе не рассказать, кто ты такой и почему ты стоишь на этой кухне на стуле? И всё остальное.

– А кто спрашивает? – спросил я.

Он улыбнулся без всякого чувства и показал на «кольт» пляжного мальчика.

– А, – сказал я, – он. Я с ним уже встречался раньше. Он не произвёл на меня впечатления.

²⁴ «Очко» – один из вариантов данной карточной игры

– Круто, – сказал он. Он посмотрел на пляжного мальчика. – Все такие крутые, – сказал он. Он был бы более впечатлён, если бы я пошевелил ушами.

– Ты хочешь, чтобы я ему что-нибудь отстрелил, Эдди? Чтобы он понял, о чём это мы?

Эдди покачал головой.

– Меня зовут Гарсия, – сказал он, – Эдди Гарсия. – Он кивнул на пляжного мальчика. – Это Джей Ди. Он красавчик, не правда ли?

– Отлично, – сказал я. – Если он нажмет на курок этой штуки, сможет ли он попасть туда, куда целится?

– С такого расстояния? – Эдди улыбнулся. Эффект был как от луча света, скользнувшего по каменной поверхности. На камне это никак не отразилось.

– Мы представляем очень важную персону, которая интересуется этим домом и его обитателем, и мы хотим сообщить ему, что ты здесь делаешь и зачем. Не хочется терять времени на доставку твоего тела в багажнике нашей машины.

Я молча кивнул.

– И кто этот человек? – спросил я.

Гарсия покачал головой. Джей Ди взвёл курок «кольта». Я посмотрел на Гарсию. Джей Ди не имел значения. Пустые обсидиановые глаза Гарсии безучастно смотрели на меня. Я знал, что он это сделает.

– Меня зовут Марлоу, – сказал я. – Я частный детектив, работаю над одним делом. Как насчёт того, чтобы отвести меня к своему боссу чтобы я рассказал ему остальное. Может быть, наши интересы совпадут.

– Ты знаешь, кому принадлежит этот дом? – спросил Гарсия.

– Женщине по имени Лола, – сказал я. – Она мертва.

Гарсия кивнул. Он смотрел на меня. Лицо его ничего не выражало. Я предположил, что он думает.

– Хорошо, – сказал он. – У тебя пушка под левой рукой. Мне придется её забрать. И я хочу взглянуть на документы.

– Бумажник у меня в левом заднем кармане, – сказал я.

Гарсия вплыл в комнату, вынул пистолет из моей наплечной кобуры, вытащил из кармана бумажник и выплыл, и, казалось, всё это было одним плавным движением. Он опустил мой пистолет в боковой карман и открыл бумажник. С минуту смотрел на фотокопию моей лицензии, а затем закрыл бумажник и вернул его мне. Я убрал руки с головы, взял бумажник и сунул его в задний карман.

– Ладно, мореход, – сказал он. – Поедешь с нами.

Мы вышли гуськом: Гарсия, я и Джей Ди. Гарсия сел за руль «линкольна». Мы с Джей Ди забрались на заднее сиденье. Покатили на запад по Франклин-стрит с поднятыми окнами и включенным кондиционером. Никто не произнёс ни слова. В Лорел-Каньоне мы спустились к Сансет и продолжили путь по Сансет, где дома становились все больше, а лужайки всё пустее, через Западный Голливуд и Беверли-Хиллз к Бель-Эйр. Мы проехали мимо ворот Бель-Эйр и будки частного охранника, и свернули в Бель-Эйр, пока наконец Гарсия не остановил «линкольн» перед двусторчатыми десятифутовыми железными воротами с позолоченными остриями. Он опустил стекло, когда из будки рядом с воротами вышел парень в синем блейзере и серых брюках. Парень заглянул внутрь, увидел Гарсию и вернулся в будку. Я видел, как он поднял телефонную трубку, и через мгновение ворота медленно открылись, и Гарсия повёз нас дальше. Дома еще не было видно. Просто извилистая подъездная дорожка, вымощенная каким-то белым материалом, похожим на

раздавленные устричные раковины. Свет фар играл над лесом цветущих кустарников и низкорослых деревьев, которые я не смог определить в темноте. Мы спустились с небольшого холма, поднялись ещё выше и свернули за угол. Дом, который возвышался перед нами, не был достаточно большим, чтобы вместить всю Калифорнию. Более-менее комфортно не больше, чем всё население Лос-Анджелеса. Он был освещён снаружи прожекторами: белая каменная кладка с фронтонами и башнями и узкие тюдоровские окна с алмазными стеклами. Впереди был огромная въездная арка, и когда мы въехали под неё и остановились, появились еще два парня в блейзерах, чтобы открыть двери.

– Вы работаете на Уолта Диснея? – спросил я.

– Да, немного броско, – сказал Гарсия. Он вышел из машины. Потом я, Джей Ди вышел вслед за мной.

– Подожди здесь, Джей Ди, – сказал Гарсия.

– Сколько ты там пробудешь, Эдди? – спросил Джей Ди. – У меня есть дела, которыми я должен заняться вечером.

Гарсия помолчал, медленно повернул голову и посмотрел на Джей Ди. Джей Ди переминался с ноги на ногу. Потом он попытался улыбнуться.

– Не спеши, Эдди, – сказал он. – Всё, чем я собираюсь заняться вечером, может подождать.

Гарсия кивнул и направился к входной двери. Казалось, он не прилагал никаких усилий, а просто скользил. Я пошел за ним. Один из блейзеров открыл правую половину двойной входной двери. Она была десяти футов в высоту и усеяна кованными железными гвоздями.

Внутри был каменный пол во всю длину дома с французскими дверями вдалеке, которые вели к чему-то покрытому листвой. Слева от центрального коридора поднималась широкая изогнутая лестница, а справа и слева открывались двери. Потолок поднимался до тридцати-сорока футов, и с него свисала огромная железная люстра, в которой мерцали свечи. Настоящие свечи на гигантском железном колесе. Их было, наверное, штук сто. Они были единственным источником света в зале. На каменном полу во всю длину лежала восточный ковёр, а на стене висели гобелены со средневековыми рыцарями на пухлых лошадях с изящными ногами.

Входная дверь закрылась за нами. Появился дворецкий. Он открыл одну из дверей по правой стороне и придержал её открытой.

– Следуйте за мной, пожалуйста, – сказал он.

Мы прошли через библиотеку с книжными полками, поднимающимися на всю высоту 15-футового потолка, и гигантскими свечами, горящими в 8-футовых подсвечниках. Там был камин, в который я мог бы въехать на лошади. Справа от камина открылась еще одна дверь, и мы последовали за дворецким в какое-то помещение, которое, будь оно в три раза меньше, могло бы быть чьим-то кабинетом. Дальняя стена была полностью стеклянной и выходила на бассейн, а за ним – на залитый светом сад. Бассейн был построен так, чтобы походить на какой-то водоём в джунглях с лозами и растениями, практически ниспадающими в него, и усыпанным камнями водопадом в дальнем конце, плещущимся в лазурную воду. Вдоль другой стены располагались бар, телевизор, освещенный глобус, почти такой же большой, как и оригинал, зеленая кожаная мебель, включающая пухлый диван и разнообразие клубных кресел, разбросанных по зеленому мраморному полу, с восточными коврами, на которые можно было встать, если устанут ноги. На правой стене, за столом, достаточно большим, чтобы на него садились вертолеты, в настоящей красной бархатной курительной куртке с черными шелковыми лацканами сидел человек с острым лицом, очень коротко подстриженными льдисто-белыми волосами и всё тем фальшивым загаром, который в Южной Калифорнии считается необходимым иметь, чтобы доказать, что живут не там, где небо затянуто смогом. Однажды я видел его портрет на стене.

Остролицый курил белую глиняную трубку со чубуком около фута длиной, такие можно увидеть на старинных голландских картинах. Он посмотрел на меня так, как волк смотрит на баранью отбивную, сунул мундштук в рот и выпустил дым.

– Если встретишь в горах людей, играющих в кегли, – сказал я, – не пей ничего из того, что они предлагают.

Выражение лица остролицего не изменилось. А может у него не получилось.

Гарсия сообщил: «Парня зовут Марлоу, мистер Блэкстоун. Он думает, что он крутой, а ещё он думает, что он смешной.»

Голос Блэкстоуна звучал так, словно кто-то высыпал песок из воронки.

– Думаю, что ни то, ни другое, – сказал он. Для меня в этом сообщении ничего нового не было, и я пропустил его мимо ушей.

– Мы застали его в том доме на Кенмор, – сказал Гарсия. – Он его обыскивал.

Блэкстоун кивнул. Он все еще держал мундштук во рту, а кубок в правой руке.

– Зачем? – спросил он.

– Говорит, что он частный детектив. Калифорнийская лицензия, вооружен.

– Что ещё?

– Нам ничего не сказал. Сказал, что хочет поговорить с Вами. Я подумал, что Вы захотите поговорить с ним.

Блэкстоун коротко кивнул. Это был одобрительный кивок. Гарсия не выглядел так, будто его заботило, одобряет ли это Блэкстоун. С другой стороны, Блэкстоун не выглядел так, будто ему было не всё равно, волнует ли это Гарсию. Это были не те люди, которые вышивают сердечки у себя на рукавах. Блэкстоун перевёл взгляд на меня. Глаза у него были бледно-голубые, почти серые.

– Что ещё? – спросил он своим песочным шёпотом.

– Мне сказали, что там жила женщина по имени Лола, – ответил я. – Она появилась в деле, над которым я работаю.

– И что же?

– И я решил осмотреть её дом, посмотреть, может что попадётся.

Блэкстоун ждал. Я ждал. Эдди Гарсия ждал. Было ощущение, что Эдди может ждать вечно.

– И что же?

– А что Вас интересует? – спросил я.

Блэкстоун перевел взгляд с меня на Гарсию и обратно.

– Возможно, мне следует попросить Эдди научить тебя хорошим манерам, – сказал он.

– А может, стоит перестать пугать меня до смерти и поделиться со мной кое-какой информацией? Может быть, мы не противники.

– Противники. – Блэкстоун издал звук, который, вероятно, принял за смех. – Интеллектуальная ищейка.

– Моя жена иногда читает мне вслух, – сказал я.

Блэкстоун снова издал свой звук. – С женой, которая умеет читать, – сказал он. – Ты знаешь, что Лола Фэйтфул мертва?

– Да, выстрел в голову из малокалиберного пистолета с близкого расстояния, в офисе фотографа на Западной Авеню.

– И какое это имеет отношение к тебе? – спросил Блэкстоун.

– Это я нашёл тело.

Блэкстоун слегка откинулся на спинку стула. Он выпятил нижнюю губу примерно на полмиллиметра.

– Ты, – сказал он.

– Да, и это заставило меня задуматься над тем, кто в неё стрелял.

– У тебя есть версия?

– Ничего такого, что могло бы стать версией, – сказал я.

Блэкстоун пристально посмотрел на меня, потом на Гарсию, потом снова на меня.

– Я тоже хотел бы узнать, кто её убил, – сказал он.

– У меня тоже появилось предчувствие, что Вам это может быть интересно, – сказал я. – Примерно тогда же, когда Ваши парни набросились на меня в доме Лолы. И я полагаю, что Вы не очень-то много знаете об этом деле, иначе зачем бы понадобилось держать там пару парней. И я думаю, что это чертовски важно для Вас, потому что один из этих парней – Ваш самый лучший.

– Что ещё ты полагаешь? – прошептал Блэкстоун.

– То, что я не могу разобраться, что имеет значение. Я не могу понять, интересует ли Вас, кто убил Лолу из-за Лолы, или из-за того, кто убийца.

Блэкстоун снова посмотрел на меня своим невыразительным взглядом. Он снова взглянул на Гарсию, что, вероятно, означало что он не мог решиться.

– Я не знаю Лолу Фэйтфул, – сказал он.

– Значит, Вы беспокоитесь из-за того, кто её убил, – сказал я.

– Копам нравится фотограф, – сказал он.

– Копам нравится очевидное, – сказал я. – И обычно они оказываются правы.

– А что ты? – спросил Блэкстоун.

– Это не он.

– Почему?

– Не похоже, что он их таких.

– И это всё? – спросил Блэкстоун.

– Да.

– Ты когда-нибудь был полицейским?

– Да, – сказал я. – Давно уже. Копы не могут решать, похож ли кто убийцу. Они видели слишком много убийц с топорами, похожих на мальчиков из церковного хора. У них нет времени думать, подходит ли кто-то для этой роли или нет. Они должны собрать всё и бросить в сито, отобрав то, что просеивается.

– Вы кажетесь романтиком, мистер Марлоу.

– А Вы нет, мистер Блэкстоун.

– Не часто, – ответил Блэкстоун.

– А Вы знаете, что я знаком с Вашей дочерью? – спросил я.

Блэкстоун ничего не ответил. Но дал ответ, не выказав удивление.

– Я этого не знал, – наконец ответил он.

– Она замужем за фотографом, – сказал я.

В комнате не было слышно ни звука, кроме почти неслышного вздоха, который Блэкстоун издал через нос. Это был всего лишь один вздох. Затем наступила тишина. Говорить ему об этом было рискованно. Он мог не знать о связи между Лесом и Ларри. Возможно, он и в самом деле Зубная Фея. Рано или поздно он узнает, что я знаю Мюриэл, и что я знаю и Леса, и Ларри, и если опасно говорить ему сейчас, то еще опаснее будет потом, когда он узнает, что я что-то скрываю от него. Я чувствовал, что Гарсия стоит у меня за спиной, держа пистолет в кармане. Блэкстоун отложил длинную дурацкую трубку, подпер подбородок обеими руками и молча посмотрел на меня.

– Мистер Марлоу, – сказал он, – может быть, нам с вами стоит выпить?

22

Я сидел в одном из зеленых кожаных кресел.

– Лес задолжал одному парню, – сказал я. Я уже выпил большой стакан виски с содовой, виски из изогнутого хрустального графина, а содовую из сифона. У Блэкстоуна было то же самое. У Гарсии ничего не было; он прислонился к стене возле бара, как будто время остановилось и начнется только тогда, когда он сообщит об этом. Он не слушал или не не слушал. Он просто существовал там, у бара, в состоянии полной расслабленности.

– И этот парень нанял меня, чтобы я нашел ему Леса.

– Кто этот парень? – спросил Блэкстоун.

Я отрицательно покачал головой.

– Клиент имеет право остаться анонимным, – сказал я.

– Где, черт возьми, ты находишься, Марлоу? – спросил Блэкстоун. – В суде?

– Парню в моем деле нечего продать: немного мускулов, немного мужества, немного конфиденциальности. – Я закинул ногу на ногу и поставил стакан на колено. – Если я собираюсь заниматься этим делом, то не могу вываливать все на каждого встречного агрессивного лунатика.

– Едва ли меня можно назвать лунатиком, Марлоу.

– Конечно, – сказал я, – Вы же гражданин высшего сорта. Столп общества, или того, что от него осталось. Бьюсь об заклад, что Ваш портрет можно найти во многих важных местах.

Блэкстоун кивнул.

– Вот почему, – сказал я, – Эдди Гарсия следует за Вами повсюду.

– Человек наживает себе врагов, Марлоу.

– А Эдди заботится о них, – сказал я.

– Когда понадобится, – ответил он.

– Конечно, – сказал я.

На другом конце комнаты Гарсия даже не пошевелился. Мы могли бы обсуждать цены членов муниципального совета в зависимости от всех тех различий, которые, как ему казалось, у них имелись.

– Как бы там ни было, – я отхлебнул немного виски; оно, казалось, само просочилось ко мне в рот и мягко растеклось. Бутылка этого пойла стояла, наверное, моего недельного заработка. – Всё казалось достаточно просто.

– Только это не так, – сказал Блэкстоун.

– Нет, – ответил я. – Я начал с его жены, вашей дочери. Она сказала, что он был на съемочной площадке, снимал для фильма. Пока я был в доме, я заметил фотографию модели, которую узнал, с именем Леса на ней.

– Вы проверили кинокомпанию, – сказал Блэкстоун. – Они никогда о нём не слышали. Вы проверили модель. Она никогда о нём не слышала.

– Эдди тоже не бил баклуши, – заметил я.

Блэкстоун лишь пригубил свой напиток.

– Поэтому я вернулся и обыскал его дом.

– Это дом моей дочери, – сказал Блэкстоун.

– Наверное, Ваш дом, – предположил я. – Держу пари, старина Лес на это не купился.

– Я отдал его ей, – сказал Блэкстоун.

Я молча кивнул.

– В ящике его стола я нашел парковочный талон. Я поработал с ним, нашёл адрес, нашёл фотографа по имени Ларри Виктор в здании по указанному адресу. Там я с ним и столкнулся. Он сказал, что знаком с Лесом, но тот уехал из города. Я последовал за ним в бар, наблюдая, как он ругался с Лолой Фэйтфул. Потом потерял Ларри, вернулся и обыскал его кабинет.

– Но зачем? – перебил меня Блэкстоун.

– Что – зачем? – ответил я. – У меня больше ничего не было. А он сказал, что знает Валентайна.

Блэкстоун кивнул.

– Я вошёл и увидел Лолу, и её мозги на полу.

– А этот парень – Ларри? – спросил Блэкстоун.

– Это Валентайн, – сказал я, – в парике и с контактными линзами.

– И где же он?

– Я не знаю, – ответил я.

– Что ж, – сказал Блэкстоун, – Вы многого добились, но этого недостаточно. Вы знаете, почему Валентайн маскируется под Виктора?

– Или наоборот, – сказал я. – Нет, не знаю.

Блэкстоун кивнул.

– Я хотел бы узнать ещё две вещи, – сказал я.

Я отпил еще немного виски и остановился, чтобы полюбоваться им.

– Во-первых, почему Вы искали Валентайна, а во-вторых, почему Гарсия следил за домом Лолы?

– Вы, кажется, были откровенны со мной, Марлоу, до определенного момента. Я ищу Валентайна, потому что он уехал, а моя дочь волнуется. Что касается Лолы Фэйтфул, то женщина с таким именем пыталась шантажировать мою дочь.

– По какому поводу?

Блэкстоун покачал головой.

– Моя дочь не сказала, а я не спрашивал. Я сказал дочери, что попрошу Эдди поговорить с ней. Эдди уехал по делам на день или около того, а когда вернулся, то зашел навестить Лолу и обнаружил, что её убили.

Блэкстоун попробовал виски. Похоже, его он уже не удивлял. Он уже просто привык к нему.

– Вам ясен мой интерес? – спросил он.

Я молча кивнул.

– А ваша дочь?

– Я просто сказал ей, что женщина умерла. Я ни о чем её не расспрашивал.

Мы молчали, вдыхая аромат виски и размышляя о намерениях друг друга.

– Как Вы относитесь к Лесу Валентайну, мистер Блэкстоун?

Блэкстоун держал стакан виски в ладонях, смотрел в него и медленно поворачивал, словно хотел полюбоваться им со всех сторон. Он медленно втянул носом воздух и еще медленнее выпустил его.

– Он лжец, бабник, мелкий воришка, авантюрист, дурак, неудачник, вероятно, азартный игрок, у которого хребет не крепче, чем у одуванчика. Но моя дочь любит его. И до тех пор, пока так и есть, он для меня – одно из лучших созданий природы. Я буду поддерживать его. Я буду просить за него у тех, кто имеет на него зуб. Пока он женат на моей дочери, он член семьи.

– Даже если он не тот, за кого пытается себя выдать? – спросил я.

– Я не очень хороший отец, мистер Марлоу. У меня есть только моя дочь. Ее мать давно умерла. Я полностью потакаю своей дочери, несомненно, из эгоистических соображений. Если она захочет выйти замуж за не того, то он станет, так сказать, моим не тем.

– Не тот дома, – сказал я. – Я сам его доставил.

– Значит, Вы не всё мне рассказали, – сказал Блэкстоун.

– А я этого и не утверждал.

– Вы интересный человек, Марлоу. Вы не сказали бы мне этого, пока не решили бы, как я поступлю.

Я промолчал.

– Я могу восхищаться этим, Марлоу. Но не делайте ошибки, смешивая восхищение с терпением. Я могу устранить Вас кивком головы. И если это будет соответствовать моим целям, я так и поступлю.

– Любой может устранить любого, мистер Блэкстоун. Как только Вы это поймете, всё встанет на свои места.

– Где Вы его нашли?

– Он был в своем кабинете, – солгал я. – Я сказал ему, что копы будут преследовать его с минуты на минуту, и он пошел сомной.

– Где же он был?

Я пожал плечами.

– Он не сказал.

Блэкстоун поднёс стакан к губам, обнаружил, что он пуст, и, не глядя, сделал знак Гарсии. Эдди был тут как тут с графином и сифоном. Он посмотрел на меня. Я отрицательно покачал головой. Эдди вернулся к бару.

– Будь осторожен, Марлоу. Я не игривый человек. Так что будь очень осторожен.

– Конечно, – сказал я. – Вы не возражаете, если время от времени я буду грызть репу?

– Отвези его домой, Эдди, – сказал Блэкстоун. – Когда приедете, отдай ему пистолет.

– У Лолы прекрасный дом, – сказал я. – а я не закончил обыск.

Блэкстоун чуть не улыбнулся.

– Отвези его туда, куда он хочет, Эдди.

На этот раз Джей Ди вел машину, а Эдди ехал сзади вместе со мной. Когда мы добрались до Кенмора, Эдди полез в боковой карман и достал мой пистолет. Джей Ди остановился перед

домом Лолы. Там было тихо. На улице было темно. Прямо на нас светила высокая бледная луна. Гарсия протянул мне пистолет.

– Ну и любишь же ты работать, Марлоу, – сказал он. – Возвращаю тебе.

Я сунул пистолет под мышку и вышел из машины.

Джей Ди включил передачу. Я отсалютовал им, когда они отъехали.

23

На моих наручных часах было 03:37, когда я вышел из дома Лолы Фэйтфул. Я ничего не нашел, но, с другой стороны, никто не пришел и не наставил на меня пистолет. Было уже слишком поздно возвращаться домой. Я ехал медленно. Голливуд был пуст, дома пусты и бессмысленны, цвета менялись в лунном сиянии. Только неоновые огни вдоль Сансет ещё не ложились. Они никогда не спят. Яркие, сердечные и фальшивые, полные голливудских обещаний. Дни приходят и уходят. А неон остаётся.

Я пытался понять, почему я здесь, один, ночью на Сансет размышляю о неоне. У меня был клиент, но он точно не нанимал меня защищать Валентайна и искать того, кто убил Лолу. Я уже давно не спал. Я уже давно ничего не ел, а ржаной виски на обед и скотч на ужин уже выветрились, оставив меня чувствовать себя так, как будто мне некуда идти в 3.30 утра на бульваре Сансет. У меня дома была красивая жена в удобной постели, которая спала, положив руку на лоб и приоткрыв рот лишь на долю секунды. Если я сейчас лягу с ней в постель, она повернется ко мне и обнимет одной рукой. Какая, к черту, разница, если кровать принадлежит ей? Какая, к черту, разница, если Лес Валентайн убил Лолу Фэйтфул? Почему бы не позволить копам разобраться с этим? На Вестерн-авеню я свернул в сторону Голливудского бульвара. У меня не было никакой цели. Я никуда не собирался. Какая, к черту, разница, куда я поеду? Я проехал мимо дома Ларри. В десяти ярдах от него я сбавил скорость, развернулся и поехал обратно. Что-то шевельнулось в дверях дома Ларри. Наверное, просто бродяга, который прячется от лунного света. Почему бы не взглянуть еще раз? Это уже ни на что не повлияет.

Я остановился перед зданием, достал из перчаточного ящика фонарик и посветил им в дверной проем. Прижавшись к стене, стараясь не попадать на свет, стояла Анджела, его другая жена. Я выключил фонарь и вышел из машины, а когда я это сделал, она выскочила из подъезда и побежала по Вестерн-стрит в сторону Голливуда. Что мне было нужно, так это пробежаться. Я глубоко вздохнул и отправился за ней. Я поймал ее после того, как она завернула за угол Голливуда и направилась на Вестерн. Может, я и не поймал бы её, но она сломала один из каблучков.

– Это я, – сказал я. – Марлоу, тот парень, что уехал с Ларри.

Она тяжело дышала, плакала от страха и не совсем понимала, кто я такой. Я держал ее за руки, пока она пыталась вырваться.

– Марлоу, – повторил я, – твой друг, твой защитник, твой наперсник. Я не причиню тебе вреда.

Она сопротивлялась всё меньше, а потом ещё меньше и наконец перестала, тяжело дыша, её плечи тряслись, по лицу текли слёзы. Я всё ещё держал её за запястья, но она уже не пыталась меня ударить или вырваться.

– Это я, – повторил я, – Марлоу, Лунный Рыцарь. Потрепанный Спаситель дам в дверях.

Я так устал, что сам был в полубессознательном состоянии.

– А где Ларри? – спросила она.

Я ничего не ответил. Вместо этого я смотрел на огни машины, которая внезапно появилась перед нами, свернув с Вестерн, и остановилась на обочине рядом с нами.

– Стой на месте, – приказал чей-то голос. Это был голос полицейского, немного скучающий, немного жёсткий. Они вышли из света фар по обе стороны от меня.

– Руки на машину, Джек, – сказал один из них.

Я положил руки на крышу машины. Один из них раздвинул мне ноги и похлопал по спине. Он вытащил пистолет у меня из-под мышки. Это заставило меня задуматься, зачем я его ношу, ведь его постоянно у меня отбирают. Затем полицейский отступил от меня.

– У тебя есть удостоверение личности? – спросил он.

Я снова выудил бумажник и протянул его полицейскому, который осмотрел его содержимое в свете фар. Они оба были в штатском, один толстый, с галстуком, затянутым на шее, но не по центру. Другой, тот, что говорил, был высокий, широкоплечий парень в очках. На нем были джинсы и футболка, а пистолет он носил спереди за поясом джинсов.

– Меня зовут Боб Кейн, – сказал он, возвращая мне бумажник. – Не скажешь мне, зачем ты преследовал эту женщину?

– Я хотел отвезти её домой, – сказал я.

Кейн счастливо улыбнулся.

– Слышишь, Горди? – сказал он своему толстому напарнику. – Парень просто хотел отвезти её домой.

Горди всё ещё держал пистолет наготове, но направил его в землю.

– Ни хрена себе, – сказал Горди. На нём была широкополая «панاما» с большой цветастой лентой.

– Она, кажется, не хотела ехать домой, – сказал Кейн. – Она выглядит так, словно бежала изо всех сил, чтобы убежать от тебя.

– Она меня не узнала, – сказал я.

– Вы знаете этого парня? – спросил Кейн. У него были большие круглые стекла очков, и глаза за ними были приятные и бессердечные, немного расширенные.

Анджела кивнула.

– Я его знаю, – сказала она.

– Зачем же Вы убегали? – спросил Кейн.

– Как он и сказал, я его не узнала.

– Откуда Вы его знаете? – спросил Кейн.

– Он ... друг моего мужа.

– Правда, – сказал Кейн. – Вот как, Марлоу?

– Да, я его знаю, – ответил я.

– Да? – Кейн отступил назад и прислонился к дверце полицейской машины без опознавательных знаков. Он сложил свои длинные руки и некоторое время рассматривал нас.

– Марлоу, – сказал он. – Это ведь ты нашёл тело в офисе её мужа?

– Да, – сказал я. Всё шло не очень хорошо, и у меня было чувство, что лучше уже не будет.

– А теперь ты слоняешься рядом с его домом, случайно натыкаешься на его жену, преследуешь её, а она убегает, потому что не узнала тебя.

– Именно так, – сказал я.

– Если бы я был умным полицейским, – сказал Кейн, – то не сидел бы здесь около четырех часов утра в засаде. Так что это, вероятно, слишком сложно для меня, но выглядит довольно забавным стечением обстоятельств, если ты меня понимаешь.

– Вы слишком скромны, – сказал я.

– Да, наверное, это моя ошибка, – сказал Кейн. – Ты ведь не собираешься далеко уезжать, Марлоу?

Я пожал плечами.

– Вы хотите, чтобы этот парень подвёз вас домой, миссис Виктор?

Анджела кивнула.

– Отлично, – сказал Кейн. – Можете ехать.

– Боб, – сказал Горди, – ты должен их задержать.

– За что? – спросил Кейн.

– Черт возьми, для допроса, удержи их до утра, пусть лейтенант поговорит с ними.

– Леди беспокоится о своем муже, – сказал Кейн. – Мы позволим ему доставить её домой.

– Чёрт побери, Боб, – сказал Горди.

– Горди, – сказал Кейн, – один из нас сержант, а другой нет. Ты случайно не помнишь кто именно?

– Ты, Боб.

Кейн кивнул.

– Хорошо, мистер Марлоу, почему бы Вам не отвезти миссис Виктор домой? Мы будем плестись следом, просто чтобы вы не заблудились.

Он вернул мне пистолет, я сунул его под мышку, чтобы он на месте, когда следующий парень захочет забрать его, мы с Анджелой сели в мою машину и уехали. В зеркале заднего вида я видел, как свет фар машины без опознавательных знаков падал позади нас.

24

– А где Ларри? – спросила Анджела. Она казалась маленькой на переднем сиденье рядом со мной. Часы на приборной доске показывали 04:07.

– Он в безопасности, – сказал я.

– Не могу дождаться, когда увижу его, – сказала она.

– Это невозможно, – сказал я. – Вы приведёте копов прямо к нему.

– Так где же он? – спросила она.

– Лучше Вам не знать, – сказал я.

– Я его жена, мистер Марлоу, – она повернулась ко мне.

– Именно поэтому копы следят за Вами, – сказал я.

– Следят?

– Вы думаете, они просто ехали мимо? – спросил я. – За Вами хвост.

Она повернулась на сиденье и уставилась на фары позади нас.

– Следят за мной?

Как будто и не было последнего получаса.

– Да, мэм, – ответил я.

– С ним всё в порядке? – спросила она. Она отвела взгляд от преследователей, поджала под себя ногу и оперлась рукой о спинку сиденья. Спрашивая, она слегка наклонилась ко мне.

– С ним все в порядке, Анджела. Он в безопасности. Он скучает по Вам.

Она кивнула. – А я скучаю по нему.

Наши машины были единственными на дороге, когда ехали в Венецию. Копы расположились в трех-четырех машинах позади нас.

– Кто Вы такой? – спросила Анджела.

– Марлоу, – сказал я. – Я частный детектив, веду одно дело.

– Вы друг Ларри?

– Я видела его всего один раз, в тот вечер, когда мы сбежали от копов.

– Тогда почему Вы ему помогаете?

– Не знаю, – ответил я.

– Это не ответ, – сказала она. Полицейские фары позади нас освещали большую часть салона моей машины. На свету ее глаза были широко раскрыты, темны и полны нежности.

– Вы правы, – сказал я. – Я не думаю, что он убил ту женщину, но мне кажется, что он из тех парней, у которых могут быть небольшие проблемы в прошлом. Не гангстер, и не повязанный с ними. Такого парня копы обязательно посадят. Его будут судить на вечернем заседании в Бэй-Сити, и он будет сидеть в Чино лет двадцать лет, даже не понимая, как он туда попал.

– Ларри не способен никого убить.

– Да, – ответил я. – Я считаю так же. Вы женаты?

Анджела кивнула. В этом кивке была и гордость, и удовлетворение, и что-то ещё, что-то защитное, так кивает молодая мать, когда спрашивают, её ли это ребенок.

– Почти четыре года, – ответила она.

– Вы когда-нибудь слышали о парне по имени Лес Валентайн? – спросил я.

– Нет.

– Женщина по имени Мюриэл Блэкстоун?

– Нет.

Мы ехали по Уилширу, а когда он уперся в Тихий океан, повернули налево и поехали вдоль пустынного берега. Лунный свет на волнах подчёркивал, каким пустым и бесконечным был океан, катящийся от Занзибара.

– У Ларри неприятности, не так ли?

– Его разыскивают за убийство, – сказал я.

– Но он этого не делал. У него какие-то другие неприятности, – сказала она. – Из тех, что привели Вас к нему.

В лунном свете здания выглядели величественно, как мавританские замки, облупившаяся краска и осыпавшаяся штукатурка казалось разгладилась и стали почти не видны.

– Так ведь, мистер Марлоу?

– Есть один игрок по имени Липшульц, – сказал я. – Ларри задолжал ему. Меня наняли, чтобы я его нашёл.

Она кивнула в знак своей правоты.

– У него и раньше бывали неприятности? – спросил я.

– Он художник, мистер Марлоу. У него богатое воображение. Многие люди говорят, что он гений с камерой.

– И что же? – спросил я.

– Он импульсивен, он не совсем следует по правилам. Он поступает, основываясь на чувствах. У него артистический темперамент.

– Значит, он делает ставку на интуицию, – сказал я.

– Да.

– И это не окупается.

– Иногда, нет. Но он должен быть свободен, чтобы следовать своей интуиции, разве Вы не видите? Ограничивать его – значит задушить.

– Он когда-нибудь ещё попадал в неприятности?

Она немного помолчала, глядя на серебристый океан, медленно катящийся к нам. На пляже внизу, выше линии прилива, спали какие-то бродяги, сжимая в руках свои пожитки.

– Мне кажется, у него были проблемы с женщинами.

– Например? – спросил я.

– Не знаю, он никогда не рассказывал. А я не спрашивала.

– Почему? – спросил я.

– Я люблю его, – ответила она. Как будто это всё объясняло.

– Так с чего Вы взяли, что у него были проблемы с женщинами?

– Ему как-то позвонила женщина, а когда он повесил трубку, то был очень зол.

– Угу.

– И... – она на мгновение опустила взгляд на свои колени, где сложила руки. Я ждал, прислушиваясь к шороху колес по асфальту.

– И что же? – спросил я.

– Я видела фотографию.

Я ждал продолжения.

– Это была фотография женщины. Она была раздета и позировала... – она пристальнее посмотрела на свои руки. Если бы свет был лучше, я бы увидел, как она покраснела.

– И это заставило Вас задуматься? – спросил я.

– Да. – Она сказала это так тихо, что я едва расслышал.

– И Вы не расспросили его об этом?

– Нет. Это было ещё из той жизни Ларри, до того, как он встретил меня. У него было на это право. Это не имело ко мне никакого отношения.

– Вы ему доверяете?

– В том смысле, который Вы имеете в виду, да. Он тоже меня любит.

– Да, чёрт возьми, ему бы следовало, – сказал я.

Мы остановились за домом, где она жила с Ларри... когда Ларри не жил со своей второй женой в Пудл-Спрингс. Она вылезла со своей стороны, а я со своей и обошёл машину. Полицейские остановились чуть позади нас.

– Я провожу вас до двери, – сказал я.

– Не надо, – ответила она. В её голосе звучала тревога.

– Просто чтобы убедиться, что Вы в безопасности, – сказал я. – Я тоже люблю свою жену.

Анджела внезапно улыбнулась, и это было как восход солнца после дождливой ночи.

– Это прекрасно, – сказала она. – Не так ли?

– Да, – сказал я.

Мы прошли по аллее к входной двери, она её отперла и вошла.

– Спасибо, – сказала она.

Затем она закрыла дверь. Я услышал, как задвинулся засов, повернулся и направился обратно к «олдсу». Когда я сел в машину и отъехал, полицейские мигнули фарами, а затем выключили их и устроились поудобнее, чтобы наблюдать.

25

Линде не нравилось, что я не ночевал дома. Мне и самому это очень не нравилось, но что поделать? Мы проговорили на эту тему большую часть позднего утра, я съел несколько яиц и отправился спать. Было чуть больше четырех, когда я снова встал, принял душ, побрился, и, пахнущий как цветок пустыни и серьёзный как два броненосца, отправился в клуб «Агония», чтобы отчитаться перед своим работодателем.

Залитая ярким солнцем стоянка была такой же пустой, как и в прошлый раз. Я снова припарковался у входа под решеткой и вошел в дверь, которая всегда казалась слегка приоткрытой. Возможно, это был фирменный знак Липпи – всегда открытая дверь для простофиля. На этот раз тех двух бандитов поблизости не было. Липпи становился всё более беспечным. Я пересек игорный зал и постучал в дверь. Ответа не последовало. Входную дверь не оставляют открытой, если внутри никого нет. Я постучал еще раз. Та же тишина. Я повернул ручку. Дверь открылась, я вошёл и увидел его. Еще до того, как я увидел его, я уже знал, что обнаружу. Кондиционер замедлил этот процесс, но, когда я открыл дверь, запах смерти уже ощущался.

Липпи сидел в своём вращающемся кресле за столом, спиной ко мне. Голова его поникла, подбородок опустился на грудь. Застывшие после смерти руки лежали на подлокотниках, пальцы уже начали раздуваться. Черная засохшая кровь смешалась с волосами на его затылке. К запаху смерти примешивался запах паленых волос. Я присмотрелся и увидел опаленные волосы, смешанные с кровью. Я обошёл стол и присел на корточки перед Липпи. Выходное отверстие было темным и бесформенным. Лицо Липпи также начало раздуваться.

Я медленно встал и оглядел комнату. Никаких следов борьбы или ограбления. На буфете стояла бутылка хорошего шотландского виски, ведро со льдом с водой на дне и один стакан. Ящики с документами были закрыты и заперты. Никаких признаков взлома. Я вернулся в казино и беспечно обошёл его, ощущая безлюдность этого места ещё до того, как смог сам в этом убедиться. Телохранителей нигде не было видно. Наверное, занимали очередь на бирже труда.

Я громко вздохнул в пустом казино. Может быть, я не тем занимаюсь? Наверное, следовало бы устроиться менеджером по продвижению в похоронном бюро. Тяжело ступая, я вернулся в кабинет Липпи. Должно быть, он удобно устроился, глядя в окно, любясь пустыней, когда кто-то наклонился над столом с малокалиберным пистолетом и выстрелил ему в затылок. А я пришёл и обнаружил его. Я протянул руку, взял телефон Липпи и набрал номер полиции. По крайней мере, очень скоро я не буду страдать от одиночества.

Пара парней из дорожной полиции с рёвом принеслась секунд на тридцать раньше двух помощников шерифа Риверсайда и примерно на две минуты раньше патрульной машины из Пудл-Спрингс, который находился вне их юрисдикции, но они всё равно появились. Полицейские суетились вокруг, говорили мне, чтобы я ничего не трогал, осматривали место преступления в поисках улик и как обычно отмечали время, пока не появилась пара

следователей из Риверсайда в штатском с какими-то лаборантами и лунолицым парнем из офиса коронера.

Детектив по имени Фокс взял у меня показания. Он был темноволосым, с гладкой кожей и носил тёмные очки, которые сдвинул на затылок, пока разговаривал со мной.

– Разве я не видел твоё имя в сводке за прошлую неделю? – спросил Фокс. – Это ведь ты обнаружил жертву убийства в Голливуде?

– Это такие сувениры, – сказал я. – В разгар сезона я иногда обнаруживаю по два-три трупа в день.

– Может быть, ты не просто их находишь, – сказал Фокс.

– Конечно, – сказал я. – Я подстреливаю их безо всякой причины, а потом сразу звоню в полицию и жду, когда вы придёте и заподозрите меня. Просто мне нравится, когда копы меня допрашивают.

Фокс кивнул, глядя на заметки, которые он сделал на моём заявлении.

– Копам тоже это нравится. Для нас и придумать ничего лучше нельзя, чем мило поболтать с каким-нибудь второсортным сыщиком из пустыни.

– Когда-то я был второсортным сыщиком из Лос-Анджелеса, – сказал я. – Я переехал сюда после женитьбы.

– К счастью для нас, – сказал Фокс. – Ты говоришь, что Липпи нанял тебя, чтобы найти парня, который задолжал ему деньги.

Я молча кивнул.

– Кто это был?

Я промолчал.

Фокс глубоко вздохнул.

– Марлоу, – сказал он, – если ты хоть в чём-то разбираешься, кроме того, как подглядывать в замочные скважины, то ты знаешь, что это дело об убийстве, и парень, который сбежал из-за денег Липпи, является подозреваемым, и что сокрытия имени подозреваемого в убийстве достаточно, чтобы лишить тебя лицензии и отправить в тюрьму.

Я молча кивнул. Он был прав. Я так далеко зашёл из-за Ларри Виктора/Леса Валентайна, что чувствовал себя кокосовым орехом.

– Парень по имени Лес Валентайн, – сказал я. – Живет в Спрингс.

Фокс повернулся к одному из детективов из Пудл-Спрингс, розовощекому парню с короткими светлыми волосами.

– Монсон, – сказал Фокс, – ты знаешь кого-нибудь, кто живёт в Спрингс по имени Лес Валентайн?

– Позвольте мне поговорить с вами наедине, сержант.

Фокс приподнял брови и проследовал за Монсоном через всю комнату. Они стояли у двери в кабинет и несколько минут тихо беседовали. В ожидании, я достал трубку, набил её и раскурил. Коронер больше не осматривал Липпи. Вошли двое парней в комбинезонах с пакетом для трупов и тележкой. Они уложили окоченевшее тело Липпи в мешок, затащили его на тележку и покинули офис. Выезжая, Липпи стукнулся о дверной косяк.

Фокс и Монсон закончили разговор, и Фокс вернулся ко мне. Он перекинул ногу через край стола Липпи и посмотрел на меня сверху вниз.

– Монсон говорит, что Валентайн женат на дочери Клэйтона Блэкстоуна.

– Он должен был сообщить это шёпотом? – спросил я.

-
- Говорит, что Вы женаты на дочери Харлана Поттера.
 - Ааааа, это ему тоже пришлось нашептать? – спросил я.
 - Ему пришлось нашептать и то, и другое, – сказал Фокс. – Он не хотел, чтобы ты знал, что на нас, стойких служителей закона, такие вещи производят впечатление.
 - И на Вас? – спросил я.
 - Может быть, и нет, но на людей наверху иногда производят, – сказал Фокс.
 - Не беспокойтесь о Харлане Поттере, – сказал я.
 - Конечно, – сказал Фокс. – Я не буду беспокоиться о нём, Вы не будете беспокоиться о нём, шериф, который будет переизбираться этой осенью, не будет беспокоиться о нём. Пока ты не будешь беспокоиться о нём, посиди немного в казино, пока мы тут прибираемся. Возможно, нам захочется ещё немного поболтать.
 - Я просидел в казино около часа, покуривая трубку, в то время как техники кружили по помещению, а Фокс проводил много времени, разговаривая по телефону в кабинете Липпи. Около 07.30 вечера Фокс вышел из кабинета Липпи.
 - Мы хотели бы еще немного поговорить с вами, Марлоу, – сказал он. – Отправимся в Спрингс. Так ближе.
 - У меня машина, – сказал я.
 - Монсон поедет с Вами, – сказал Фокс.

26

Мы находились в комнате для допросов полицейского участка Пудл-Спрингс. Я был специальным гостем. Среди прочих были стенографистка с волосами цвета розового грейпфрута, сержант Уайтстоун из Спрингс, Фокс, лейтенант Уилтон Крамп, главный следователь округа Риверсайд, и, как сюрприз, Берни Олс. Крамп был широкоплеч и длиннорук. Шея у него была короткая. Пороссячи глазки были разделены широким плоским носом. Тильные стороны его рук были покрыты шерстью. На нем был черный костюм, жилет и шляпа «борсалино». Он носил её сдвинутой на затылок.

– Давай придём к пониманию, Марлоу, – сказал Крамп. Он жевал табак и держал бумажный стаканчик, чтобы сплюнуть в него. – Я знаю, что ты зять Харлана Поттера, и это не производит на меня ни малейшего впечатления.

– О, чёрт, – сказал я. – А я надеялся, что ты захочешь потанцевать со мной.

В левой руке Крамп держал чашку с табачным соком. Он сунул правую руку под полог пальто и вытащил оттуда плетёную кожаную дубинку. Показал мне, улыбнулся, широкой и злобной улыбкой с табачными пятнами, и мягко хлопнул ею по правому бедру.

– У меня мало времени, Марлоу. У меня не так много времени на забавы, у меня не так много времени быть милым. Ты нашёл два трупа в течении недели, оба застрелены из малокалиберного пистолета в голову. У тебя есть что сказать по этому поводу?

– Полагаю, мне просто повезло.

Крамп снова хлопнул дубинкой себя по бедру и наклонился ко мне. Его дыхание было таким, словно он выпил немного виски, а потом заел «сен-сеном»²⁵.

²⁵ «Сен–сен» – освежитель дыхания, который был очень популярен среди подростков, для удаления запаха алкоголя или табака перед встречей со своими школьными учителями или родителями. Неясно, насколько это помогало, поскольку характерный запах «сен–сен» обычно интерпретировался как признак правонарушения.

– Осторожнее, Марлоу, – сказал он. – Его голос звучал сдавленно. – Будь чертовски осторожен.

Я вежливо улыбнулся ему.

– Теперь мы просто тупые копы, – сказал Крамп, всё ещё не отрываясь от моего лица, – а такой умный богатый частный детектив, как ты, вероятно, видит то, чего не видим мы.

– Я не богат, – сказал я. – Богата моя жена.

Крамп продолжал говорить, как будто я ничего не ответил.

– Но мы хотели бы знать, нет ли какой-то связи между двумя трупами, которые ты нашёл. И возможно даже, что ты говоришь лос-анджелесским копам одно, а нам – другое. Лейтенант Олс был настолько удивлён, что приехал сюда после того, как мы позвонили ему и сказали, что допрашиваем тебя.

Олс стоял, прислонившись к стене в другом конце комнаты, сдвинув шляпу на глаза и скрестив руки на груди.

– Мы могли бы также поинтересоваться, прежде чем Крамп запугает нас всех до смерти, не мог бы ты рассказать, как получилось, что в три тридцать утра ты гоняешься по Вестерн и Сансет за Анджелой Виктор, которая, для протокола, является женой главного подозреваемого в убийстве Лолы Фэйтфул.

– Если он не даст мне ответа, который мне понравится, – сказал Крамп, – я сделаю гораздо больше, чем просто напугаю его. – Он взглянул на Олса, а затем впился взглядом в моё лицо.

Я сказал Берни: «Если ты сможешь убрать это дыхание канюка²⁶ от моего лица, тогда, может быть, мы сможем поговорить.»

Всё ещё склонившись надо мной, Крамп ударил меня дубинкой по левому колену. Боль пронзила ногу по всей длине и отдалась в паху. Нога тут же начала пульсировать. В уголке рта Крампа появился намёк на табачный сок.

Он зарычал на меня: «Дыхание канюка, умник?»

По-прежнему опираясь на стену и сложив руки на груди, Олс сказал: «Убери дубинку, Крамп.»

Крамп выпрямился и посмотрел на Олса.

– Чёрта с два, – сказал он. – Это мой заключённый.

Олс достал одну из своих маленьких сигар, сунул её в рот и закурил. Затем он отошел от стены, легко пересёк комнату и встал прямо перед Крапом, его лицо было примерно в полудюйме от лица Крампа.

– Или ты уберёшь дубинку, – сказал Олс мягким и приятным голосом, – Или я познакомлю её с твоими зубами.

Крамп слегка дернулся, как будто кто-то ткнул его в бок. С минуту все молчали. Двое мужчин продолжали стоять вплотную друг к другу.

Потом Крамп сказал: «Да ну его к чёрту!» – и, сунув дубинку в задний карман, развернулся и вышел из комнаты. Олс улыбнулся, словно услышал какую-то шутку, повернулся, прошёл к прежнему месту и прислонился к стене.

– Почему бы тебе, Марлоу, не торопясь, рассказать нам всё, – сказал он. – У нас впереди целая ночь. А Фокс будет представлять здесь Риверсайд.

Я достал сигарету, закурил и затянулся дымом. Может быть, пришло время бросить всё, рассказать им то, чего они не знали, позволить двигаться с этим дальше, а самому

²⁶ Канюки (лат. Buteoninae) — подсемейство хищных птиц из семейства ястребиных

отправиться домой пить «буравчики» с женой. Когда они узнают, что Лес задолжал Липпи бабки, и что Лес – это еще и Ларри, тот самый, с которым Лола ругалась перед тем, как умерла в его офисе, и тогда все закончится. Ларри исчезнет, Мюриэл останется одна, а Анджела, с её большими глазами и улыбкой...

– Липпи всегда сопровождала парочка громил, – сказал я. – Тот, кто убил его, должен был сначала убрать их.

Олс молчал и не двигался.

– Это могла быть женщина, – сказал я. – Маленький пистолет, тот, кто это сделал, подобрался к нему очень близко. Он стоял к ней спиной. Наверяд ли там собирались выпить, скотч был на исходе. И всего один стакан. Может быть, у него было романтическое свидание, которое и прервалось ночью.

Олс снял шляпу и прижал её к себе, держа за поля. Во рту у него была маленькая сигара, и он что-то говорил вокруг неё.

– Мы уже занимались этим ранее, Марлоу. И можем догадаться обо всём этом и без тебя.

Я пожал плечами. – Это всё, что у меня есть, Берни.

Олс тихонько постучал шляпой по бедру, другой рукой вынул изо рта сигару, языком вытряхнул из-под верхней губы кусочек табака и деликатно сплюнул его в угол.

– Ты обнаруживаешь два убийства за неделю, – сказал Олс. – Это может быть совпадением. Но за тридцать два года работы в полиции я ни разу не встречал таких совпадений.

На это, мне особо нечего было ответить. Я пропустил это мимо ушей.

– Совпадения нам ни к чему, Марлоу. Они нас никуда не приведут. Верить в совпадения – значит верить в тупики. Копы ненавидят тупики, Марлоу.

– Я знаю, – сказал я. – И меня это беспокоит. Иногда по ночам я не могу из-за этого заснуть.

– Ты не только находишь за неделю два трупа, но и делаешь это в процессе поиска бездельника по имени Лес Валентайн, который, как выясняется, является зятем Клэйтона Блэкстоуна.

– А Клэйтон Блэкстоун вас беспокоит?

– Да, я тоже не сплю по ночам, – сказал Олс. Он подошел к одному из обшарпанных кленовых столов и положил сигару в полупустой бумажный стаканчик с кофе. Потом повернулся ко мне.

– У тебя нет клиента, Марлоу. Тебе некого защищать. Если только ты не защищаешь себя.

– Больше я ничего не могу тебе сказать, Берни.

– Может быть, Вам следовало отдать его Крампу, лейтенант, – сказал Фокс.

– Крамп – бандит со значком, – сказал Олс. – Он мне не нравится.

Теперь мы все молчали. Розововолосая стенографистка была готова записывать дальше. Но было нечего.

Олс вздохнул.

– Хорошо, Марлоу, – сказал он. Он повернулся к сержанту Уайтстоуну. – Можно воспользоваться твоей тюрьмой?

– Конечно, – ответил Уайтстоун.

– Забирай его, – сказал Олс. – Засунь его в камеру. Может быть, он что-нибудь вспомнит.

– По какому обвинению, лейтенант?

– На твой выбор, – сказал Олс. – Придумай что-нибудь.

Затем он надел шляпу и вышел из комнаты.

27

В тюрьме Пудл-Спрингс было тихо. Присутствовали ещё несколько заключённых, но было уже поздно, и они спали. Единственными звуками были звуки спящих людей, время от времени храп, бормотание, один раз короткий всхлип.

Я в темноте лежал на койке. Снаружи продолжалась поздняя ночная жизнь Спрингс. Люди ели в полночь, занимались любовью, смотрели фильмы по телевизору и спокойно спали на кроватях с собакой в ногах, а холодильник тихо гудел на кухне. Тюрьма была пристроена к полицейскому участку, и я слышал, как подъезжают и отъезжают патрульные машины: неясный в ночи звук их радиоприемников, хруст шин по гравию, один раз сирену, когда машина торопливо отъезжала. Но в основном ничего не было слышно и нечего было делать.

Я подумал, был бы Липпи убит, если бы я раньше рассказал копам всё, что знал. Если бы я рассказал им столько же, сколько Блэкстоуну. Такие парни, как Липпи, всегда ходят по краю, но смерть – это долгое падение. У Блэкстоуна не было причин убивать Липпи, даже если бы он узнал, что тот гоняется за Лесом из-за денег. Одного слова босса было бы достаточно. Но у Леса была причина, а также у него была причина убить Лолу Фэйтфул, шантаж, связанный с фотографией. Тот, кто убил Лолу, также забрал бумаги Ларри, я улыбнулся про себя в темноте. Когда он был в Пудл-Спрингс, я звал его Лес, а когда он был в Лос-Анджелесе, я звал его Ларри. Неудивительно, что я был в замешательстве – они искали фотографию? Зачем убийце понадобилось забирать все бумаги? Потому что он искал что-то, или она искала, и у него не было времени просмотреть их все. Если бы Ларри убил её, он бы знал, что было в бумагах. Ему не пришлось бы их все забирать. Хотя может и пришлось бы, если бы он подумал, что копы их найдут, а ему не хотелось, чтобы его дела стали известны, хотя теперь в любом газетном киоске продавались такие же откровенные, как у Ларри, фотографии. Но, это всё равно могло затруднить ему жизнь.

Надзиратель прохаживался по коридору мимо камер, скрипя рифлёными подошвами. Он останавливался перед каждой решёткой и некоторое время смотрел внутрь, прежде чем двинуться дальше.

На всех этих фотографиях обнажёнными женщинами я не узнал никого, кроме Сондры Ли. И я засунул ее фотографию под коврик в багажнике моей машины. Предположим, Ларри согласился заплатить Лоле за шантаж, она пришла и принесла фотографию, а он убил её и забрал снимок. Он уничтожит фотографию – но появится ли Лола с единственным отпечатком? Неужели она настолько глупа? Я не верил в это. Шантажисты так просто не сдаются. Даже глупые шантажисты.

Я подумал о сигарете. У меня не было ни трубки, ни шнурков, ни галстука, ни ремня. Я встал и несколько раз обошел камеру по кругу. Спасть мне от этого не захотелось. Я снова лёг на койку. Простыни там не было, зато лежали матрас и одеяло. Я бывал в тюрьмах, где не было ни того, ни другого. Ах, Марлоу, ты очаровательный авантюрист. Ну почему, чёрт возьми, это не Ларри? Даже если у него есть хорошенькая большеглазая женушка, которая его обожает. Была ли она законной? Наверное, следует проверить законы о многоженстве, когда выйду из тюрьмы. В последнее время у меня было не так много связанных с многоженством дел.

Я сделал несколько глубоких вдохов.

И где же фотография? Лола оставила бы себе копию. Её не было в доме. Если бы её нашли копы, она бы куда-нибудь их привела. А они топчутся на месте так же, как и я, при этом не зная того, что заставляет топтаться на месте меня. Может быть, в банковской ячейке. Но где тогда ключ? Старые бабы с пропитым голосом вроде Лолы обычно не держат ячейки. Может быть, она спрятала негатив у подруги. Вот только старые бабы с пропитым голосом вроде

Лолы обычно не доверяют друзьям что-то ценное. Самым простым ответом снова был Ларри, а самым простым ответом на Липпи был Лес. А Лес – это Ларри.

Я сделал еще несколько глубоких вдохов.

Где-то перед рассветом я наконец задремал, и мне приснилось, что я влюблен в огромную фотографию обнажённой Линды, и каждый раз, когда я добирался до нее, Тру-ля-ля и Тра-ля-ля хватали её и убегали идеальным тандемом.

28

В шесть утра мне принесли горячий кофе и черствую булочку. Я сел на койку и принялся за еду. Моя голова болела, колено постоянно пульсировало. Я дотронулся до того места, куда меня ударил Крамп. Оно опухло и болело. Пока я пил кофе, в животе у меня было беспокойно. Я проспал, наверное, всего часа два.

В 10.30 утра по коридору прошёл другой надзиратель и остановился перед моей камерой.

– Хорошо, Марлоу, – сказал он. – Ты соскочил.

Я с трудом поднялся и заковылял за ним, когда мы прошли по коридору, поднялись на три ступеньки и оказались в вестибюле полицейского участка. Там были Линда и парень в белом костюме и яркой рубашке.

Парень в кричащей рубашке сказал: «Мистер Марлоу, я Гарри Симпсон. Извините, что так долго. Мне пришлось ждать до утра открытия суда чтобы получить судебный приказ.»

У него был темный загар и блестящие черные мокасины с маленькой золотой цепочкой поперек язычка каждого. Его рубашка была расстегнута до пупка, а голая грудь напоминала кожаную стиральную доску. Волосы на его груди были седыми. У него были небольшие густые усы и жесткие волосы, слегка тронутые сединой. На мизинце он носил кольцо. Адвокат из Пудл-Спрингс. Ещё немного – и он станет называть меня малышом.

Линда стояла у него за спиной и молчала. Её глаза смотрели на меня так, что я почти физически ощущал тяжесть её взгляда. Я забрал свои вещи, подписал квитанцию, и мы вышли через парадную дверь. Никаких сигналов тревоги не было слышно. «Кадиллак» Линды был припаркован месте для полицейских машин, там, где парковка была запрещена, рядом с «мерседесом» с откидным верхом, который, как я точно знал, должен был принадлежать моему адвокату.

– Где твоя машина? – спросила Линда.

– На заднем дворе, – ответил я.

– Я отвезу тебя домой и пришлю за ней Тино, – сказала Линда. – Выглядишь ты ужасно.

Но, однако, лучше, чем я себя чувствовал.

– Возможно, Вам придется сюда заехать, мистер Марлоу. Я постараюсь замять всё, и, честно говоря, имя мистера Поттера имеет здесь некоторый вес, но, понятно, я ничего не могу гарантировать.

– Но побольше, чем я, – ответил я.

Линда открыла пассажирскую дверцу «кадиллака».

– Садись, дорогой, – сказала она.

– Я должен что-нибудь сообщить Вашему отцу? – спросил Симпсон.

– Скажи ему спасибо, – сказала Линда. – Я позвоню ему позже.

Потом она обошла машину, села в нее, и мы молча поехали домой.

Когда мы вернулись домой, Линда сказала: «Я думаю, тебе нужно принять душ и немного поспать. Мы можем поговорить позже.»

Я слишком устал, чтобы спорить об этом или о чём-то ещё. Я поступил так, как она предложила, хотя и изменил порядок действий.

В шесть часов вечера я снова был почти человеком. Я принял душ, побрился и сидел у бассейна в шелковом халате с пакетом льда на распухшем колене. Тино принес двойную порцию водки со льдом мне и обычную для мадам. «Буравчик» был прозрачным цвета соломы, как я заметил, взглянув на толстый квадратный стакан. Вода в бассейне слегка колыхалась от легкого ветерка, который задул с наступлением вечера. Я погрузился в «буравчик» и почувствовал, как напиток проникает в меня и проходит по нервным окончаниям. Я посмотрел на Линду. Она сидела на кушетке, опустив ноги на пол, поджав колени, слегка наклонившись вперёд, положив руки на колени и обхватив обеими руками стакан.

– Папа в ярости, – сказала она.

– Да и чёрт с ним, – сказал я.

– Это он вытащил тебя, – сказала она.

– Чёрт с ним в любом случае, – сказал я. – Как ты?

Она медленно покачала головой и уставилась в свой стакан, как будто там, на дне, был ответ, которого у нее не было.

– Меня уже засовывали в эту кубышку, Линда. Это профессиональный риск, как скука или боль в ногах.

– Полиция сказала, что ты препятствуешь правосудию.

– Полиция говорит то, что должна говорить, – сказал я. – Они хотели, чтобы я сказал им то, что, по моему мнению, им знать не следует.

– И они посадили тебя в тюрьму? Это законно?

– Возможно, и нет, но такое случается сплошь и рядом. Через некоторое время ты начинаешь понимать это.

– Разве это законно – не говорить им того, что они хотят знать?

– Думаю, можно ответить также. Ты не можешь выполнять мою работу и сохранять самоуважение, если позволишь копам решать, что как тебе поступать.

– Честно говоря, я не понимаю, как ты можешь выполнять свою работу и сохранять самоуважение, – сказала Линда.

– Потому что это предполагает время от времени проводить время в тюрьме? Потому что это заставляет вас вступать в контакт с низшими классами?

– Черт возьми, Филип, это несправедливо, – сказала Линда. – Я не виновата, что мой отец богат.

– Нет, – сказал я, – это не так. И я так не думаю. Но в одном вы можете быть уверены: вы не станете таким богатым, как Харлан Поттер в этой стране, не срезая некоторые углы, не нарушая некоторые правила и не проводя время с людьми, с которыми не хотелось бы преломить хлеб.

Линда несколько раз быстро покачала головой.

– Я об этом я ничего не знаю. Меня это даже не волнует. Но я знаю, что это не такой брак, который я ожидала. Тебя почти никогда нет дома. Я не знаю, где ты и что делаешь. Тебя могут убить. Я просыпаюсь утром, а мне звонят, что ты в тюрьме. Мой муж? Здесь? В Спрингс? В тюрьме?

– И это будут обсуждать за обедом? – спросил я.

– Черт побери, не будь несчастным снобом, Марлоу. Это мои друзья. Я переживаю за них. Я хочу, чтобы они переживали за тебя. Я не хочу узнать, что за моей спиной они смеются над моим мужем.

– Они все равно будут так делать, – сказал я. – Не потому, что я ищейка. И не потому, что я провёл ночь в тюрьме. Они будут смеяться надо мной, потому что я неудачник. У меня совсем нет денег. В этой великой республике так принято судить, дорогая.

– Но у меня есть деньги, у меня достаточно денег для нас обоих.

– Именно поэтому, как я все время пытаюсь объяснить, я не могу этого принять. Чтобы не стать неудачником, я должен быть свободным. Быть абсолютно самостоятельным человеком. Я, Марлоу, Галахад²⁷ из сточной канавы. Я сам решаю, что мне делать. Ничто не может меня подкупить или заставить, даже любовь. Вы успешны, только если у вас есть деньги, но из-за этого вы отказываетесь от слишком многого.

Для меня это была длинная речь. Я запил её «буравчиком». Но это не помогло. «Буравчики» подходили для раннего вечера в тихих барах, где столы блестели от полировки, свет просачивался сквозь бутылки, а у бармена была накрахмаленная белая рубашка с закатанными манжетами. С «буравчиками» можно держаться за руки через стол, ничего не говорить и всё знать. Я поставил стакан на стол. Линда к своему не притронулась, она просто смотрела на него.

– Когда ты будешь дома, – ровным голосом сказала Линда, – и мы ляжем спать, твой пистолет будет лежать на комоде рядом с твоим бумажником и ключами от машины.

– Раньше я спал с ним в зубах, – сказал я. – Но я решил, что здесь, в пустыне, безопаснее.

Линда оторвалась от своего «буравчика» и на мгновение уставилась на меня.

– Это не работает, – сказала она наконец. Затем она остановилась, держа «буравчик» обеими руками. – Я не говорю, что это твоя вина... но теперь это не работает.

Она встала и ушла в дом.

Я взял почти полный двойной «буравчик» и некоторое время просто смотрел на него, потом встряхнул запястье и вылил содержимое тонкой струйкой на землю, осторожно поставил пустой стакан вверх дном на стол, откинулся на спинку шезлонга и прислушался, как тает лёд в сумке на коленях.

29

Я провёл ночь в комнате для гостей. Дом я покинул рано утром. Купил кофе в кафе на Риверсайд, где также продавались мягкие набивные ослики и маленькие брелки с настоящими золотыми самородками. Пока я ехал к дому Мюриэл Валентайн, пустыня выглядела ещё более суровой, чем раньше. Выветренная земля выглядела суровой, как сердитая вдова, а заросли кактусов казались более грубыми, чем я помнил их вчера. Когда я вышел из машины и зашагал по дорожке к Мюриэл, беспристрастное небо стало безоблачным, а жара сухой и непреклонной. Слуга откликнулся на мой звонок и позволил мне подождать в холле, пока он ходил за миссис Валентайн. Когда она появилась, то казалась такой же мрачной, как пустыня. Её глаза выглядели так, словно она плакала, а губы были плотно сжаты.

– Его здесь нет, – сказала она.

– Вашего мужа? – уточнил я.

– Да. Я не знаю, где он.

²⁷ Галахад — рыцарь Круглого стола Короля Артура, славился своим целомудрием и нравственной чистотой.

Появился кончик её языка, коснулся нижней губы и снова исчез.

– Когда он уехал?

– Он исчез на следующий день после того, как ты оставил его здесь, – сказала она.

– Вы знаете, что Липшульц мертв?

– Да.

– Вы знали, что он работал на Вашего отца? – спросил я.

Она отступила назад, как будто я ткнул в неё живой змеей.

– Ваш отец – владелец клуба «Агония», – сказал я.

Она ничего не ответила. Она продолжала смотреть на меня, её лицо было напряжено, кончик языка время от времени высывался над нижней губой. Я снова посмотрел на неё. Больше ничего не произошло. Наконец я повернулся, вышел и закрыл за собой дверь. Она чувствовала себя еще хуже, чем я. Я сел в «олдс» и некоторое время сидел, уставившись в никуда, затем включил зажигание и направился в Лос-Анджелес.

Анджела сидела на крыльце и смотрела на пляж. На блюде лежал остывший тост, а чай в чашке темнел от находящегося в ней пакетика. Анджела сидела в кресле-качалке, подтянув колени, обхватив их руками и положив на них подбородок. Качалка слегка шевелилась, но на самом деле она не раскачивалась.

– Его здесь нет, – сказала она.

– Вы его ждёте? – спросил я.

– Да. Не пошла на работу. Я не могу. Я должна быть здесь на случай, если он придёт.

– Я потерял его, – сказал я. – Его нет там, где я его оставил.

Качалка слегка шевельнулась. Анджела ничего не ответила.

Звук прибоя, приглушённый, когда он катился по песку, был фоном позади нас. Люди на пляже двигались мимо нас в обоих направлениях. На пляже бульдозер двигал песок вокруг новой игровой площадки.

– Он этого не стоит, Анджела, – сказал я. – У него нет характера.

– Я люблю его, – сказала она и пожала плечами. Качалка еще немного шевельнулась и остановилась.

Я подумал о Мюриэл, на её лице не было ничего, кроме боли. Я посмотрел на Анджелу. Простит ли она ему и это, другую женщину? Чёрт, ещё одна жена. У этого подонка было две жены, которые сходили по нему с ума. Я же был на пути к тому, чтобы всё потерять.

– А Вы не догадываетесь, где он может быть? – спросил я.

Она покачала головой.

– Но он вернётся сюда, – сказала она. – Рано или поздно.

– Я не уверен, Анджела, – сказал я, – что это не он убил Липпи.

– Он бы не стал, – ответила она.

– А если он убил Липпи, то мог убить и Лолу.

Анджела мрачно покачала головой и уставилась на пляж.

Больше говорить было не о чем. Если он убил Лолу, а я помог ему сбежать, то я была на крючке за убийство Липпи так же, как и он. Я попытался криво улыбнуться ей, повернулся и пошел прочь. Когда я оглянулся, она всё ещё неподвижно смотрела на пляж.

Я поехал из Венеции в центр города, чтобы повидаться с Берни Олсом. Он был в своей каморке. Пустой стол с телефоном, вращающееся кресло, шляпа на крючке за дверью.

– Тебя вытащил Харлан Поттер? – спросил он, когда я вошел. – Или ты сделал подкоп из тюрьмы Спрингс?

– Поттер, – ответил я.

– Держу пари, он и его дочь очень обрадовались, – сказал Олс.

– Как нерестящийся лосось, – сказал я. Я сел в простое кресло напротив стола. На стенах не было ни картин, ни цитат, ни даже окон. Насколько я знал, Олс убил по крайней мере девять человек, и некоторые из них думали, что их прикроют.

В кабинете было пусто, как во взгляде официанта.

– Ты неважно выглядишь, Марлоу, – сказал Олс. – Похож на человека, который не выспался и плохо позавтракал.

– Лес Валентайн и Ларри Виктор – это один и тот же человек, – сказал я.

Олс сидел, положив одну ногу на открытый нижний ящик письменного стола. Он снял ногу с ящика, развернул кресло и медленно опустил обе ноги на пол.

– Это точно установлено? – сказал он. Я видел, как он прокручивает это в голове.

– Разве они оба не женаты? – спросил Олс.

– Да.

– И давно ты это установил?

– Я узнал это ещё до того, как убили Лолу Фэйтфул, – ответил я.

– Если бы ты поделился с нами, то, возможно, Липшульц не пошел бы на дно, – сказал Олс.

– Да.

Олс повернулся на стуле и поставил одну ногу на открытый ящик. Сложил руки на затылке.

– Марлоу из пустыни, – сказал он. – А Хокшоу²⁸ к звёздам.

Я пропустил это мимо ушей. Я заслужил то, что должен был получить.

– Тебе не кажется, что на этот раз ты немного переборщил, милашка? И парень загудел, хотя не должен был? Скажем, Липпи заслуживал этого не более других. И сейчас уж точно не заслуживал от этого парня.

– Никто этого не заслуживает, Берни.

– Конечно, Марлоу, пусть твоё сердце немного покровоточит. И раз уж ты об этом заговорил, почему бы не объяснить мне, почему ты это от нас утаил.

– Я не думал, что это он, – сказал я.

– Ты же не думал, что это он, – сказал Олс. – А кто тебя уполномочил? Это дело копов, дружище.

– Он неудачник, бесхребетный подонок, но у него есть милая маленькая девочка, которая любит в нем каждую клеточку.

– И всё? – спросил Олс.

Я пожал плечами.

– Я доберусь до этого. Я до сих пор не знаю точно, он это или нет, но должен признать, что он выглядит более вероятным кандидатом с каждым поворотом дела.

– Ты прикрыл какого-то парня, которого едва знаешь, только потому что у него хорошая жена?

²⁸ Детектив Хокшоу был персонажем комиксов, показанных в одноименном мультсериале Гаса Магера между 1913 и 1922 годами и с 1931 по 1952 год.

– Они выглядели счастливыми, Берни. Вы же многого не замечаете. И я подумал, что если вы его схватите, то он вас вполне устроит и окажется в блоке смертников прежде, чем государственный защитник успеет открыть свой портфель.

– Я не люблю козлов отпущения, Марлоу.

– Конечно, нет, Берни, но и ты не откажешься от вероятного подозреваемого. Этот парень спорил с жертвой ранее, на него должно быть досье с сомнительными делишками. Здорового смысла у него не больше, чем у фруктового мороженого... – я поднял ладони вверх и развёл руками.

– Бармен сказал, что ссора с Лолой началась, когда она показала ему фотографию. Ты что-нибудь об этом знаешь?

– У Ларри была папка с фотографиями обнаженных женщин, – сказал я. – Я просмотрел бумаги, когда нашёл его офис.

– Сейчас их там нет, – сказал Олс. – Кто был на снимках?

– Женщины, откровенные позы, на таких можно было заработать лет двадцать пять назад.

– Теперь этот бизнес в упадке, – сказал Олс. – Если только речь не идёт о шантаже.

Я пожал плечами.

– Ладно, Марлоу, – сказал Олс, – можешь начать с самого начала, очень медленно и кратко, чтобы не сбивать меня с толку. А когда ты закончишь, и я буду уверен, что ты был достаточно откровенен, позовём стенографистку и пройдемся ещё раз для неё.

Он положил обе ноги на стол и откинулся на спинку стула, сцепив руки на солнечном сплетении.

– Начинай, – сказал он.

Я рассказал ему почти всё, опустив тот факт, что в багажнике моей машины лежала фотография Сондры Ли. Когда я дошёл до Блэкстоуна, Олс тихонько присвистнул. – И ты всё ещё думаешь, что Ларри, Лес, как бы там его ни звали, этого не делал?

– Не знаю, Берни. Я здесь. Я рассказал тебе всё, что знаю. Мы оба знаем, сколько этот парень протянет, если Клэйтон Блэкстоун узнает, что его дочь вышла замуж за двоеженца.

– Небольшая работёнка для прыткого Эдди, – сказал Олс.

– Чертовски небольшая, – сказал я.

– Мы можем обвинить тебя в препятствовании правосудию, – сказал ОЛС, – вмешательстве в работу сотрудника полиции при исполнении им своих служебных обязанностей, пособничестве и подстрекательстве к побегу преступника, соучастию в убийстве, получении информации об автомобиле нечестным путем, выдачи себя за полицейского и проявлении глупость, несвойственной даже трём овцам, если их собрать вместе.

– Я ещё не сдал вовремя книгу в библиотеку, – сказал я. – Можно тоже подшить к делу.

– Убирайся отсюда, – сказал Олс.

– А как же стенографистка? – спросил я.

– К черту стенографистку, – ответил Олс. – Но, если ты хотя бы пройдешься по общественному газону, Марлоу... – он поднял рукой, отпуская меня взмахом тыльной стороны ладони. Так обычно прогоняют комара.

Я встал и вышел.

искать Сондру Ли. Светловолосая секретарша с длинными бедрами была на месте. Она сообщила мне, что Сондру Ли ожидают в ближайшие полчаса, и я присел на один из серебристых твидовых диванчиков без подлокотников, изогнувшихся вдоль левой стены кабинета. На стенах, в серебряных рамах, висели модельные снимки их клиентов, черно-белые, театрально освещенные, с той игривостью, которую могут ухватить только модельные фотографии. Сондра была на одном из них, в профиль, вглядываясь в какую-то неземную даль, одетая в огромную чёрно-белую шляпу. А это было гораздо больше, чем на ней на той фотографии, которую я держал свернутой в своем кармане. Время проползало, как неуклюжий червяк. Вошла высокая, худая, разодетая женщина, взяла несколько сообщений у секретарши и вышла обратно. Еще одна женщина – волосы цвета воронова крыла, бледная кожа, карминовая помада – вошла в приёмную, поговорила с секретаршей и прошла в один из внутренних кабинетов. Я огляделся, заметил пепельницу на серебряной подставке, придвинул её поближе, достал сигарету и закурил. Я бросил пустую спичку в пепельницу и затаился дымом. На стене позади секретарши висели большие часы в форме банджо. Они тикали так тихо, что мне потребовалось некоторое время, чтобы их расслышать. Время от времени в телефон издавал тихий шелест, и секретарша радостно сообщала: «Агентство «Тритон», добрый день.» Пока я был там, она повторила это примерно 40 раз, без всяких изменений. Моя сигарета догорела до самого окурка. Я положил её в пепельницу и выгнул спину, а пока я этим занимался, вошла Сондра Ли. На ней было небольшое жёлтое платье и огромная жёлтая шляпа. Она не узнала меня, даже когда я встал и сказал: «Мисс Ли.»

Она повернула голову с тем безличным дружелюбным взглядом, который бывает у людей, привыкших к тому, что их узнают.

– Марлоу, – сказал я. – На днях у Вас дома мы говорили, в частности, о Лесе Валентайне.

Улыбка осталась такой же безличной, но стала менее дружелюбной.

– И что же? – спросила она.

– И нам было так весело, что мне захотелось еще немного поболтать.

– Простите, мистер Марлоу, боюсь, что не смогу, сегодня у меня съёмки.

Я подошел к ней, достал из внутреннего кармана её фотографию в обнаженном виде и развернул её. Я держал снимок так, чтобы она могла видеть, а секретарша – нет.

– Всего несколько минут, – сказал я. – Я подумал, что Вы могли бы помочь мне с этой картинкой.

Она взглянула на неё, но на её лице ничего не отразилось.

– Ну, хорошо, – сказала она. – Мы можем поговорить и здесь.

Она провела меня в маленькую гардеробную с большим зеркалом, окруженным лампочками. Там стоял гримировальный стол, заставленный баночками, тюбиками, порошками и щётками, перед ним – кресло, у стены справа от двери – кушетка и высокий директорский стул. На спинке, обтянутой чёрным холстом, белыми буквами было написано: «Сондра». Она села в кресло, небрежно вытянув перед собой длинные ноги.

– Значит, ты просто ещё один маленький мерзкий шантажист, – спокойно сказала она.

– Не такой уж я и маленький, – ответил я.

– К твоему сведению, таракан, за эти фотографии я тебе не дам ровно ничего. Вот чего они стоят. Отправляя их в журналы, раздавая на автовокзале, мне всё равно. Прошло уже лет тридцать с тех пор, как подобные картинки могли мне навредить.

– Значит, Ларри Виктору от них было мало проку, – сказал я.

– Не больше, чем тебе, дешёвка, – сказала она. Она достала сигарету со светлым фильтром, сунула её в рот и прикурила от прозрачной зажигалки, в которой был виден уровень жидкости.

– Но он пытался, – сказал я.

– Конечно, он пытался, но разве все эти подонки не пытаются?

– И Вы сказали ему, чтобы он поостыл, – сказал я.

– Это сделал Томми, – сказала она.

– А, может быть, Вы что-то скрываете? – сказал я.

Сондра пожала плечами.

– Тебе повезло, что Томми сейчас здесь нет, – сказала она.

– Ну да, – сказал я. – В прошлый раз я еле ноги унёс.

По её лицу было видно, что она почти ничего не помнит о прошлом разе.

– Я был у Вас дома, – сказал я, – и расспрашивал о фотографе по имени Лес Валентайн.

– Я была тогда на взводе, – сказала она.

– Да. Насколько я помню, Вы намекнули, что я, возможно, захочу пойти вместе с Вами.

Если она и помнила, то никак этого не показывала. На её лице не было и следа смущения.

– Томми этого терпеть не может, – сказала она. Похоже, ей было все равно, ненавидит это Томми или нет. – Так чего же ты хочешь, Марлоу? Или ты один из тех парней, которые получают удовольствие, разговаривая с женщиной и рассматривая её фотографию в обнажённом виде?

– Это только одна из вещей, которые мне нравятся, – сказал я. – Но на этот раз я пытаюсь разобраться с Ларри Виктором.

Она склонила голову набок и с минуту меня разглядывала.

– Ларри? Как это?

– По делу, над которым я работаю, – сказал я.

– Ты же не пытаешься сбить меня с толку?

– Я не посмел бы, – ответил я. – Что Вы можете рассказать мне о Ларри?

– Жуткий тип, – сказала Сондра. – Делал третьесортные фотографии и не мог заработать себе на жизнь, если только не снимал обнажённую натуру для кожных журналов или книжных магазинов для взрослых. Он часто снимал нас, когда мы только начинали, пытаюсь заработать себе на жизнь и стараясь чтобы нас заметили. У него было хорошее направление, много моделей. Бог знает почему – он носил парик, и его руки все время потели. Но... – Она пожала плечами. – Все мы разные.

– И он будет хранить твои снимки, а если ты станешь известной моделью, – сказал я, – то попытается шантажировать тебя.

– Или если ты попадёшь в кино, – сказала она. – Студии всегда волновались по этому поводу. Молодёжь, которая попадала на фотографии, вероятно, откупалась.

– Тогда это не такой уж плохой рэкет. Продает один раз, а иногда и ещё раз, позже.

– С прицелом на будущее, – сказала Сондра. Она улыбнулась, затянулась сигаретой и долго держала дым, а потом выпустила его сквозь улыбку. – Изменились только времена. Довольно скоро никому не стало дела до того, показываешь ли ты свой зад на публике, и бизнес Ларри пошел на спад.

– Отстал от времени, – сказал я, – как платные конюшни. А Вы знали, что он женился?

– Я потеряла след Ларри тогда же, когда выбралась из канавы, в которой он подвизался.

– И Вы не знаете фотографа по имени Лес Валентайн?

– Нет.

– Мюриэл Валентайн? Мюриэл Блэкстоун? Анджела Виктор?

Каждый раз, как я называл имя, Сондра качала головой.

– А какие-нибудь близкие друзья из прежних времен? Вы помните? – спросил я.

Она коротко рассмеялась.

– Друзья? Не то, что можно было бы это заметить. Если у этого маленького уродца и были друзья, то скорее всего это были женщины. – Она снова покачала головой. – Я никогда этого не понимала.

– Не можете вспомнить никаких имен? – спросил я.

Она втянула в себя еще немного дыма и выдохнула его большим клубом. Покачала головой.

– Нет, – сказала она, – не могу.

– И не догадываетесь, где он сейчас может быть?

– Это всё ради этого? – спросила она. – Он пропал?

Я молча кивнул.

– Нет, – ответила она. – Нет. Понятия не имею.

Я все еще держал в руках её снимок. Отдал его ей. Она взяла его и внимательно посмотрела.

– В те дни чем я только не занималась, – сказала она.

– Как и сейчас, – сказал я.

Она улыбнулась мне.

– Спасибо, – сказала она. Я повернулся к двери.

– Марлоу, – позвала она.

Я остановился и, держась одной рукой за дверную ручку, обернулся к ней.

– Я помню каждую мелочь из того, что случилось, когда ты навещал меня в прошлый раз, – сказала она.

– Я тоже, – ответил я.

Она улыбнулась мне. – Предложение остается в силе.

– Спасибо, – сказал я, одарил её своей убийственной ухмылкой и ушёл.

31

Я вернулся в Виллидж через Уэствуд, потом через Уэйберн и Хилгард мимо Калифорнийского университета в Сансет, и поехал на восток.

Я едва знал Ларри Виктора, и он мне уже порядком надоел. Мой брак был под ударом, копы соревновались в том, кто сможет упрятать меня на больший срок, Клэйтон Блэкстоун и Эдди Гарсия таились по углам, и всё, что я узнал о Ларри Викторе, заставило меня задуматься, зачем мне вообще беспокоиться за него. Может быть, он убил Лолу, и, может быть, он был настолько глуп, что убил её в своем собственном офисе. А, возможно, он и Липпи убил, может быть, он был не настолько слабак, как я думал. Если парень был достаточно глуп, чтобы убить женщину в своём собственном офисе после недавней ссоры с ней при всём честном народе, то был ли он достаточно ловок, чтобы убрать с дороги двух громил, чтобы убить Липпи, пока они выпивают и Липпи смотрит в окно?

Я миновал розовую лепнину отеля «Бeverли-Хиллз», наполовину скрытую пальмами. По обе стороны от Сансет стояли большие дома, дорогие и уродливые, именно в таком сочетании, какое находят южно-калифорнийские деньги, чтобы соединить их. Кинозвезды, режиссёры, продюсеры, всевозможные агенты по, все те люди, которые нашли способ упаковывать пустоту и продавать её как мечту.

Должно быть, Лола шантажировала Ларри фотографией. И она не была бы настолько глупа, чтобы пойти на встречу со своим единственным экземпляром. Должно быть, у нее был запасной вариант. Так каким же он мог быть? Я перевернул её дом, как салат «цезарь», и ничего не нашёл. Сухарик мне так и не попался. Так где же она его прячет? Где бы я сам мог спрятать нечто подобное?

Теперь я, как будто, был на выступлении стриптизёрши, рекламные щиты певцов, о которых я никогда не слышал, бутики, разукрашенных под французские загородные коттеджи, всё на показ. На Хорн-Авеню парень с длинными выщипанными черными волосами свернул на Сансет, ведя двухместную спортивную машину, которая была длиннее всех моих предыдущих. Он визжал резиной, пока тормозил пятьдесят ярдов, прежде чем ему пришлось остановиться перед светофором. Машина была уродливой, непрактичной, вычурной, неэкономичной и плохо приспособленной для езды по городу, но она была дорогой.

Я проехал через Голливуд и свернул на Кен-Мор к дому Лолы. Мне пришла в голову одна мысль.

Лужайка выглядела ещё более неухоженной, но и всё остальное выглядело точно так же. Люди умирают, сердца разбиваются, династии погребают своих восторженных почитателей, а трава продолжает понемногу расти, и совсем понемногу погода меняет фасады зданий. Я припарковался у входа, поднялся по ступенькам и встал под остывающим навесом. Почтовый ящик был забит почтой, которую Лола никогда не читала; на полу под почтовым ящиком лежали какие-то каталоги и рекламные листовки. Полагаю, никто не взял на себя труд уведомить почтовое отделение. Я вынул конверты из почтового ящика. Большая часть из них была счетами, а остальное не содержало ничего личного. Я снова открыл дверь, как и в прошлый раз, и вошёл. Все было так же, как и тогда. Я положил почту на столик в прихожей и огляделся по сторонам. В прошлый раз я искал фотографию. На этот раз я искал что-нибудь другое – ключ, квитанцию, что-то, что могло бы подсказать мне, где она спрятала фотографию. Так и случилось. Через час я её нашёл. Среди неоплаченных счетов, засунутых в ящик старого письменного стола в её кабинете, лежала квитанция из почтового отделения на Юнион-Стэйшн.

Мне потребовалось полчаса, чтобы добраться до Юнион-Стэйшн, припарковаться, найти пункт регистрации багажа и предъявить квитанцию. Чернокожий мужчина пожилых лет шаркающей походкой вернулся в катакомбы хранилища и появился примерно через три недели с плоским манильским конвертом, запечатанным вдоль клапана прозрачной лентой. На лицевой стороне конверта витиеватым почерком было нацарапано «Лола Фэйтфул». Точка над «Й» в «Фэйтфул» была большим кругом. Я взял конверт, сел в зале ожидания на пустую скамейку и вскрыл конверт. Там был глянцевый снимок размером 8 x 10 дюймов и маленький пластиковый футляр с негативом. На глянцевом снимке была изображена Мюриэл Блэкстоун Валентайн, из одежды на ней были кожаные сапоги на высоких каблуках и больше ничего. Обнаженное тело демонстрировало всё то, чем оно обещало быть. Она улыбалась соблазнительной улыбкой, слегка перекошенной, а её глаза выглядели стеклянными. Я поднял негатив и посмотрел на него на свет. Всё совпало. Я положил негатив и отпечаток обратно в конверт из манильской бумаги и направился под сводами, мимо стоянки такси, туда, где оставил свою машину.

Я снова был на пляже в Венеции, где Анджела работала официанткой в заведении, объединяющем кафе и книжный магазин. Толпа обедающих исчезла, только несколько расфуфыренных типов потягивали напитки за столиками на открытом воздухе, стараясь выглядеть так, как, по их мнению, стоило бы выглядеть всем остальным, они просто убивали время. Я сел и заказал кофе. Анджела принесла его мне.

– Подождите минутку, – сказал я. – Мне нужно Вам кое-что показать.

Я ногой отодвинул стул от стола.

– Нам не разрешают сидеть с клиентами, – сказала Анджела, – но у меня сейчас должен быть перерыв. Можно поговорить на заднем дворе.

Я встал и последовал за ней через кухню в кладовку, где у голых шлакоблочных стен были сложены целые галлонные банки помидоров и кувшины оливкового масла. Рядом с дверью стояли швабра и ведро.

Я достал фотографию Мюриэл и протянул ее Анджеле.

– Ты её знаешь? – спросил я.

Анджела покачала головой: её щеки покраснели. В последнее время я видел так много фотографий с обнажёнными, что не подумал, что её это может смутить. Мне в ней это понравилась.

– Извини, – сказал я. – Но это единственная фотография, которая у меня есть.

– Всё в порядке, – сказала Анджела. Она снова взглянула на фотографию.

– У неё действительно чудесное тело, – сказала она.

– Конечно, – сказал я. – Эту фотографию сделал Ларри.

– Ларри?

– Я не могу этого доказать, но знаю, что это та самая фотография, которую Лола показывала Ларри, когда они поссорились. Она пыталась шантажировать его этим.

– Потому что он сфотографировал кого-то голым?

– Потому что это его жена, – сказал я.

Анджела неуверенно улыбнулась мне.

– Не понимаю, – сказала она.

– Ларри также известен как Лес Валентайн, – сказал я. – ...под этим именем он женат на этой женщине, Мюриэл Блэкстоун, ныне Мюриэл Валентайн.

– Ларри женат на мне, – сказала Анджела.

– Да, – сказал я, – а Лес женат на ней, а Лес и Ларри – одно и то же лицо.

– Я в это не верю, – сказал Анджела.

– Нет ни одной причины, по которой стоило бы, – сказал я. – Но это правда, и я скрывал её от Вас так долго, как мог.

– Я не знаю, почему Вы приходите ко мне и лжёте мне вот так, – сказал Анджела. – Вы, должно быть, очень злой или больной.

– Устал, – сказал я. – Я устал бродить по этому болоту. Может быть, Ваш муж действительно кого-то убил, а может быть, и нет; но он снова сбежал, и я не знаю, где он, и мне всё равно. Больше никаких секретов.

– Вы всё ещё не знаете, где Ларри? – спросила Анджела. Как будто все остальное, что я ей рассказал, исчезло для неё без следа.

– Нет, – ответил я. – А Вы знаете?

– Нет. Думаете, с ним что-нибудь случилось?

– Нет, я думаю, он сделал то, что умеет делать. Он сбежал.

– Он бы меня не бросил, – сказала Анджела.

Я только покачал головой. Я не знал, что, черт возьми, будет делать Ларри-Лес и куда он пойдет, и уже начал сомневаться, что когда-нибудь это узнаю.

– Он бы этого не сделал, – снова сказала Анджела.

Я выудил из бумажника визитку и протянул ей.

– Если Вы узнаете, где он, – сказал я, – можете позвонить мне.

Она взяла карточку, даже не взглянув на неё. Я сомневался, что она позвонит. Я сомневался, что кто-нибудь позвонит. Когда-нибудь.

Я вышел из ресторана и пошел обратно по пляжу. Тихий океан неуклюже приближался ко мне. Волны выглядели усталыми, когда они, украшенные гребнем, рассыпались на берегу, потом собирались и медленно отступали, поднимались и снова накатывали на берег.

Пора возвращаться в Спрингс.

33

Линда расхаживала по гостинной мимо органа Хэммонда, встроенного в бар, мимо стеклянной стены с бабочками и обратно, мимо огромного камина. На стойке бара стояла фотография обнажённой Мюриэл Блэкстоун. На неё никто не смотрел.

– Признаюсь, я очень удивлена, – сказала Линда. – Я и понятия не имела, что Маффи Блэкстоун... – она покачала головой.

– Может быть, большинство женщин также живут в тихом отчаянии, – сказал я.

– Может быть, и так, но я должна сказать, что не понимаю, почему именно мой муж должен был это раскопать. В самом деле, Филип, – она кивнула на фотографию, – неужели тебе не стыдно?

– Прошло уже много времени, – сказал я, – с тех пор как я перестал краснеть.

– А следовало бы. Как мне.

– Я детектив, леди. Ты знала это, когда выходила за меня.

– Ну, наверное, я не думала, что ты всегда будешь детективом.

– Или ты думала, что я отращу тонкие усики, выпью портвейна и выясню, кто убил кузину миссис Посселтуэйт Сью-Сью в саду замка графа Бослвика, даже не запачкав свои ботинки мульчей из коры, – сказал я. – И может быть, иногда, мы бы обедали с забавным инспектором полиции.

– Чёрт бы тебя побрал, Марлоу, неужели ты не понимаешь, каково мне? Неужели ты не можешь хоть немного измениться?

– Все зависит от того, как ты понимаешь, чтобы я изменился, – сказал я. – Я могу измениться, когда мы решаем, где мы живём, или кого принимаем, или куда едем в свадебное путешествие. Но ты же хочешь, чтобы я перестал быть тем, кто я есть. И что я есть. Вот такой я, парень, который в конечном итоге получает в свое распоряжение грязные фотографии.

– А еще два убийства, – сказала Линда, – и какую-то историю о многоженстве?

– Да, также убийства, многоженство и, возможно, еще много чего похуже, – сказал я. – Это способ, которым я зарабатываю на жизнь. Именно так я стал тем парнем, за которого, в первую очередь, ты хотела выйти замуж.

– А если бы я была бедна?

– Но ты же не бедна. Я беден, а ты – нет, – сказал я. – Нет смысла говорить о вещах, которые таковыми не являются.

– А что ты собираешься делать с этой фотографией Маффи? – спросила Линда.

– Я не знаю, – сказал я. – Раньше я не понимал этого дела, а теперь понимаю ещё меньше.

Линда подошла к бару и взяла в руки фотографию.

– Я могу порвать её прямо сейчас, – сказала она.

– Конечно, – сказал я, – но я позаботился о копиях.

– Ты ведь всегда обо всём думаешь, правда? – спросила она.

– Обо всём, что не имеет значения, – ответил я. – Я не думаю о том, кто убил Лолу Фэйтфул или Липпи. Я даже не думаю о том, где сейчас Лес Валентайн. И я ещё не придумал, как помешать копам порвать мою лицензию, с которой у меня нет копий.

Линда бросила фотографию обратно на стойку бара.

– Может быть, она велела Лесу сделать его только для них одних, понимаешь? – сказала она.

– Возможно.

– Дорогой, – сказала Линда, – давай снова поедem в Мексику. Сегодня, прямо сейчас. Я могу собраться за час.

– Ты смогла бы уложиться за два, – сказал я. – И могла бы заплатить за поездку, а когда мы вернемся, мне всё равно придётся зарабатывать на жизнь.

– Черт бы тебя побрал, – сказала Линда. – Черт бы тебя побрал!

Она подошла к панорамному окну, выходящему во внутренний дворик, и прижалась к нему лбом.

– Мне стыдно перед моими друзьями за то, что ты делаешь. Можешь себе представить, разговор в клубе, о том, что мне пришлось вытаскивать тебя из тюрьмы? Мне страшно, когда тебя нет дома, и я чувствую себя униженной, когда бывают мероприятия, и мне приходится идти одной, а я даже не знаю, где ты.

Да, говорить было не о чем. Так я и сказал.

– Я знаю, что тебе это кажется ужасно снобистским и мелочным, – сказала Линда. Она всё ещё прижималась лбом к стеклу. – Но это моя жизнь, единственная, которую я знаю. И моя жизнь тоже имеет для меня значение.

– Понимаю, – сказал я.

Она отвернулась от окна и пристально посмотрела на меня.

– Так что же нам теперь делать? – спросила она.

– Ты должна жить своей жизнью, – сказал я. – А я должен жить своей.

– И мы, кажется, не можем делать это вместе, – сказала Линда.

– Нет, похоже, что нет, – сказал я.

Мы долго молчали.

– Я попрошу своего адвоката составить документы на развод, – наконец сказала Линда. – Я хочу, чтобы кое-что досталось.

– Нет, – ответил я. – Я никогда к этому не притронусь. Это не моё.

– Понимаю, – сказала Линда.

Мы снова замолчали. Через зеркальное стекло было видно, как две ласточки нырнули в бугенвиллею и скрылись в листве.

– Сегодня я останусь в комнате для гостей, – сказал я. – А завтра я перееду обратно в Лос-Анджелес.

Она кивнула. По её лицу текли слезы.

– Черт побери, Марлоу, – сказала она. – Мы ведь любим друг друга.

– Я знаю, – сказал я. – Вот почему это так трудно.

34

Я нашёл меблированную квартиру напротив Ивара к северу от бульвара, в оштукатуренном здании, построенном вокруг внутреннего двора в те дни, когда в Голливуде было больше кинозвезд и меньше проституток. Мой старый офис в здании Кауэнга все еще был пуст, поэтому я вернулся туда. Письменный стол, два картотечных шкафа, старый календарь остались на месте, а в приёмной по-прежнему никого не было. Две дохлые мухи лежали на полу прямо за дверью, на которой все еще было написано «Филип Марлоу, расследования». Я положил новую бутылку бурбона в нижний ящик стола, сполоснул два стакана в раковине в углу и был готов приступить к делу.

Вот только никакого дела не было. Двоюродный брат дохлых мух в приемной вяло жужжал у оконного стекла за моим столом. Я положил ноги на стол. Муха перестала жужжать и посмотрела на непроницаемое прозрачное пространство перед собой. Она потёрла глаза передними лапами, потом снова зажужжала, но в этом жужжании уже не было ничего особенного. Это была проигранная битва. Она с минуту постукивала по оконному стеклу, потом снова опустилась на подоконник и встала, широко расставив лапы. Я встал и осторожно открыл окно. Какое-то время муха оставалась неподвижной, потом прожужжала один раз и лениво выпорхнула в окно, в клубы уличного дыма на высоте трех этажей над голливудским бульваром. А потом она исчезла. Я закрыл окно и снова сел. Никто не вошёл, никто не позвонил. Никому не было дела до того, заболею ли я бешенством или уеду в Париж.

В полдень я вышел на улицу, взял сэндвич с ветчиной и кофе в кафе на бульваре и вернулся в свой кабинет, чтобы попробовать сесть, положив ноги на другой угол стола. В среднем ящике моего стола все еще лежали фотографии Маффи в обнаженном виде. Я все еще не знал, что с ними делать. Негатив был заперт в старом сейфе на полу за внутренней дверью кабинета. Я всё ещё не знал, где находится Лес/Ларри, и у меня не было клиента.

Я услышал, как открылась и закрылась наружная дверь. А потом в мой кабинет вошел Эдди Гарсия, огляделся по сторонам и отступил в сторону, а следом за ним вошел Клэйтон Блэкстоун. Эдди подошел и безучастно прислонился к одному из картотечных шкафов. Блэкстоун сел в кресло для клиентов. На нем был двубортный серый костюм в тонкую полоску, который стоил больше, чем моя машина.

– Вы покинули пустыню, – сказал он.

– Слухи распространяются довольно быстро, – сказал я.

Клэйтон улыбнулся: – Сожалею о вашей семейной неудаче.

– Конечно, – сказал я.

– Ты уже докопался до сути этого бардака? – Руки Блэкстоуна неподвижно лежали на подлокотниках кресла. Его ногти были отполированы до блеска. На безымянном пальце правой руки он носил большой бриллиант.

– Возможно, у него нет сути, – сказал я.

– Что, как я понимаю, означает «нет», – сказал Блэкстоун.

– Ага, – сказал я.

– Расскажи мне, что ты знаешь.

– Зачем?

Гарсия рассмеялся коротким лающим звуком.

Блэкстоун покачал головой, не глядя на него. Он сунул руку во внутренний карман пиджака и достал оттуда бумажник из свиной кожи – длинный, слишком большой, чтобы поместиться в кармане брюк. Он вынул пять стодолларовых купюр и положил их одну за другой на стол.

– Вот зачем, – сказал он.

– Вы хотите нанять меня? – спросил я.

Эдди снова рассмеялся своим резким лаем: – Вот видите, мистер Блэкстоун, я же говорил Вам, что он умный парень.

Блэкстоун кивнул.

– Да, – сказал он. – Я хочу нанять тебя. Я хочу, чтобы ты выяснил, где мой зять. Я хочу, чтобы ты довёл расследование этих двух убийств до удовлетворительного завершения. Я хочу, чтобы жизнь моей дочери снова стала упорядоченной и приятной.

– Даже если это приведёт к заключению, что это Ваш зять застегнул их обоих на все пуговицы? – спросил я.

Блэкстоун пожал плечами:

Я посмотрел на пятьсот долларов. – Мне не нужен такой большой гонорар, – сказал я.

– Возьми как обычно, а остальное оставь себе на покрытие расходов.

Я молча кивнул.

– Но почему я? Почему бы просто не купить парочку копов или, может быть, судью или окружного прокурора и не закрыть это дело?

– Моя дочь хочет, чтобы её муж вернулся, – сказал Блэкстоун. – А твоё предложение к этому не поспособствует.

– Ладно, – сказал я. Я наклонился, взял сотенные и сложил их в бумажник. Там не было ничего, чему пришлось бы потесниться.

– Если захочешь связаться со мной, позвони Эдди. Он свяжется со мной. Он пользуется моим полным доверием. – Он снова наклонился вперед и положил на мой стол маленькую белую карточку. Она была пуста, если не считать того, что на ней чёрными чернилами был написан номер телефона.

Я посмотрел на Эдди. – И моим тоже.

– Моё единственное условие, Марлоу, чтобы ты мне обо всём докладывал. Я не нанимаю тебя для того, чтобы ты сплетничал в полиции.

– Вы первым обо всём узнаете, – сказал я. – Но, возможно, есть вещи, о которых мне придётся доложить. Я лицензированный частный детектив. Есть границы как далеко я могу зайти ради клиента.

– Главное, чтобы я был первым, – сказал Блэкстоун. – Любые другие возможности будем рассматривать по мере их возникновения.

– Прекрасно, – сказал я.

Он встал и развернулся. Эдди Гарсия опередил его и первым вышел за дверь. Блэкстоун последовал за ним. Никто из них не попрощался.

35

Я снова был в деле. Если бы не тот факт, что в моём бумажнике были деньги, моё положение не слишком изменилось. Я всё ещё не знал, что делать, чтобы заработать свой гонорар и аванс в счёт расходов. Для разнообразия я развернулся на стуле и некоторое время смотрел

в окно на Голливудский бульвар. Первая мысль, которая пришла мне в голову, была о том, что пора менять масло во фритюрнице в кофейне снизу. В лос-анджелесской котловине на юге собирались грозные на вид тучи. Башни центра Лос-Анджелеса были погружены в серые тучи, которые ещё не дошли до Голливуда. Здесь всё ещё светило солнце. Но это было временно. Через некоторое время грозовые тучи покатаются на север, ударятся о холмы, и начнётся сильный дождь. Я уже видел это раньше.

Какое-то время я смотрел, как грозовые тучи приближаются ко мне, а потом развернулся, достал одну из фотографий Мюриэл и сунул её в конверт из плотной бумаги. Я положил туда одну из своих карточек и написал на ней: «Не хотите ли рассказать мне об этом снимке?» Написал на карточке свой адрес на Голливудском бульваре, сунул её внутрь вместе с фотографией, запечатал и написал адрес на конверте. Потом я встал, спустился на почту, отправил конверт по почте – ускоренной доставкой, – и вернулся в контору.

Чтобы скоротать время, я позволил себе первый раз выпить из новой офисной бутылки. Я допивал предпоследний глоток и раздумывал, стоит ли выпить ещё, когда снова услышал, как открылась входная дверь. Возможно, мне придется нанять помощника. Я допил последний глоток бурбона, на моём лице появилась уверенная улыбка, и вошёл Лес Валентайн, он же Ларри Виктор.

– Это было легко, – сказал я.

– А?

– Кое-кто только что нанял меня, чтобы я нашёл тебя, – сказал я.

– И кто же?

Я отрицательно покачал головой.

– Я позвонил в Ваш офис в Пудл-Спрингс, но там сказали, что телефон отключён, и я позвонил Вашей жене, надеюсь, Вы не возражаете, и она сказала, что Вы вернулись работать сюда.

Я молча кивнул. Ларри выглядел так, словно спал в автобусных терминалах и умывался в мужском туалете.

– Не возражаете, если я присяду? – спросил он.

Я кивнул в сторону кресла для клиентов. Он сел, отряхивая при этом брюки так, как будто мог таким образом вернуть им хоть одну складку. Усевшись, он похлопал себя по нагрудным карманам.

– Чёрт, – сказал он, – забыл купить. Есть закурить?

Я подвинул через стол пачку, между пачкой и целлофаном в неё проскользнула упаковка спичек. Он достал сигарету, закурил и втянул дым, словно это был кислород. На нем были светло-коричневые габардиновые брюки, жёлтая клетчатая рубашка, застегнутая до самого горла, и кремовый шелковый твидовый спортивный пиджак с носовым платком цвета текилы «Санрайз». Именно так всё начиналось. А теперь одежда была измята, а на рубашке виднелись пятна. Выставлявшийся ранее на показ носовой платок теперь использовался как полотенце и был скомкан в кармане пиджака так, что наружу торчал только тощий конец. Он не брился уже несколько дней, и появившаяся борода со следами седины росла неравномерно. Лысеющая голова выглядела пятнистой, и ему нужно было подстричься.

Он заметил, что я смотрю на него.

– Я был в дороге, – сказал он. – Сегодня у меня не было возможности привести себя в порядок.

Я молча кивнул. Офисная бутылка все ещё была тут. Он смотрел на неё так, как корова смотрит на луговую траву.

– Хочешь выпить? – спросил я.

– Конечно, не откажусь, – сказал он. – Солнце уже давно взошло, верно?

Я встал, взял другой стакан из раковины, принёс его и налил нам обоим по солидной порции. Он схватил свой стакан и выпил почти треть, прежде чем поставил его на край стола. Он не отпустил его, просто сидел со стаканом в руке, стоящим на столе. Я достал трубку и начал набивать её. Он выпил еще треть своей порции, и когда он поставил стакан на стол, я взял бутылку и снова наполнил его. Он выглядел так, будто он собирался заплакать в знак благодарности. Я закончил набивать трубку, раскурил её и сделал маленький глоток из своего стакана.

– Хорошая у Вас тут обстановка, – заметил он.

– Для крыс, возможно, – сказал я. – Ты пришёл ко мне по какому-нибудь делу?

– Вы слишком строги к себе. Хороший офис, – сказал он. – Может быть, и не слишком броский, но ведь это только видимость. Вы же видели мой офис. Просто и функционально. Письменный стол, картотека, что ещё нужно, черт возьми?

Он отпил ещё немного бурбона и откинулся на спинку стула, когда выпивка его расслабила.

– Вот что я скажу, парень, это всё правильно.

Я ждал. Я знал, что какое-то время он будет хорохориться, но я-то знал, что он был в отчаянии – он так сильно хотел, чтобы я позвонил Линде. Он наклонился и взял мою пачку сигарет.

– Не возражаете? – спросил он.

Я отрицательно покачал головой. Он закурил, затянулся дымом, сделал большой глоток бурбона, глотнул и выпустил дым.

– Думаю, копы всё ещё ищут меня, – сказал он.

– Да, – ответил я. – И я тоже.

– Я не убивал эту девку, – сказал он. – Черт побери, Вы же верите мне, Вы помогли мне бежать.

– Это из-за Анджелы, – сказал я.

– Анджелы?

– Я же сказал, что вы были счастливы вместе. Я просто обожаю тех, кто счастлив вместе.

– Да, наверное, у Вас тоже всё не так гладко складывается, – сказал он. – Вернулся в город и всё такое.

Я пыхнул своей трубкой.

– Вы ведь не думаете, что я убил её, правда?

– Теперь не знаю, – сказал я. – А что насчёт Липпи?

– Липпи?

– Ага, его бы ты убил?

– Липпи? Липпи мёртв?

– А ты разве не знал? – спросил я.

– Откуда мне знать? – сказал он. – Я не был в Спрингс уже неделю или около того.

– А как ты узнал, что его убили на прошлой неделе? – спросил я.

– Я только что услышал об этом и думаю, что это было бы новостью в Пудл-Спрингс.

– Ну да, – сказал я.

– Я никого не убивал, Марлоу. Вы единственный, с которым я могу поговорить, единственный, с кем я могу быть откровенным.

– Как ты это сделал, когда я высадил тебя у Мюриэл, обещая, что останешься там, где я смогу тебя найти.

– Да, конечно, я знаю. Я знаю, что сбежал от Вас. Но я должен был это сделать. Я должен был уйти оттуда. Вы же не знаете, какая она. Её деньги, её отец, то, что ей нужно, то, чего она хочет, то, что я должен сделать... я задышался там, Марлоу.

Я сунул руку в ящик стола и вытащил один из глянцевых снимков Мюриэл Валентайн размером 8х10 дюймов. Я поднял его так, чтобы он мог его видеть.

– Расскажи мне об этом, – попросил я.

– Господи, – сказал он. – Где Вы это взяли?

– Это та фотография, которую Лола Фэйтфул показывала тебе в баре перед тем, как её убили, не так ли? – спросил я.

– А где Вы её взяли? Ну же, Марлоу, где?

– Зубная Фея, – ответил я, – оставила её вместо четвертака.

Он выпил еще немного бурбона, затушил сигарету в круглой стеклянной пепельнице на столе и, не спрашивая разрешения, вынул из пачки еще одну.

– Вот так я познакомился с ней, – сказал он.

– Она позировала для порнографических снимков? – спросил я.

– Ей это понравилось, – сказал он. – Люди в этом бизнесе знали её. Спросите кого угодно. Кудрявая богатая девушка, приходи и фотографируй её в обнаженном виде. Самое смешное, что она должна была знать, как эти фотографии будут использоваться. Она хотела, чтобы их продавали, ну, знаете, распространяли. Она хотела знать, что какой-нибудь парень на улице где-нибудь раздобудет фотографию и увидит её.

– Поэтому ты ей это и предложил, – сказал я.

– Нет, Господи, Марлоу, ты просто саркастичный ублюдок.

– Я стараюсь, – сказал я. – Ты отвёз её прямо домой к Анджеле и познакомил с ней?

– Черт побери, это был мой шанс. Я уже много лет копил и копил деньги. Блин, я же чёртов художник, и всё, что мне нужно было делать, чтобы заработать на жизнь, – это делать эти грязные фотографии. Ведь у этой девки было больше денег, чем у Говарда Хьюза, прямо здесь, у меня в руках, столько денег, сколько надо было; для меня, и, конечно, но для Анджелы. Малышка этого заслужила.

– И посмотри, что она получила, – сказал я.

– Марлоу, – сказал он. – Я не знаю, что мне делать. Если копы найдут меня, всё это выплывет наружу.

– Если ты её фотографировал, – сказал я, – то почему она не знает, что ты Ларри Виктор?

– Тогда я использовал Валентайна. Ну, знаешь, как сценическое имя. У меня была студия в Хайленде, недалеко от Мелроуза. Я пытался всерьёз заняться фотографией под своим именем. И как тогда, когда у меня появился шанс жениться на ней, ну, тогда я открыл новый офис, под своим настоящим именем.

– Чтобы держать Анджелу в неведении, – сказал я.

– Да. Анджелу я никак не хотел связывать с Лесом Валентайном. В любом случае, она никогда не знала, что я использую это имя.

– А твоя мать знает, кто ты такой? – спросил я.

– Марлоу, я никого не убивал, но, если копы поймают меня, всё это выплывет наружу. Анджела будет знать, Мюриэль будет знать.

– И её старик узнает и пошлёт очень крутого парня по имени Эдди Гарсия, чтобы спросить тебя, как получилось, что ты устроил большой беспорядок в браке с его дочерью.

Я взял одну из стодолларовых купюр, которые дал мне его тесть (или там как назвать в двоеженстве?) и протянул её через стол Виктору.

– На Уилкоксе есть ночлежка, – сказал я. – Чуть южнее бульвара. Мотель «Красная Ковровая Дорожка». Зарегистрируйся, приведи себя в порядок, поешь чего-нибудь и оставайся там. Я сделаю все, что смогу. Если тебя не будет рядом, когда ты будешь нужен, я всё всем расскажу, и ты останешься совсем один.

Виктор взял купюру и уставился на нее.

– А как тебя зовут на самом деле? – спросил я. – Виктор или Валентайн?

– Виктор... ну, первоначально это был Шленкер, но я его изменил.

– За Виктора, – сказал я. – Ларри Виктора.

Он кивнул.

– Ладно, Ларри. Иди туда и жди меня.

– Сколько? – спросил он. – Я имею в виду, что мне нужно действовать. Я же не могу вечно торчать в какой-то дыре.

– Блэкстоун всё узнает, и ты окажешься в ещё большей дыре на небе, – сказал я. – Я сделаю всё, что смогу.

Виктор кивал слишком часто и слишком быстро. Он встал и положил мои сигареты в карман рубашки, а сотню сложил один раз и сунул в карман брюк.

– Оставь бутылку, – сказал я.

Он машинально улыбнулся и потер подбородок открытой ладонью.

– Я получу от тебя весточку? – спросил он.

Я молча кивнул. Он повернулся к двери.

– Я рассказала Анджеле о Мюриэл, – сказал я.

Он замер спиной ко мне.

– И что же она сказала? – спросил он, не оборачиваясь.

– Она мне не поверила, – сказал я. Все еще стоя ко мне спиной, он спросил: «Ты расскажешь Мюриэл?»

– Нет.

Он кивнул и, не оглядываясь, подошёл к двери, открыл её и вышел.

36

Я позвонил Эдди Гарсии по номеру, который дал мне Блэкстоун, и он согласился встретиться со мной на пирсе Бэй-Сити. Он был уже там, когда я добрался туда, в его дальнем конце, облокотившись на перила и наблюдая, как морские птицы летают над волнами в поисках рыбы и кружат над пирсом в поисках мусора. Облака уже расселись над Лос-Анджелесом, океан стал серым и гладким на вид, волны медленно двигались под облаками. Вместе с грозowymi тучами налетел ветер, он хлестал по верхушкам волн и срывал с них мелкие брызги. Гарсия был одет в легкий плащ, едва защищающий от ветра, воротник он поднял.

Когда я подошел к нему, он повернулся спиной к перилам, упершись в них локтями, и посмотрел на меня.

– Славный денёк ты мне устроил, мореход, – сказал он.

– Это твой выбор, – ответил я.

– Зато, это хорошее место, чтобы поговорить наедине, – сказал он.

Я молча кивнул.

– Открытое пространство, так что засады можно не опасаться, – сказал я.

При дневном свете, вблизи, я мог рассмотреть вороны лапки вокруг глаз Гарсии и глубокие морщины вокруг его рта. Он не выглядел усталым, просто был старше, чем я думал.

– Так о чём пойдёт речь, мореход?

– Расскажите мне о Мюриэл Блэкстоун, – попросил я.

Казалось, что-то шевельнулось в глубине глаз Гарсии. Его лицо оставалось непроницаемым.

– Зачем? – спросил он.

– Я в затруднительном положении, Эдди, – сказал я. – Вполне возможно, я смогу найти Виктора в полном порядке, а когда найду, то прослежу, чтобы он вернулся домой к Мюриэл, но я совсем не уверен, что это лучшая идея.

– Почему? – спросил Гарсия.

– Он не такой уж плохой парень, – начал я.

Гарсия пролаял своим коротким смешком.

– Мы все это знаем, – сказал он.

– Но тут замешаны другие люди, – сказал я.

– Я работаю на Блэкстоуна, – сказал Гарсия. – Как и ты.

– Но это не значит, что я принадлежу ему, – возразила я. Это, на самом деле, ничего не значило. Я просто шумел, тянул время, пытаюсь понять, как мне поступить дальше.

– Как и я, – сказал Гарсия. – Ну и что дальше?

– А Блэкстоун знает, что она странная? – спросил я.

Эдди немного выпрямился, сидя в шезлонге на перилах. Его глаза сузились.

– Странная? – повторил он.

На мне тоже был плащ, такой же как у любого хорошо одетого куртого парня в этом городе. Я сунул руку в карман и достал одну из фотографий Мюриэл. Я чувствовал себя человеком, торгующим старой доброй французской порнографией. Гарсия взял фотографию и посмотрел на неё без всякого выражения на лице. Когда он протянул её мне, возвращая, на неё упала капля дождя – одна капля, толстая, размером, должно быть, с пятицентовик. Вокруг меня, разбиваясь о пирс в мелкие брызги, падали такие же капли. Я вытер фотографию о грудь и сунул её обратно в карман плаща.

Гарсия посмотрел на меня со слабой улыбкой.

– Если бы мистер Блэкстоун был здесь, ты был бы уже мёртв, – сказал он.

– Он убил бы меня?

– Он мог бы приказал мне убить тебя, – ответил Эдди.

– Ага, – сказал я. – Я уже чувствую, как задрожали мои губы.

– Откуда у тебя эта фотография?

– Не важно, – ответил я. Дождь становился все сильнее, капли размером с монету падали всё чаще. – А Блэкстоун знает о ней?

Гарсия молчал, размышляя. Я стоял и ждал, пока он думал.

Наконец он сказал: «Да. Он знает обо всём. Малютка начала делать ошибки с тех пор, как была маленькой. Выпивка, жуткие знакомства, наркота. Когда она была моложе, я проводил много времени, приводя её жизнь в порядок.»

– Например? – спросил я.

– Например, живёт она с каким-то голливудским сердцеедом на пляже Зума, а я иду туда беседую с ним, и он оставляет её в покое. Или был такой журнал, о котором никто никогда не слышал, один из тех, что выпускают два номера, закрываются и открываются под другим названием. Как бы то ни было, у них была её фотография. – Гарсия свирепо ухмыльнулся. – *Нимфетка голубых кровей*, так и собирались написать. Я пошёл и поговорил с издателем. Как-то так.

– Она познакомилась с Виктором, когда он сделал эту фотографию, – сказал я.

Гарсия кивнул: «Да. Блэкстоун водил её ко врачам, черт возьми, мы ездили с ней в Швейцарию. Эксгибиционизм, говорили они. И многое другое дерьмо, которое для меня ничего не значит. Правда, её не вылечили, зато много болтали.»

– Вы давно работаете с Блэкстоуном? – спросил я.

– Тридцать один год, – ответил Гарсия.

– Это уже нечто больше, чем просто работа, – сказал я.

– Так откуда ты взял фотографию, мореход? – спросил Гарсия. Дождь теперь шёл не переставая, покрывая рябью гладкую поверхность волн.

– Она была у Лолы Фэйтфул, Лола спрятала её на Юнион-Стэйшн. Я нашёл квитанцию в её доме.

– А почему копы её не нашли? – спросил Гарсия.

– Они её и не искали, – сказал я. – Я видел одну ссору в баре. И знал, что фотография существует.

– А где Лола её взяла?

– Я не знаю, – сказал я. – Она была мертва, когда я нашёл её.

– И она пыталась шантажировать этим Ларри, – сказал Гарсия.

Я молча кивнул. Дождь намочил темные волосы Гарсии, и вода стекала по его лицу. Но он, похоже, этого не замечал.

– А он заставил её замолчать, – сказал он.

Я пожал плечами.

– Может быть, – сказал я. – А может быть, она обратилась к кому-то другому.

– Маффи? – спросил Гарсия.

– Возможно, она проделала весь путь к самому главному ресурсу, – предположил я.

– Мистер Блэкстоун, – сказал Гарсия.

– Что, вероятно, означает тебя. Ты пользуешься малокалиберным пистолетом с усиленными патронами?

Две верхние пуговицы плаща Гарсии были расстегнуты. Он сделал движение, и на свет появился пистолет. Он развернулся и выстрелил, чайка в полёте, казалось, налетела на препятствие и рухнула в океан. Гарсия обернулся, его оружие лежало на раскрытой ладони. Это был массивный никелированный «магнум» сорок четвёртого калибра с двухдюймовым стволом. В голове Лолы Фэйтфул такой проделал бы дыру размером с бейсбольный мяч. Гарсия едва шевельнулся и оружие вновь скрылось под плащом.

– Неплохо, – сказал я, – для такого короткого ствола.

– Помни об этом, – сказал Гарсия. – На твоём месте я бы нашёл Леса Валентайна, вернул его Маффи, взял деньги мистера Блэкстоуна и жил дальше.

Сильный тёплый дождь обрушивался на нас, как тяжёлая головная боль. Я чувствовал влагу там, где она просочилась за воротник. Теперь вместе с дождём пришёл и сильный ветер, который подталкивал нас обоих.

– Мистер Блэкстоун наконец-то выдал её замуж, понимаешь? Этот парень – мерзавец, это ясно. Ты это знаешь, я это знаю, мистер Блэкстоун это знает. Но Маффи этого не знает, а если и знает, то ей всё равно. И мистеру Блэкстоуну тоже всё равно. Он держит её под прикрытием, в Спрингс, вне улиц, в безопасности. *Comprenez*²⁹, мореход? Если ты всё испортишь, мистер Блэкстоун отправит меня найти тебя.

– Если он это сделает, *chico*³⁰, ты знаешь, где меня искать, – сказал я.

Мы некоторое время смотрели друг на друга под дождём, ветер пытался нас сдуть и больше никого не было видно на дальнем конце городского пирса над широким серым океаном, очень далеко от Пудл-Спрингс.

37

Было уже время ужина, когда я вернулся домой после встречи с жутким Эдди Гарсией. Долго стоял под душем, переоделся в сухую одежду, сделал себе крепкий виски с содовой, сел и позвонил Линде. Ответил Тино.

– Мистер Марлоу, – сказал он. – Мне очень жаль, что Вы уехали. Надеюсь, Вы скоро вернётесь.

Я пробормотал что-то ободряющее и подождал, пока он позовёт Линду. Когда она заговорила, её голос был чист, как лунный свет.

– Дорогой, – сказала она. – Тебе там тепло и уютно?

– Я хотел, чтобы у тебя был этот номер, – сказал я и продиктовал ей его. – Это меблированная квартира на Ивар. Ни слуг, ни бассейна, ни бара с пианино. Не знаю, смогу ли я выжить.

– Это ужасно, не правда ли, как некоторые люди иногда решают жить, – сказала Линда. – Я надеюсь, что, по крайней мере, ты сможешь найти там цивилизованный «буравчик».

– Конечно, – сказал я. – Ты же знаешь, что в Голливуде можно найти всё, что захочешь.

– Тебе одиноко, дорогой?

– Одиноко мне, что ли? Как только стало известно, что я вернулся, на Вестерн-авеню образовался затор из законтрактованных «Парамаунт Пикчерз» старлетов.

Некоторое время мы оба помолчали. Телефонные провода между нами слегка гудели от напряжения.

– Дорогой, не сердись, но папа открывает завод по производству шарикоподшипников в Лонг-Бич, и он сказал, что ты, возможно, захочешь занять там должность ... э-э ... директора по безопасности.

– Нет, – ответил я.

– Мы могли бы жить в Ла-Хойе, у нас там есть кое-какая собственность, и ты мог бы ездить на работу утром и быть дома каждый вечер в шесть тридцать.

– Это невозможно, Линда.

– Я знаю, – сказала она. – Я знала это и тогда, когда говорила, но, дорогой, я так скучаю по тебе. Я скучаю по тебе всё время и особенно по ночам. Я ненавижу спать одна, дорогой.

²⁹ *Comprenez* – понимаешь (исп.)

³⁰ *Chico* – парень (исп.)

– Я тоже по тебе скучаю, – сказал я, – за исключением тех случаев, когда у меня бывают старлетки.

– Ах ты ублюдок, – сказала она. – Ну почему ты ублюдок, почему ты такой упрямый, почему ты не можешь немного уступить?

– Это всё, что у меня есть, – сказал я. – У меня нет денег. У меня нет никаких перспектив. Всё, что у меня есть, – это я сам. Всё, что у меня есть, это несколько собственных правил, которые я сам установил для себя.

– Я слышу это, но, черт возьми, я не понимаю, что это значит. Всё, что я знаю, это то, что я люблю тебя и хочу, чтобы ты был со мной. Почему это плохо?

– Это не так, это хорошо. Но ты хочешь, чтобы я был не такой, как сейчас. А если я изменюсь, то исчезну. Потому что у меня нет ничего, кроме себя.

В трубке повисло долгое молчание, а потом Линда тихо сказала: «Чёрт бы тебя побрал, Марлоу, чёрт бы тебя побрал.»

Она тихо повесила трубку, я на мгновение задержал свою, а потом осторожно положил её на рычаг.

Я сделал большой глоток виски и оглядел арендованную комнату, где стояла арендованная мебель. Она была так же очаровательна, как мебель из «Сирс и Роубак»³¹. Я встал, подошёл к окну и выглянул наружу. Там было темно. Там не было ничего, кроме моего собственного отражения в черном стекле, испещренном дождевыми полосами: 42-летний мужчина пил в одиночестве в съемной квартире в Голливуде, в то время как над облаками Вселенная медленно катилась на восток над тёмными равнинами республики.

Я отвернулся от окна и отправился на кухню, чтобы снова наполнить стакан.

38

На следующее утро всё ещё шёл дождь, такой устойчивый дождь под плотными облаками, что, казалось, он никогда не прекратится. Я стряхнул воду с плаща и повесил его в углу кабинета. Внизу в я купил кофе в бумажном стаканчике, и, когда плащ был повешен, устроился за письменным столом, чтобы сделать глоток. Мой «тридцать восьмой» был в наплечной кобуре. Эдди Гарсия был довольно убедителен, а, кроме того, если дождь не прекратится, то мне, возможно, придется с боем пробиваться на борт ковчега.

Кофе был слишком горячим, и, поэтому, после первого же глотка я поставил стаканчик на угол стола, чтобы вернуться к нему, когда он остынет. Наружная дверь открылась и закрылась. Послышался короткий стук каблучков, а затем из дождя появилась Маффи Блэкстоун. На ней был алый плащ и такая же шляпа от дождя. Через плечо у нее была перекинута большая черная сумка, а ноги защищали блестящие черные сапоги на высоких каблучках. Руки были засунуты в карманы плаща. Она вытащила одну из них, чтобы закрыть за собой внутреннюю дверь, затем обошла вокруг моего стола и уставилась на меня сверху вниз.

– Уткам такая погода нравится, – любезно заметил я.

Она продолжала смотреть на него. Я кивнул на кофе, стоявший на углу моего стола. Из него поднималась тонкая струйка пара.

– Не хотите ли сделать глоток? – спросил я. – У меня нет другой чашки, но сегодня утром я хорошо почистил зубы.

³¹ «Сирс и Роубак» (англ. Sears, Roebuck and Company) – американская сеть универмагов основанная Ричардом Уорреном Сирсом и Альвой Кертисом Роубаком в 1893 году.

Она вынула руки из карманов, открыла свою большую сумку и достала конверт из манильской бумаги, который я ей отправил.

Она молча бросила его мне на стол. Я протянул руку, взял его, вынул фотографию. Я посмотрел на фотографию, а затем внимательно на неё, повернув голову в одну сторону, чтобы сравнить её лицо с тем, что было на фотографии.

– Да, – сказал я наконец, – это Вы.

– Где ты её взял? – спросила она. Её лицо было очень напряжено, но голос звучал на удивление бодро.

– Лола Фэйтфул её спрятала, – сказал я. – а я нашёл в камере хранения на Юнион-Стэйшн.

– А зачем ты мне её прислал? – спросила она. В её голосе зазвучали более отчетливые нотки. Я понял, что это было не спокойствие, а истерическая песня.

– В этом деле я хожу вокруг да около с самого начала. Я подумал, что, может быть, если я не могу войти, то может быть смогу заставить кого-нибудь выйти.

– Ты... пытаешься... – её голос стал настойчивее. Он поднимался плавно, а потом проваливался, и в нижних регистрах она опять начинала пищать.

– Ты... пытаешься... разрушить... мой брак, – пропищала она.

Я отрицательно покачал головой.

– Нет, я пытаюсь найти Вашего мужа и выяснить, кто убил Лолу Фэйтфул и Липпи. – И до сих пор я не очень хорошо справлялся с этим делом.

– Кто... кому ты... показал этот... снимок?

– Я не показывал его Вашему отцу, – ответил я.

– Оставь моего отца в покое, ты грязный... – слова вырвались внезапно, и она не успела закончить фразу. Она не могла придумать ничего достаточно грязного, чтобы могло бы подойти мне.

– Я думал, Вам нравится, когда Ваша фотография передается из рук в руки, – сказал я. – И как же так вышло, что Вы забросили светское общество?

– Что ты знаешь? – спросила она, и её голос больше не был мелодичным. Он шёл глубоко из груди. В левом углу её рта появился маленький пузырьёк слюны. Она все еще стояла перед столом, широко расставив ноги и засунув руки в карманы плаща. У нее была ярко-красная помада и много чего ещё на глазах, но лицо было бледным, почти меловым, как будто оно никогда не видело пустыни.

– Я знаю, что Вы познакомились с Лесом, когда он занимался фотографией в офисе на Хайленд-авеню. Я знаю, что Вам нравилось позировать обнаженной, нравилось раздавать фотографии, хотелось, чтобы их видели. Я знаю, что у Вас была жизнь, полная наркотиков, выпивки и вереницы плохих парней, и я знаю, что Ваш старик решил разобрался с каждым пунктом из списка.

– Или послал разобраться Эдди, – сказала она. Пузырёк слюны был всё ещё там.

Я продолжал ждать. Она слегка прикусила нижнюю губу, достаточно, чтобы размазать густую помаду. Облизала кончиком языка уголки рта. Сначала правый, затем левый. Пузырёк исчез.

– Ты работаешь на моего отца? – спросила она.

– Он нанял меня, чтобы я нашел для Ларри и вернул его обратно к Вам.

– Не называй его так, – прошептала она, но голос ее все еще звучал из груди. – Не называй его Ларри.

– Хорошо, – сказал я.

– Он не хочет, чтобы ты возвращал его мне. Он просто хочет, чтобы ты нашёл его, чтобы Эдди мог его убить.

– Зачем бы ему это делать? – спросил я.

– Потому что он никому меня не отдаст. Он никогда меня не отпустит. Он всегда находит выход.

– Почему тогда он позволил Вам выйти замуж за Леса? – спросил я.

– Мы с ним убежали, а когда вернулись, то уже были женаты, – сказала она. – Стало слишком поздно.

– Это помешало такому человеку, как Блэкстоун? – сказал я. – Такая мелочь, как брак? И уж точно это не остановило бы Эдди Гарсию.

– Я знала, что ты мне неверишь, – сказала она. Её голос снова зазвучал как верхние ноты у флейты. – Никто не поверит. Он и это испортит... как испортил всё... а ты ему поможешь.

Слюна снова появилась в уголке её рта, а голос зазвучал так, что услышать её могли только собаки.

– Почему бы вам не присесть, миссис Валентайн?

Она снова вытащила руки из карманов, и в правой руке у неё оказался пистолет. Он был не очень большой, инкрустирован серебром, а то, что я смог рассмотреть на рукоятке, оказалось жемчужиной. Это очень был симпатичный пистолет, настоящий пистолет для настоящей леди, достойный, чтобы его носить с собой, симпатичный маленький автоматический пистолет, вероятно, двадцать пятого калибра. Может быть, с усиленными патронами. Жёсткий черный глаз пистолета не дрогнул, когда она направила его на меня. Он не проделает слишком большую дыру в моём лбу. Вероятно, даже не было бы выходного отверстия, пуля просто срикошетила бы внутри, чтобы коронер мог без проблем найти её, когда они будут меня вскрывать в центральном городском морге.

Она держала пистолет обеими руками, прямо перед собой, слегка согнув колени и удобно расставив ноги, как когда-то её кто-то научил. Её рот был приоткрыт, а язык быстро двигался взад–вперед по нижней губе. Она дышала через нос, слегка фыркая.

– Он любит меня, – сказала она, – и я не позволю... тебе... всё испортить...

Всё происходило очень медленно. Дождь бесконечно лениво барабанил в окно за моей спиной. Я видел, как по отвороту плаща Мюриэл скатилась одинокая капля дождевой воды.

– Это они пытались всё испортить, – сказал я. – Правда?

– Да, – прошептала она.

– И Вам пришлось их убить?

– Да, – снова раздался шёпот, и слово плавно перешло в протяжное шипение.

– Лола, – сказал я. Она медленно кивнула.

– Липпи. – И опять этот кивок.

Я медленно наклонился вперед и взял свой кофе.

– Но не я, – сказал я. – Я просто пытаюсь помочь. Я знаю, где сейчас Ларри.

Она медленно покачала головой. Всё происходило очень медленно.

– Ты... всё... не испортишь... – сказала она.

Я уронил свою кофейную чашку. Кофе выплеснулся мне на штанину, а стаканчик подпрыгнул на бедро и упала на пол.

– Вот ведь... – сказал я, наклонился, чтобы поднять его, и сполз из кресла под стол, одновременно откапывая из-под мышки «тридцать восьмой». Потом упал на пол на левое плечо. Надо мной раздался глухой щелчок, затем еще один, и две пули вонзились в стену позади моего рабочего кресла. Я выстрелил один раз в потолок прямо над собой, чтобы дать ей понять, что у меня есть пистолет. Перекатился на колени, все ещё за столом, и стал ждать вместе с ней. Мой «тридцать восьмой» обосновался на краю рабочего стола. Я слышал её частое неглубокое дыхание.

– Я не хочу в Вас стрелять, – сказал я и осторожно отодвинулся за угол стола. Немного спустя я услышал её шаги, потом стукнула дверь. Я встал и увидел, как захлопнулась входная дверь офиса. Подойдя к окну, я посмотрел вниз, на Голливудский бульвар. Примерно через минуту я увидел, как она вышла на мокрую улицу, повернула направо и быстро зашагала по бульвару, опустив голову и всё ещё держа руки в карманах плаща.

В синевато-сером утреннем свете у большинства машин на бульваре горели фары. Их сияние на мокром тротуаре сливалось с цветными неоновыми бликами и блеском крыш мокрых автомобилей, когда я смотрел, как она исчезает из виду, двигаясь на запад к китайскому театру, мимо сувенирных лавок и мест, где продавалось нижнее белье «пика-бу».

Я отвернулся, вынул из револьвера пустую гильзу, вставил новую и сунул оружие обратно под мышку. Взял несколько бумажных полотенец, вытер пролитый кофе и выбросил бумажный стаканчик. Посмотрел на дырки от пуль в стене и на потолке. С этим я ничего не мог поделать. Наверное, было бы неплохо оставить всё как есть. Будет работать на имидж. Я снова надел плащ и отправился к стоянке, чтобы забрать свою машину.

Я никуда не торопился. Я был почти уверен, что знаю, куда она пойдет. Больше идти ей было некуда.

39

Я иногда думаю, что Южная Калифорния выглядит лучше в дождь, чем в любое другое время. Дождь смывает пыль, покрывает лоском дешёвку, нищету и лицемерие, освежает деревья, цветы и траву, выжженные солнцем. Бель-Эйр под мокрым небом был весь одновременно изумрудным, алым и золотым от дождя, заставлявшего улицы блестеть.

Я сказал парню у ворот Клэйтона Блэкстоуна: «Марлоу. Работаю на Мистера Блэкстоуна.»

Охранник вернулся в будку. Будкой это будет только в Бель-Эйре. В «Тысяче Дубов» это считалось бы ранчо с двумя спальнями и садом. Через две-три минуты охранник вернулся и сказал: «Подожди здесь, Эдди сейчас спустится за тобой.»

Я сидел и смотрел, как дворники отрисовывают усеченный треугольник на лобовом стекле. Ещё через три минуты к воротам с той стороны подъехала машина, из неё вышел Эдди Гарсия, ворота открылись, и Эдди подошёл к моей машине с поднятым воротником плаща. Он сел рядом со мной.

– Езжай за той машиной, – сказал он.

Мы поднялись по извилистой подъездной дорожке, окруженной влажной зеленью, и остановились под большим парадным входом. Машина впереди тоже остановилась, Джей Ди вылез из неё и уставился на меня. Гарсия вылез со своей стороны, а я – со своей. Гарсия кивнул головой, и я последовал за ним в здание, он провел меня через библиотеку в кабинет Блэкстоуна. Никто из нас не произнёс ни слова.

Блэкстоун снова сидел за большим письменным столом, на этот раз в двубортном синем блейзере и белой тенниске. На нагрудном кармане Блейзера красовался какой-то герб. У стойки бара с бокалом в руке, как я и ожидал, стояла Мюриэл. Её милого пистолета нигде не было видно. Эдди закрыл за нами дверь, когда мы вошли в комнату, и встал примерно в

футе от двери, повернувшись к ней спиной. Я подошел к столу Блэкстоуна и сел на тот же стул, что и раньше.

– Дождь идёт, – рассеянно сказал Блэкстоун.

– Даже в Бель-Эйр, – отозвался я.

Он кивнул, глядя мимо меня на свою дочь.

– В прошлый раз, когда ты был здесь, Марлоу, ты был очень откровенен со мной.

Я ждал продолжения.

– Но ты кое-что утаил, – сказал он.

– А я и не отрицал.

Он говорил медленно и почти без интонации. Как человек, думающий о других вещах: закончившихся любовных историях, детях, играющих на пляже, и тому подобных вещах. Он наклонился вперед, достал из коробки сигару и аккуратно обрезал ее ножом, который достал из среднего ящика стола. Осторожно зажёл ее, медленно поворачивая кончик в пламени, а затем сделал затяжку, выпустил дым и наблюдал, как он рассеивается в кондиционированной атмосфере. Пока все это продолжалось, никто не проронил ни слова. Через панорамное окно я мог видеть, как капли дождя оставляют ямочки на поверхности лазурной воды в бассейне.

– Ну а теперь, Марлоу, что ты можешь мне сообщить?

– Ваша дочь заходила ко мне в офис, – сказал я. – Как раз перед тем, как она приехала сюда.

– Ну и что? – он посмотрел на Мюриэл. Мюриэл держала стакан обеими руками. Он был почти полон; она, казалось, совсем забыла о том, что из него можно пить.

– В чём же суть состоявшегося разговора? – спросил он.

– Что Вы намереваетесь разрушить её брак, и я, как Ваш агент, был нанят с той же целью.

Блэкстоун пристально посмотрел на дочь. – Мюриэл?

Она ничего не ответила. Она прижимала стакан к груди, словно пытаясь согреть напиток.

– Она сказала, что убьёт меня, как убила Лолу и Липпи, – сказал я, – а потом вытащила автоматический пистолет двадцать пятого калибра с хромированной отделкой и перламутровыми накладками и постаралась это сделать.

Блэкстоун не изменил выражения лица и не пошевелился. Он смотрел на меня, как человек, погруженный в размышления.

– Липпи и Лола были застрелены из пистолета двадцать пятого калибра, – сказал я.

Блэкстоун медленно кивнул, но не смотрел на меня. Он смотрел через всю комнату на свою дочь. Наконец он встал. Я увидел, что он был одет в белые брюки и белые мокасины. Он пересек комнату и остановился примерно в трех футах от дочери.

– Нет ничего, Маффи, что я не мог бы купить или запугать. Нет ничего, что я не смог бы исправить.

Она даже не взглянула на него.

– Расскажите мне об этом, – попросил Блэкстоун. – Насчет пистолета, Лолы и Липпи. Расскажи мне о том, что поведал мистер Марлоу.

– У Лолы была моя фотография, – сказала Мюриэл детским голоском. – Та самая, на которой я позировала. Давным-давно.

Блэкстоун кивнул.

– Ты ведь больше этим не занимаешься, правда, Маффи? – спросил он.

Она покачала головой, всё ещё глядя в пол и прижимая стакан к груди.

– Она сказала, что может показать её в Спрингс и расскажет, что её сделал Лес, и... – она покачала головой, не поднимая глаз.

– И что же? – спросил Блэкстоун.

Мюриэл не пошевелилась.

– Она договорилась с Лолой встретиться в офисе Ларри, а когда они встретились, то сразу её застрелила. Потом забрала фотографию, вычистила бумаги Ларри и ушла.

– Разве она знала, что там будут другие фотографии? – спросил Блэкстоун.

– Она не играла за всех, – сказал я. – Она не знала, что это может впутать Ларри и привести к Лесу.

Мы просто обсуждали её, как будто она была украшением из нефрита.

– А как же Липпи? – спросил он Мюриэл. – Я даже не знал, что вы знакомы.

– Он нанял мистера Марлоу найти Леса из-за денег. Он задолжал мистеру Липшульцу.

Блэкстоун пристально посмотрел на меня. Я пожал плечами.

– Ты знала, что мистер Липшульц работал на меня, Маффи?

– Нет, пока мистер Марлоу не сказал.

– Даже если так, почему ты просто не пришла ко мне? Я мог бы дать тебе денег. Я уже делал это и раньше.

Она уставилась в пол.

– Но почему, Маффи?

– Мне было стыдно, – сказала она. – Я не хотел, чтобы ты узнал, что Лес был в долгах из-за азартных игр. Поэтому я пошла поговорить с мистером Липшульцем.

– А Липпи знал Вашу дочь? – спросил я.

– Нет. Он даже не знал, что она у меня есть. Я разделяю семью и бизнес. – Он снова повернулся к дочери. – Так что пришло, Маффи?

– Я попросила его не беспокоить нас с Лесом, а он сказал, что бизнес есть бизнес, и его босс прибьет его шкуру к дверям клуба, если он потеряет такую сумму. Я сказала, что у меня нет таких денег, но есть и другие способы расплатиться.

– Господи, – тихо произнес Блэкстоун.

Его дочь ничего не ответила.

– И вот Липпи улыбается, как Братец Медведь, – сказал я, – велит своим стрелкам убираться, наливает виски и спрашивает: «Как тебе нравится здешний вид пустыни, милая?», и... – я выстрелил из воображаемого пистолета, опустив большой палец на вытянутый указательный.

– Он бы... всё испортил, – сказала Мюриэл. Я уже слышал этот звук раньше.

Блэкстоун встал и долго смотрел на свою дочь сверху вниз. Затем он развернулся, вернулся за свой стол и опустился в кресло. Взял сигару, затянулся ею, чтобы убедиться, что она все еще горит, откинулся на спинку кресла и молча уставился на дочь. Но когда он заговорил, то только со мной.

– Я велел Эдди проследить за Ларри Виктором, – сказал он. – Узнать, что там готовилось. – Он помолчал, глядя на свою сигару. – Ты же знаешь, что у него есть жена.

– Да, – сказал я. – Я знал это с самого начала.

– И не испытывал никакой необходимости сообщить мне об этом, даже после того, как взял мои пятьсот долларов?

– Я тогда ещё не понял в чём дело, – сказал я, – думал, что зря только причиню боль.

– О чём это вы? – спросила Мюриэл. – О чём... вы... говорите?

– У него была другая жена, Маффи, – сказал Блэкстоун. – У парня, из-за которого ты убила двоих, была другая жена.

– Что... ты... имеешь в виду... другая... жена?

– Он одновременно с тобой женат на другой женщине, Маффи, – сказал Блэкстоун. – Он многоженец.

Тишина в комнате взорвалась, став всё плотнее и плотнее, как падающая звезда. Эдди Гарсия, прислонившийся к двери, выглядел так, словно спал, только глаза его время от времени лениво двигались.

– Это... неправда, – сказала Мюриэл своим мелодичным шепотом. – Это не... правда.

Теперь Блэкстоун смотрел прямо на меня.

– Ну что скажешь, Марлоу?

– Она убила двух человек, – сказал я. – Я не могу позволить ей просто уйти в закат.

– А я не могу позволить пойти ей ко дну, – сказал он.

Мюриэл выпрямилась у стойки, повернулась вполоборота и обеими руками осторожно поставила стакан на стойку.

– Я не буду стоять здесь и выслушивать ложь, – сказала она. Её голос звучал в нижнем регистре.

Блэкстоун покачал головой. – Нет, Маффи, – сказал он. – Ты сейчас не в себе, тебе надо немного успокоиться.

– Ты сидишь здесь и выдумываешь ложь, – сказала она. Её голос был по-прежнему глубоким, но дыхание стало прерывистым, и она заговорила, судорожно вздыхая. – Ты хочешь... разрушить мой брак. – Она медленно перемещалась по комнате, держа руки в карманах. Эдди стоял в дверях, словно наблюдая в телескоп за Большой Медведицей.

– Ты никому не позволишь... овладеть мной. Никогда. Ты... все испортишь.

– Маффи! – сказал Блэкстоун. В его голосе послышались резкие нотки.

Она внезапно обернулась и вынула руки из карманов, держа в правой руке пистолет. Она стиснула левой рукой правую, приняла стойку стрелка и всадила две пули в лоб Блэкстоуна. Я только наполовину успел повернуться на своем стуле, когда её голова разлетелась кровавыми брызгами и почти одновременно тяжело бухнул большой «магнум» Гарсии, а Мюриэль наполовину развернулась и упала на пол лицом вниз.

Я проверил обоих в гулкой тишине, которая последовала за выстрелом, ощущая запах кордита в комнате. Оба были мертвы. Гарсия все еще стоял у двери с пистолетом в руке.

– Полсекунды, – сказал он. – Я опоздал на полсекунды.

Я молча кивнул.

– Десять лет назад, – тихо сказал Гарсия. – Десять лет назад я бы спас его.

– Если копам будет нужно, они повесят это на тебя, Эдди, – сказал я.

– Они меня не найдут, Марлоу.

– Однако милая и справедливая перестрелка, – сказал я. – Она совсем свихнулась.

– Полсекунды, – повторил Гарсия, – я промедлил на полсекунды.

Потом он открыл дверь и закрыл её, когда уходил.

Я медленно подошел к столу Блэкстоуна, снял телефонную трубку и набрал номер, который знал гораздо лучше, чем хотел бы.

40

Полицейские отпустили меня в середине дня. Они не хотели этого делать, но предъявить мне было нечего, кроме того, что я был паршивым детективом, а с этим у них были проблемы. Пока я ехал по прибрежному шоссе в сторону Венеции, я пытался понять, насколько я плохой детектив. К тому времени, как я добрался до Санта-Моники, я уже решил, что не смогу с этим разобраться, и с таким же успехом могу считать себя хорошим детективом, несмотря на все различия, которые при этом наличествовали.

Я припарковался за рестораном, где работала Анджела, и сказал: «Скажи боссу, что у нас чрезвычайная ситуация, и поедем со мной.»

Её глаза расширились, но она не стала задавать вопросов. Через пять минут мы уже были в моём старом автомобиле, направлявшемся в Голливуд.

– Никакой срочности нет, – сказал я в машине. – Я её придумал, чтобы ты поехала со мной.

– Ты нашёл Ларри?

– Да, нашёл, – сказал я. – Я отвезу тебя к нему.

– О Боже, – сказала она. – С ним всё в порядке?

– Конечно, – сказал я. Хотя я не был уверен, что с Ларри Виктором когда-нибудь всё будет в порядке.

Потом мы ехали молча. Дождь перешел в мелкую морось – достаточную, чтобы оставить «дворники» включёнными.

– О том, что женат на другой... – сказал я.

– Я знаю, что это неправда, – сказала она.

– Да, верно, – сказал я. – Я в этом ошибся.

К тому времени, как мы подъехали к мотелю, где прятался Ларри, дождь совсем прекратился.

Мотель был одним из тех двухэтажных зданий, где каждая дверь была выкрашена в свой цвет, а балкон тянется через весь второй этаж. В каждом из концов балкона была лестница. Контора в дальнем конце выступала под прямым углом и была облицована каким-то искусственным камнем.

Мы с Анджелой поднялись по лестнице к комнате Виктора. Я постучал в дверь.

– Это Марлоу, – сказал я.

Через мгновение я услышал шаги, а затем дверь приоткрылась на три дюйма, и Виктор выглянул наружу. Я отступил в сторону, и он увидел Анджелу.

– Ларри, – сказала она. – Ларри, это я.

Он закрыл дверь, снял цепочку и снова открыл её, и Анджела, казалось, приподнялась в его объятиях.

– Ларри, – сказала она. – О Господи, Ларри.

Я несколько минут стоял за дверью, прислонившись к стене, курил и смотрел на движение дождевых облаков, когда они наконец перестали обниматься. Затем я вошел в комнату. Анджела и Ларри сидели на кровати, держась за руки. Она смотрела на него так, словно он был Царём всех персов.

– Мюриэл Блэкстоун мертва, – сказал я. – Как и её отец. Быть тем, кем она была, – это закончилось полной неразберихой. Как ты с этим справишься – твоя проблема.

– Как же так? – спросил Виктор. – Кто?

– Не имеет значения, – сказал я. – Это не ты, и не я.

– Это та самая женщина, на которой, по твоим словам, был женат Ларри? – спросила Анджела.

– Меня обманула внешность, – сказал я.

– Да, именно так, – сказал Виктор. – Внешность иногда обманчива.

– Я не знаю, что ты здесь, – сказал я. – И я не знаю, где ты.

Я достал из бумажника оставшиеся четыре сотни, из тех, что дал мне Блэкстоун, и положил их на дешёвый письменный стол у двери.

– Не звони мне, – сказал я. – И не приходи ко мне.

Я повернулся и вышел за дверь. Виктор последовал за мной.

– Подожди минутку, – сказал он и вышел на балкон. – А если нагрянут копы?

– Так и будет, – сказал я. – Если они смогут тебя найти.

– Но что мне делать?

– Держись от меня подальше, – сказал я. – И позаботься об этой девушке. Если я, когда-нибудь, узнаю, что ты плохо к ней относишься, я найду тебя и растопчу твоё лицо.

– Эй, Марлоу, не надо так говорить. Чёрт возьми, мы через многое прошли вместе.

– Да, – сказал я. – Запомни, что я сказал.

Я повернулся и вышел. Позади себя я услышал голос Виктора: «Марлоу? Ради бога, Марлоу...»

Я продолжал идти.

Я слышал, как Анджела сказала: «До свидания, мистер Марлоу. Спасибо.»

Я помахал ей, не оборачиваясь. Потом сел в машину и выехал на Уилкоккс-Авеню.

41

Было слишком поздно возвращаться в офис и слишком рано возвращаться в свою квартиру пересчитывать стены. Может быть, попозже. Я буду решать шахматную задачу, выпью пару стаканчиков, выкурю трубку. Но не сейчас. Если сейчас, то вечер грозит затянуться.

Так что я медленно кружил по Голливуду, разглядывая жуликов и сутенеров, туристов и проституток, людей из Плейнфилда, штат Нью-Джерси, высматривающих звёзд, королей выпускного бала из Шакопи, штат Миннесота, ветеранов кастингов. Все они все были там, на бульваре, испуганные, нетерпеливые, злые, отчаявшиеся, справедливые и несправедливые; смешивались, спешили, слонялись, стараясь вырваться вперед, урвать кусок, шанс, доброе слово; искали денег, любви, места для ночлега, пытались раздобыть какую-нибудь дурь, выпивку, что-нибудь поесть; большинство из них были одиноки, да почти все были одиноки.

Я нашел место для парковки на другой стороне улицы, вышел из машины и направился в бар отеля «Рузвельт». Я заказал двойную порцию «буравчика» и уселся в конце стойки. Люди начали прибывать после окончания рабочего дня. Я посмотрел на бар сквозь почти соломенный «буравчик». Прошло много времени с тех пор, как я сидел в этом баре и пил «буравчик» с Терри Ленноксом, много времени с тех пор, как я впервые встретил Линду Лоринг. Дочь Харлана Поттера: золото, бриллианты, шёлк и духи, которые стоят больше, чем

моя недельная зарплата. Прошло много времени, всё закончилось, а я всё ещё сижу в конце бара и пью в одиночестве.

Очень жаль, Марлоу. Жаль, что другого выхода нет.

Я допил свой «буравчик», встал, вышел и поехал домой.

В моей квартире был затхлый запах закрытого помещения, который получается, когда целый день никого внутри нет. Оставив дверь в прихожую открытой, я поднял пару окон в гостиной, чтобы впустить немного свежего воздуха. Облака теперь были разорваны и на Западе окрашены заходящим солнцем. Оставив окна и дверь открытым, я пошёл на кухню, чтобы приготовить выпить. Положил лёд, добавил содовую в стакан с виски и отнёс его в гостиную. Там была Линда. Она вошла и закрыла за собой дверь. Рядом с ней на полу лежал небольшой чемоданчик. На ней был маленький розовый костюмчик, дурацкая розовая шляпка размером с парик, белые перчатки и туфли. Её ночной чемоданчик был розового цвета с белой отделкой и её инициалами. «Л. М.»

– Надолго в городе? – спросил я.

Она не ответила, только посмотрела на меня, и её глаза были огромными и, одновременно, тёмными и светящимися.

– Это государство с обобществлённой собственностью, – сказал я. – Вы пришли, чтобы конфисковать половину моих боеприпасов?

– Я пришла, чтобы заняться с тобой любовью, – ответила она.

– Я думал, мы разводимся, – сказала я.

– Да, – сказала она, – всё верно. Но какое это имеет отношение к занятиям любовью?

– Вы, кажется, ужасно уверены в себе, – сказал я. – Ночная косметика и всё такое. А что, если я скажу «нет»?

Линда улыбнулась и покачала головой. Мне казалось, что я могу утонуть в её глазах, если буду смотреть на них слишком долго.

– Ты права, – сказал я. – Наверное, я не откажусь.

Она улыбнулась чуть шире, все ещё молча, все ещё с вечностью, таящейся в её глазах. Она протянула руку, сняла дурацкую розовую шляпку и положила её на кофейный столик.

– Мне нужно знать, что всё это значит для нас, – сказал я.

Она медленно кивнула.

– Это значит, – сказала она, и её голос звучал почти бесстрастно, словно в унисон с оркестром, играющим за пределами слышимости, – что мы слишком любим друг друга, чтобы расстаться. Мы можем положить конец браку, но не можем положить конец любви. Наверное, мы не сможем жить вместе. Но почему это должно означать, что мы не можем быть любовниками?

– А, – сказал я, – понятно. Вот что это значит.

– Да.

– Ну, для меня это имеет смысл, – сказал я.

Линда расстегнула пиджак, сняла его, расстегнула молнию на юбке и выскользнула из нее. Сняла нижнее белье, бросила его на пол, выпрямилась и снова улыбнулась мне.

– Ты хочешь, чтобы я разбушевался прямо здесь, в гостиной, или предпочитаешь, чтобы мы удалились в спальню? – спросил я.

Теперь казалось, что голос существует отдельно от меня, как будто реальность была вне поля зрения, и мы действовали согласно произносимой кем-то поэме. Линда не ответила.

– Что ты предпочитаешь? – услышал я свой голос.

– Думаю, и то, и другое, – слышался голос Линды. А потом, много позже, в темноте, когда мир был уже далек от нас, я услышал, как один из нас спросил: «Навсегда?» – а другой, не знаю который именно, наши голоса к тому времени уже слились воедино, ответил: «Навсегда».

ФИЛИП МАРЛОУ ВЕРНУЛСЯ И У НЕГО НЕПРИЯТНОСТИ

«Вся суть в том, — писал однажды Рэймонд Чандлер, — что детектив³² существует полностью, целостно и неизменно во всём, что происходит, и, что он, как детектив, находится вне истории и выше её, и так будет всегда. Вот почему он никогда не получит девушку, никогда не женится, никогда по-настоящему не будет иметь никакой личной жизни, за исключением того, что он должен что-то есть, где-то спать и иметь место, где можно хранить свою одежду.»

Почему Чандлер решил женить своего всемирно известного частного детектива Филипа Марлоу, — это лишь одна из многочисленных загадок романа «Пудл Спрингс», который он оставил незаконченным после своей смерти в 1959 году. Еще одна загадка заключается в том, почему он выбрал Линду Лоринг, одного из своих наименее успешных и привлекательных женских персонажей, в качестве женщины, которая не только состояла в отношениях, но и фактически вышла замуж за одинокого холостяка, чьей бесспорной территорией был гламурный и грязный город Лос-Анджелес.

Избалованная, красивая дочь очень богатого человека (Чандлер назвал её в письме «девушкой на 8 миллионов долларов из «Долгого прощания»»), Линда впервые появилась в этом романе, который Чандлер писал, когда его любимая жена Сисси умирала от фиброза легких. В письме Эдварду Уиксу, редактору газеты *Atlantic Monthly*, через три года после смерти Сисси в 1954 году Чандлер писал: «пока она умирала, а я знал, что она умирает, я написал свою лучшую книгу. Я писал это в агонии, но все же написал.»

В это время, опустошенный и обезумевший, он боролся с написанием того, что станет его худшей книгой, «Воспроизведение», которая начала свою жизнь как оригинальный сценарий для *Universal* примерно за десять лет до этого. В последней главе этой книги Линда звонит из Парижа, чтобы сделать предложение руки и сердца. Говоря о своём выборе её в качестве лучшей пары для Марлоу, Чандлер написал другу: «я надеюсь, что выбрал правильную женщину.» Он выбрал не ту женщину. Трудно поверить, что первые четыре главы «Пудл Спрингс» были задуманы Чандлером как законченная работа. Состоящие всего лишь из 31 страницы (но главы Чандлера часто были очень короткими), они рисуют Линду Лоринг, которая имеет только номинальное сходство с женщиной, которую мы встретили при её дебютном появлении и позже в её кратком телефонном звонке. Плавающая в прозрачном нижнем белье, рассыпая «дорогой», как лепестки роз, она, кажется, плохо имитирует Таллулу Бэнкхед³³. Однако самое большое разочарование — это сам Марлоу. Чрезвычайно неудобный в Палм-Спрингс («Пудл-Спрингс, как я его называю, — писал Чандлер в 1958 году, — потому что каждое третье элегантное существо, которое вы видите, имеет по крайней мере одного пуделя»), он трещит мудро, но с меньшим юмором и с явным напряжением, слишком громко и неуверенно протестуя против своей женитьбы на богатой, и кажется чрезмерно впечатленным своей собственной славой как частного детектива. Это не тот Марлоу, которого мы знаем и любим.

То, что Чандлер представлял себе всего лишь «хорошим сюжетом» — женитьба Марлоу на девушке, «чьи представления о том, как жить, были совершенно противоположны его представлениям», полностью подавляет начальные главы романа. Появляется лишь намёк на дело: человек попал в беду. Марлоу загадочно отмахивается от него, потому что он занят

³² Рэймонд Чандлер имеет ввиду частного детектива, героя произведения.

³³ Таллула Брокмен Бэнкхед (англ. Tallulah Bankhead, 31 января 1902 — 12 декабря 1968) — американская актриса, знаменитая своим остроумием, блестящей внешностью, хриплым голосом и превосходно сыгранными ролями во многих пьесах и кинофильмах, в основном довоенных.

поисками офиса, из которого, предположительно, он мог бы вести дела. Но человек, попавший в беду, – это бизнес, не так ли? Во всяком случае, этот человек посылает двух «капюшонов», чтобы привести Марлоу. Марлоу ловко стряхивает с них пыль и говорит, что зайдет к их боссу попозже, когда ему будет удобно. Появляется Роберт Б. Паркер. В 1988 году Нопф опубликовал книгу «Празднование столетия», в которой 23 писателя, работающих в криминальном направлении, написали рассказы о Марлоу в более или менее удачных имитациях стиля Чандлера. Как ни странно, Роберт Б. Паркер не был представлен в этой книге. Книга была посвящена Эду Виктору, агенту, представляющему интересы компании «Чандлер Эстейт». Это была идея Виктора попросить мистера Паркера закончить «Пудл Спрингс», «потому что из ныне живущих писателей, его стиль наиболее близок к стилю мистера Чандлера».

Действительно, невозможно представить себе другого писателя в мире, более подходящего для этой задачи. Роберт Паркер не только посвятил Чандлеру часть своей докторской диссертации, но и сам является создателем грамотных, остроумных и чрезвычайно читаемых романов о Спенсере, частном детективе, который доказал свою стойкость на протяжении примерно 17 книг и длительного телевизионного сериала. То, как мистер Паркер проделывает этот трюк, – дань его огромному мастерству. На самом деле, одно из истинных наслаждений в «Пудл-Спрингс» – наблюдать, как этот привлекательный писатель сначала изнемогает под тяжестью кандалов, закрепленных на его запястьях и лодыжках, а затем освобождается от них, чтобы с ликованием броситься вниз по дороге, которую в расцвете сил выбрал бы сам Чандлер.

Мистер Паркер не вполне преуспел в том, чтобы избавиться от призрака Линды Лоринг, которая цепляется за всё предприятие, как приторный дизайнерский парфюм. Однако он взял самое тонкое начало – появление человека, попавшего в беду, рядом с Марлоу – и создал из него потрясающую добрую тайну. Нанятый, чтобы найти игрока, который сбежал, оставив за собой долговую расписку на 100 000 долларов, Марлоу навещает богатую, брошенную жену этого человека в Палм-Спрингс, а через три главы снова возвращается на знакомую территорию, входя в модельное агентство Лос-Анджелеса. Пропавший игрок, по-видимому, был также так себе фотографом, который в те дни, когда он (как и Марлоу) женился на богатой женщине, зарабатывал сомнительную жизнь, делая порнографические снимки. Однако подобные картины способны привлечь шантажистов, а шантаж часто приводит к кровавым убийствам. Прежде чем Марлоу раскроет, что здесь происходит на самом деле, у нас произойдет два таких убийства, и мы познакомимся с целой стайей колоритных калифорнийских типов по обе стороны закона. Мы также пройдем через запутанный заговор, основанный на двойной личности, бессмертной любви и ошеломляющих чарах негодяя, с которыми Марлоу – и мистер Паркер – справляются с обычным апломбом.

В самом лучшем своем проявлении мистер Паркер больше похож на Чандлера, чем сам Чандлер, но с той остротой, которую мастер начал терять в последние дни своей жизни. Вот он описывает любимый смешанный напиток Марлоу:

«Я отхлебнул немного «буравчика». Он был чистым и холодным, и скользил по пересохшим внутренностям, как свежий дождь.»

А вот он здесь, выбрасывает сравнение, за которое многие другие писатели готовы были бы убиты:

«В кабинете было пусто, как во взгляде официанта»

Или описание Лос Анджелеса, который Чандлер так точно отображал во всех своих лучших работах:

«Я иногда думаю, что Южная Калифорния выглядит лучше в дождь, чем в любое другое время. Дождь смывает пыль, покрывает лоском дешёвку, нищету и лицемерие, освежает

деревья, цветы и траву, выжженные солнцем. Бель-Эйр под мокрым небом был весь одновременно изумрудным, алым и золотым от дождя, заставлявшего улицы блестеть.»

Мило. Он также хорош в воссоздании бесконечной битвы Марлоу с полицией. Это был бы не Марлоу (или Чандлер) без телефонного звонка в полицейский участок после обнаружения тела. Также никто не может себе представить, что Марлоу не станет главным подозреваемым, не будет избит по меньшей мере одним полицейским с дубинкой в руках или не будет заперт на ночь в местной тюрьме – все обязательные условности романа о частном детективе до принятия Правила Миранды. Одна из проблем с «Пудл-Спрингс», по сути, заключается в отсутствии последовательных временных рамок. Мистер Паркер рассказывает об электрических вибраторах и 35-миллиметровых камерах Canon, растворимом кофе и журналах из газетных киосков с грязными картинками в них, мокасинах с золотыми цепочками на язычках, всё это, похоже, является атрибутом здесь-и-сейчас. Но стиль и тон, и сама последовательность событий – Линда сделала предложение Марлоу в романе 1958 года, Линда вышла замуж за Марлоу всего на три недели и четыре дня в начале этого романа – заставляют читателя ожидать что время действия романа относится к событиям 30-летней давности, когда Чандлер писал первые главы, и поэтому анахронизмы становятся очевидными. И это уже перебор. Книга работает – даже если в какой-то момент невыносимая Линда говорит: «Это не работает... Я не говорю, что это твоя вина... но это не работает.» – Это вполне мог быть и сам Роберт Б. Паркер, вслух жаловавшийся на наследство Чандлера: четыре короткие, неотшлифованные главы, в которых изображен неузнаваемый Марлоу, женатый на почти невозможной женщине.

Однако в другом месте романа мистер Паркер заставляет Марлоу думать: «Здесь определённо что-то знали. При правильном освещении всегда можно сделать так, что всё-что угодно будет хорошо выглядеть.»

Если «Пудл Спрингс» и выглядит хорошо, то только потому, что мистер Паркер знает, как создать правильное освещение.
